

Л. Я. АВЕРЬЯНОВ

СОЦИОЛОГИЯ:
ЧТО ОНА ЗНАЕТ
И МОЖЕТ

МОСКВА 1993
"СОЦИОЛОГ"

АВЕРЬЯНОВ Л. Я.

СОЦИОЛОГИЯ: ЧТО ОНА ЗНАЕТ И МОЖЕТ

- ОБЩЕСТВО В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИИ
- НАУКА, КОТОРАЯ ВСЕМ НУЖНА
- КАКОЕ ОБЩЕСТВО ИЗУЧАЕТ СОЦИОЛОГИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
- СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ

Москва —1993
«Социолог»

Это книга о социологии, как ее понимает автор, о ее месте в системе гуманитарных наук, о том, чем должна заниматься и что она знает о самой себе и об обществе, о социальных отношениях и о людях, ради которых она создавалась и существует. Это книга, наконец, о том, что же социология может дать обществу, его институтам, организациям и предприятиям.

Работа написана в жанре научной публицистики и рассчитана на специалистов и широкий круг читателей, интересующихся социологией.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена социологии и прежде всего ее роли в общественной жизни, поискам своего места в системе общественнознания, рассказывает о том, как социология боролась за право быть наукой и за право быть полезной обществу. Эта работа о начальном периоде становления отечественной социологии 50—80 годов. Конечно, читателям не надо рассчитывать на полное и всестороннее описание отечественной социологической мысли. По всей видимости это дело будущего, сейчас этому не пришло время, много еще надо узнать, понять, по новому переосмыслить прошлые события. Скорее всего книгу можно назвать кратким экскурсом в историю социологии, описания периода ее становления и практической сферы приложения социологического знания.

Однако, возможно, читателям будут интересны те страницы книги, которые посвящены природе социальных отношений как предмету и объекту социологии и социологических исследований. В общем-то, это относительно новый подход к поиску предмета социологии, и как кажется, позволяющий более четко определить область социологического знания. В книге проводится мысль, что задача социологии заключается прежде всего в том, что она должна заниматься исследованием наиболее общих законов социальных отношений. Конечно, это будущее социологии, но сегодня важно понять куда идти и что искать, а не ползать в потемках, как это вынуждено делали социологи раньше.

Кроме того в работе рассматриваются такие вопросы, как роль социологии в получении социальной информации, проблемы социальной диагностики, задачи социального моделирования и социального проектирования, исследуются некоторые аспекты социальной напряженности.

Работа рассчитана на специалистов-социологов, студентов, начинающих социологов и широкий круг читателей. Автор надеется, что каждый прочитавший ее найдет в ней что-то для себя интересное и полезное.

Глава 1. ОБЩЕСТВУ НЕОБХОДИМО СВОЕ ЗЕРКАЛО ВЫДУМАННЫЙ МИР КРИВОГО ЗЕРКАЛА

В течение долгих десятилетий наше общество было не только вне научного анализа, но даже вне критики. Это удивительно, но факт. В эпоху величайших социально-политических преобразований и больших достижений в науке, технике, культуре, когда человечество стремительно несется в неизвестное, и любой неверный шаг может не только затормозить развитие общества, но и выкинуть его на обочину мирового прогресса, более того — поставить под вопрос само его существование, ни одно общество не может себе позволить такой роскоши.

Наше общество себе это позволило. Хуже всего то, что мы не только отказались от объективного анализа, но и тщательно оберегали себя от всего того, что могло бы показать наши недостатки и выставить не в том свете, в котором хотели бы себя видеть. Долгое время мы отказывались смотреть на себя со стороны критическим взглядом. Мы не позволяли даже высказать сомнение в правильности нашего развития. Раз и навсегда принятая концепция социализма, как некое священное писание, понималась как

изначально истинная, пригодная для всех времен и народов, и никакой критике и пересмотру не подлежала.

Общество менялось, а концепция оставалась неизменной, и ее основные положения не подвергались даже сомнению. Неумение и нежелание анализировать реальность, привели к резкому разрыву концептуального представления, как должно быть с тем как есть на самом деле.

Общественные науки в нашей стране превратились в догматические и схоластические теории, развивающиеся только в рамках концепции социализма и никоим образом не обращающиеся к действительности. Из реальной жизни выхватывались только отдельные факты, чтобы подтвердить правоту своих и общих концептуальных построений. Таким образом, сложился целый мир псевдодействительности о социализме. Советские обществоведы, даже лучшие их представители, являлись соответственно величайшими специалистами в изучении этой псевдодействительности, специалистами по изучению написанной действительности, знатоками псевдонаучной литературы, официальных документов, но почти ничего не знающих о том, что творится в реальном мире. Начавшаяся перестройка (в 1985 г.) общественного сознания и общественно-политической жизни хорошо показала их детскую беспомощность перед реальной жизнью, неспособность к объективному анализу действительности, происходящих событий и соответственно выработки альтернатив социального развития нашего общества.

Запретив не только критиковать концепцию научного социализма, власть имущие заставляли обществоведов постоянно ее восхвалять. Их заставляли быть услужливым зеркалом и наши общественные институты послушно восхваляли наше общество как «самое передовое и самое прогрессивное», как общество всеобщего благоденствия, а руководство как «самое мудрое». Это не вина наших обществоведов, это трагедия людей, которые имели склонности, желание и способности к общественным наукам. Им не дали реализоваться, и не они виновны в том теоретическом хаосе, который сейчас творится и в обществе, и в общественном сознании.

А что же делалось с реальными проблемами и противоречиями, с неявными недостатками и явными провалами в экономике, политике и пр.? Да ничего, их просто не замечали, замалчивали, делали вид, что их не существует, представляли их как частные издержки, несущественные недоработки, временное явление и т. д. Их представляли «в принципе» не противоречащими общей генеральной линии, т. е. общей концепции социализма, а только как частные недоработки или извращения. А тех, кто пытался указать на вопиющие несоответствия декларируемого и реального положения дел, того уничтожали физически, экономически, нравственно, духовно — арсенал средств здесь был хорошо отработанный.

И произошло то, что и должно было произойти. Мы стали привычно жить как бы в двух мирах, в двух измерениях. В одном иллюзорном, умозрительном мире, логически не противоречивом и, я бы сказал, красивом, стройном и даже изящном обществе, но по существу далеком от реальности. Этот мир нам постоянно вбивали в голову книги, газеты, радио, учебники и пр. В этом мире мы постоянно восхваляли руководство страны и свое непосредственное начальство за мудрые решения и блестящие достижения, которых не было. Существовал и другой, реальный мир, где мы работали, кушали, решали повседневные проблемы. Когда нам не хватало продуктов или каких-либо вещей, мы действовали в соответствии с законами реальной жизни, или так называемой теневой экономики, а вернее теневой реальной жизнью, и все, что надо было нам, доставали. В

одном мире жизнь шла по законам движения объективной реальности, а в другом — только по законам этого выдуманного мира.

Все было бы ничего, и разумный человек, искушенный в житейских перипетиях, очень хорошо представлял, как надо действовать, что, где достать, чтобы обеспечить сносное (а нередко и более чем сносное) существование. Надо сказать, что многие хорошо с этим справлялись и успешно жили в обоих мирах. Но в целом для общества то, что мы стали жить в двух мирах, в двух измерениях, оказалось не таким уж безобидным делом. На этих умозрительных логически отработанных схемах, которые и в самом деле были очень непротиворечивыми, симпатичными и даже изящными, но по существу нежизнеспособными, мы воспитывали целые поколения, им преподносили эти схемы как концепции своего личного и в целом государственного развития, выдавая их за реально существующие. И делалось это настолько успешно, что выдуманный мир для них становился самой настоящей реальностью. Именно таким наше общество они видели и именно таким хотели его иметь. Тем самым был определен жизненный путь и жизненная концепция не одного поколения советского общества.

Не входя в реальный мир и жестко сталкиваясь с реальными законами, по которым надо жить, а не мечтать, и после множества ошибок и нередко и трагедий, приходило понимание, что он совсем не такой, каким его рисовали старшие товарищи, наши вожди и учителя. Все это нередко приводило к стрессовому состоянию, к смещению понятий и невозможности понимания реального мира.

Происходила чудовищная трансформация сознания. Реальная жизнь представлялась следствием «извращения» выдуманного общества, извращенного, например, бюрократами, несознательными элементами, спекулянтами, идейными противниками, внутренними и внешними врагами, буржуазной пропагандой и пр. А отсюда проистекало самое удивительное и простое решение. Стоит только усилить контроль, сделать всех честными и трудолюбивыми, всех воспитать и перевоспитать в коммунистическом или социалистическом духе и выдуманный мир, или концепция идеального коммунистического общества станет реальностью.

Иными словами, выдуманный мир стал преподноситься и — более того восприниматься в сознании широких масс как реальный мир, а

реальный мир, реальное общество и соответственная реальная система отношений, как, например, в теневой экономике, как искажение этого идеализированного общества. Реальное общество отказывалось развиваться по придуманной схеме, она была ему чужда, но этим самым оно уже было плохо. Надо было его исправлять, подгоняя под принятую схему, и это постоянно делалось. Самое удивительное, что в это искренне верили даже те, кто зарабатывал и предлагал эту идеализированную схему развития общества, например, партийные и советские функционеры, обществоведы. Попытки исправить реальный мир предпринимались постоянно; усиливался контроль (сколько у нас было контролирующих организаций!), совершенствовались пропаганда и воспитание (возьмите, хотя бы тотальную политучебу), даже проводились хозяйственные и социальные эксперименты, перекраивались управленческие структуры. Но все это не давало ровным счетом никакого эффекта, а только усугубляло положение. Мы все дальше и дальше отходили от реальной жизни в погоне за утверждением идеального общества и делали свою жизнь все хуже и хуже. Надо было менять концепцию развития общества, а не общество подгонять под выдуманную концепцию. И прошло не мало времени, пока стали потихоньку понимать эту простую истину.

Но скольких трагедий это стойло. Те, кто не смог понять и принять реального мира, не сумел отбросить вымышленные догмы и постулаты и исходил только из идеализированных представлений, оказывались в конечном итоге вне жизни, вне общества. Сколько погубило одаренных и талантливых людей, да и у скольких обычных людей была покорена жизнь. Была искалечена судьба целых поколений.

Помню кинофильм, героиня которого попыталась отравиться, потому что с конвейера автомобильного завода стали сходиться машины с бракованными стеклами и все ее попытки воспрепятствовать этому оказались безуспешны. «Какая глупость — искренне восклицали зрители,— травиться из-за каких-то стекол!» Они были мудрые люди, знали жизнь, а она не знала. Дело было не в бракованных стеклах, она поступала так, как ее учили в школе, дома, как писали в газетах и показывали по телевизору. «Как же так,— говорила она,— меня учили, что надо хорошо работать, чтобы хорошо жить, это долг, обязанность каждого честного советского человека». Но, оказывается, люди могут хорошо жить именно потому, что плохо работают. Это коренное противоречие нашего общества, и, право, было из-за чего тянуться за таблетками.

Никто не спорит, что для того, чтобы хорошо жить, надо хорошо работать, без брака, качественно, сдавать продукцию в срок. Но из-за

извращенной системы социально-политических отношений, построенных на принципах неадекватных природе человека, произошло извращение таких исходных понятий, как, например, «хорошо работать». Изначально верный принцип социализма, например, такие как равенство, превратился в уравниловку, социальная справедливость — ничего для всех и все для немногих, гуманизм — в жестокость к инакомыслящим, дисциплина — в беспрекословное подчинение начальнику, идеологическая выдержанность — на веру принимать все, что говорят сверху и поддакивать всему, что говорит начальник и т. д. Нам постоянно говорили одно, на практике требовали другое, а жизнь требовала третьего.

Расхождение между словом и делом, между тем, что провозглашали и что было на самом деле, сравнение объективной реальности с выдуманной схемой, в конечном итоге, привело к неверию в идеалы социализма и вообще в какие-либо идеалы, инфантилизму, росту антисоциальных и антиполитических явлений, возрастанию пороков и их углублению, падению нравственности и как результат к снижению уровня экономического и социального развития и тому кризисному состоянию, что мы сейчас переживаем. Общество не может жить и развиваться без концепции, но она должна быть реальной, адекватной движению объективной реальности, постоянно изменяться в соответствии с реальными запросами общества.

Но почему этого не поняли в нашем обществе? Этому было много причин. Низкий общий уровень культуры народа, а соответственно, и его руководителей, непонимание законов общественного развития и общее самодовольство, провозглашение самих себя самыми умными. Это и боязнь, когда провалы стали явными, увидеть себя подлинными, и нежелание что-то изменять в своей жизни, тем более, что для правителей она была весьма не плохой. Но, пожалуй, самое главное — это полная безответственность, в первую очередь, высшего руководства за настоящее и будущее нашего общества.

Не хотелось бы возлагать всю вину за содеянное только на руководство страны. В том, что мы сегодня имеем, виновато все общество, виноват каждый. И, если мы имеем то, что сегодня имеем, значит, в обществе не нашлось сил, чтобы изменить ситуацию и направить развитие общества в правильное русло.

В период перестройки стали активно говорить о необходимости трезвого, непредвзятого рассмотрения общества, тщательного и всестороннего изучения социальных процессов, представления объективной информации о существующем положении дел. И самым распространенным в публицистике и в научных кругах стало требование «нам необходимо зеркало общества». Поняли, что если и дальше жить в иллюзорном мире и закрывать глаза на движение объективной реальности, то это приведет к еще более негативным последствиям.

Но насколько тяжело приходит понимание, насколько непросто происходит осознание, насколько велика привычка, ставшая потребностью, жить в выдуманном мире, подтверждают социально-политические и экономические процессы последнего времени. Нет, трудно отказаться от старого, привычного, теплого и уютного мира. Боязно взглянуть в правдивое зеркало, страшимся увидеть себя непредвзятыми и нелестными глазами.

Ситуация, конечно, потихонечку меняется к лучшему, жизнь заставляет обратить на себя внимание и думать. Меняются руководители, растет общая культура народа, выходят на политическую сцену новые люди, которые не хотят жить в выдуманном мире. Они начинают осознавать, что нельзя уходить от жизни, от действительности, необходимо бороться за свой реальный мир, пускай такой неприглядный, серый, грязный, с мусором и дерьмом. Но все же это наш мир, который нам переделывать, если хотим жить в новом гражданском обществе.

Зеркало — это только символ потребности в непредвзятом анализе общества, его объективной оценки, выявления позитивных и негативных тенденций. Обществу необходимы специальные институты для беспристрастного его отражения. Одним из таких институтов является социология.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ БУМ

После долгого запрета и вынужденного молчания, наконец, в середине 50-х годов, было разрешено изучать, исследовать, анализировать и смотреть на мир и современное общество более или менее раскрытыми глазами. Хотя и невелика была свобода действий, но начало было положено.

Однако, полученное разрешение не было следствием того, что на авансцену вышел добрый и демократический дядя. Оно было продиктовано валом социально-экономических проблем, накопившихся за прошедшие годы. Для их решения, к которым, наконец, приступили в этот период, требовалось огромное количество социальной, социально-экономической, демографической и пр. информации. Необходимо было знать, какие социальные процессы протекают в обществе, где и как они зарождаются и каким образом могут проявиться, чтобы можно было их предвидеть и по мере возможности управлять, а не ждать как

стихийного бедствия. В конце концов даже руководителям страны, стало понятно, что командовать по-старому нельзя, а чтобы управлять эффективно, ничего не оставалось, как попытаться понять общество, в котором они живут. И хотя полного осознания необходимости отказа от старых методов управления еще не было, как не было и полного осознания необходимости социального изучения общества и потребности в социальной информации, но тем не менее, проблемы реальной экономики толкали на действия именно в этом направлении. Это и привело к потеплению внутреннего климата, «оттепели», некоторой свободе действий творческой интеллигенции, в том числе и к развитию

социологии. Во всяком случае начался отход от понимания ее как чисто буржуазной лженауки и восприятия ее как актуальной социальной общественной дисциплины, могущей что-то дать и социалистическому обществу. Можно сказать, что эти годы стали поворотными в возрождении отечественной социологии.

50—60-е годы — это настоящий социологический бум. Начали проводиться эмпирические социологические исследования, причем, десятками, более или менее тщательно изучалась иностранная литература и опыт социологии за рубежом, публиковались десятки статей, стали выходить книги по социологии, открывались социологические лаборатории, в первую очередь — в вузах (впрочем, они так же быстро и закрывались). Правда, не всегда социологические исследования проводились на высоком профессиональном уровне, да откуда ему было и взяться? Но, что характерно, они всегда проводились с полным осознанием необходимости и важности этих исследований. Первыми отечественными социологами двигали большая убежденность в том, что социология способна решить, если не все, то большинство проблем тогдашнего общества.

Такое отношение к социологии, к ее возможностям диктовалось огромной верой в человека, его ролью в обществе. Социологи были уверены в необходимости изучения человека, его интересов и потребностей, и на этой основе — познания и решения всех социальных и не только социальных проблем общества. Впервые пришло понимание, что, только поняв человека как социальное явление, а соответственно, и различные социальные группы, можно выйти на познание и социальных законов. В принципе они были совершенно правы. Другое дело, что сама социология еще не была настолько развита, чтобы решать эти и другие насущные проблемы, но, как всегда, желание и энтузиазм первых социологов опережали реальные возможности самой науки, которой они занимались. Самое удивительное, что и само общество, во всяком случае, его прогрессивная часть, имело полную уверенность в безграничных возможностях социологии, более того видело в ней чуть ли не панацею и путь к разрешению всех проблем. В определенной степени это была реакция на многолетнее игнорирование человека в социально-политической жизни страны.

Конечно, из этого не следует, что к социологии и к социологическим исследованиям все относились с пониманием и признавали ее полностью. Одни принимали социологию, поддерживали ее и поднимали по мере возможности. Другие не очень ее чтили, хотя и считали ее необходимой. Третьи и не понимали, и не принимали, более того, старались подмять ее, направить в русло, удобное для них. И все же социология стала чуть ли не единственной общественной дисциплиной, которая старта по настоящему заниматься обществом. Несмотря на то, что обществом занимались и другие общественные организации, тем не менее, общественное сознание отдало предпочтение именно социологии и социологам. Это произошло по различным причинам и прежде всего в силу уникальности обстановки в стране в целом и в гуманитарных науках, в частности.

Во-первых, социология, как относительно новая дисциплина, не была отягощена старыми научными традициями и направлениями исследований и грузом не всегда приличного прошлого. Поэтому она не была дескредитирована в глазах широкой общественности, и соответственно — не были дескредитированы и ее потенциальные возможности.

Во-вторых, немаловажное значение имело и то, что социология не была отягощена также и «учеными старцами», слишком умудренными, чтобы рисковать, которые чаще всего, а в тех условиях особенно, становились тормозом в развитии общественной науки.

Социологией занимались молодые ученые, полные творческих сил и желания работать, не оглядываясь назад и не таща воз прошлого знания.

В-третьих, большое значение имело и то, что социология с самых первых своих шагов обладала собственным формализованным методом изучения действительности, который в известной степени, не зависел от личных качеств исследователя, от его симпатий и антипатий. В данном случае речь идет о методике и технике социологического исследования, которым в то время уделялось довольно много внимания.

И в-четвертых, пожалуй, самое главное, заключалось в том, что социологи не побоялись вторгнуться в святая святых, в общественно-политические концепции развития общества, затронуть, правда, только некоторые и не всегда самые главные, но устоявшиеся принципы, высказать свою точку зрения и более того — попытаться противопоставить ее в той или иной мере тщательно разрабатываемым и не менее тщательно охраняемым официальным представлениям на социальные процессы в нашем обществе. Иногда социологи даже залезали в такие области, которые были табу для всех обществоведов. Правда, чаще всего это происходило неосознанно и тем более не целенаправленно, а в силу самого метода исследования, требующего именно такого непредвзятого подхода. Социологи в ходе своих эмпирических исследований часто получали такие результаты, которые сами не ожидали и которые, нередко, противостояли даже их собственным концепциям и желанию видеть то, что хотелось бы видеть. Конечно то, что социологи преподносили общественности, было получено не только благодаря формализованному методу исследования, но нередко и осознанной позиции исследователей. Это весьма сильно привлекало общественность, почему она и отдала пальму первенства в изучении общества именно социологии.

Социологи 50—60-х годов, или как их называли потом, социологи первого поколения, взвалили на свои плечи нелегкую ношу огромной по значимости и емкости задачи, не только возродить, но и по существу создать заново эту науку, сделать ее равноправной общественным дисциплинам, играющей свою значимую роль в обществе и вступающей непосредственной преобразующей силой. Более того, необходимо было добиться и мирового признания, выдвинуть ее на передний край научной интеграции. И социологи с успехом решили и первую, и вторую задачи. Когда-нибудь историки напишут славные страницы развития отечественной социологии и назовут имена первопроходцев. А для них это прежде всего была работа тяжелая, интересная и очень нужная для общества и для них самих.

ОБЩЕСТВО В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИИ

В краткой истории исследования общества социологией можно условно выделить два последовательных этапа — первый, так сказать, ознакомительно-разведывательный, когда социологи только нащупывали поле своей деятельности и основные общественные противоречия, и второй этап, ориентированный, хотя это и не очень точно, на проведение проблемных исследований, когда социологи ставили задачи уже более глубокого изучения социальной действительности.

С самых первых шагов развития социологии большое внимание уделялось социальной структуре советского общества, которая пользовалась во всей системе общественнознания (правда, не сама проблема, а ее условное обозначение) особым вниманием. В отличие от последней, социологи не стали провозглашать известные

истины, они принялись их исследовать. И в силу своего метода, предполагающего обращение к респондентам с вопросами, и выяснения, что они делают и что они думают, социологи получали данные, которые не всегда, мягко говоря, соответствовали официальным декларациям. Эмпирические или, как их называли, прикладные социологические исследования выявили весьма специфические внутриклассовые противоречия, которые оказались в ряде случаев, более существенными для развития социальной структуры общества, чем межклассовые различия.

Более того, социологи обнаружили, что внутриклассовые противоречия были обусловлены прежде всего особым положением и ролью в обществе отдельных социальных групп и слоев. Основные дискуссии между социологами и обществоведами старых направлений начались с момента выхода работы М. Н. Руткевича и Ф. Р. Филиппова о социальных слоях и подытожили эти споры, в определенной степени закончила их, книга А. М. Гелюты и В. И. Староверова о рабочих-интеллигентах¹¹.

Суть разногласий между социологией и обществоведами, придерживающихся официальных позиций, заключалась в следующем. Последние смотрели на общество как на некоторую, образно говоря, монолитную глыбу, социальную совокупность, не имеющую существенного деления на группы и слои, объединенные общей идеологией, интересами, целями и соответственно формой деятельности, более того постоянно развивающуюся в сторону увеличения однородности и, наконец, полного слияния классов, ликвидации всех различий и противоречий. Многочисленные социологические исследования показали, что структура общества является сложным и многоукладным образованием, содержащим специфические слои и группы, имеющих различные интересы, часто прямо противоположные друг другу и нередко лежащие далеко вне руслу общих магистральных направлений развития общества. Заслуга социологов состояла в том, что они стали изучать не только степень однородности, но и различия между классами, слоями и социальными группами, начали исследовать не только интеграцию социальных групп, но и то, что их разъединяет, каковы эти различия и что лежит в их основе. Это был принципиально новый и весьма плодотворный подход. Фактически речь шла о повороте в методах и концепции исследования социальной действительности. Естественно, социологи стали больше внимания уделять структурным образованиям общества и прежде всего рабочему классу и крестьянству, городу и селу. В частности, изучая социальные отношения на селе, и всю социальную проблематику, социологи вскрыли, в сущности, весьма неприглядную картину.

Оказалось, что огромный социальный регион по существу являющийся основой экономической, да и политической жизни общества, получил статус в общественном мнении и соответственно в системе социально-политических отношений как чего-то вторичного и несущественного. Деревня рассматривалась в общественном мнении как некая глубокая социальная и политическая провинция с налетом некоторой социальной и духовной неполноценности. Сельское население имело плохое образование и профессиональную подготовку, у них было хуже материальное положение и ниже культурный уровень, и т. д. И в литературе, и в официальных документах постоянно говорилось о необходимости подтягивания деревни к городу и их слиянии, рассматривая город как образец социально-политического уклада общественной жизни, развития

¹¹ См.: Руткевич М. Н., Филиппов Ф. Р. Социальные перемещения.— М.: Мысль, 1970; Гелюта А. М., Староверов В. И. Социальный облик рабочего-интеллигента.— М.: Мысль, 1977.

духовного облика и образа жизни. Деревне не оставляли самобытности развития, определяемой прежде всего спецификой сельскохозяйственного производства, сельского образа жизни, основанных на традициях русской деревни. Строительство на селе многоэтажек городского типа, ликвидация неперспективных деревень, сселение сельских жителей в районные центры (рассматривание их как прообраза будущих цивилизованных городов), постоянная агитация сельских тружеников к перенятию городских традиций, норм жизни и т. д. — все это есть, по сути, выражение официальных представлений о развитии деревни в практических делах.

Социологи на цифрах и фактах показали, как деформируется общественное сознание сельских тружеников и как извращается вся система социальных отношений, как улетучивается чувство хозяина на земле и чувство ответственности за свой труд и за труд всего общества, они показали разрыв личных и общественных интересов, продемонстрировали, как и каким образом изменяются социальные приоритеты, уходя из области общественного труда и общественных интересов. Социологи выявили как результат такого отношения к деревне, резкое повышение миграции, постарение сельскохозяйственных работников, падение производительности труда и общей эффективности сельского хозяйства. Старая сельская социально-экономическая и политическая структура по существу оказалась разрушенной, а новая, навязываемая деревне, оказалась ей чуждой и не отвечала насущным потребностям ни села, ни города, ни всего общества. Все это постепенно приводило не к расцвету деревни и ее сближению с городом, а к ее деградации. В результате деревня все больше хирела.

В общественной литературе много говорилось так же о сближении умственного и физического труда, и все это преподносилось как важнейшее завоевание социализма, подкрепляя эти утверждения, только отдельными, как правило, примерами или фальсифицированными статистическими данными. Однако социологи показали, что процесс социальной интеграции не такой уж простой, не такой прямолинейный и однозначный и что о полном сближении умственного и физического труда и тем более слиянии говорить очень и очень рано. Более того, повсеместно наблюдался процесс дифференциации различных социальных групп, занимающихся физическим и умственным трудом и, прежде всего, по материальному положению, уровню культуры, образованию и профессиональной подготовке, по степени участия в управлении производством и общественными делами и т. д. Исследования показали, что существует механизм (и этот механизм постоянно совершенствовался) неравного вклада социальных групп в производство и распределение общественного продукта и общественных благ, так же как существовал механизм неравного распределения власти, прав и обязанностей. Это неравенство привело к тому, что большие социальные группы оказались с очень низким прожиточным минимумом и полностью бесправными перед лицом партийного аппарата, министерств и ведомств и даже преступной мафии. Но имелись группы населения с уровнем материального благосостояния выше всяких планок и обладающие безраздельной властью и абсолютно не подотчетностью со стороны общества.

Социологи первого поколения много сделали и в исследовании семьи и быта. Эти проблемы давно были в центре внимания теории научного коммунизма, но только социологи стали их предметно исследовать своими методами и вскрывали не только новые аспекты этой проблемы, но и разработали новый подход к определению характера и содержанию этого явления.

Так, десятки лет у нас декларировалось, что в нашей стране достигнуто полное равенство мужчин и женщин, а если еще не самое полное, то еще чуть-чуть и все будет в порядке. Однако даже в том понимании, которое имелось в официальных доктринах, до полного равноправия было еще очень далеко. Общественная, экономическая и политическая обстановка не позволяли осуществить это так называемое равенство, не говоря уже о том, что сама по себе доктрина равноправия мужчин и женщин в социалистической интерпретации была, мягко говоря, весьма уязвима.

Оказалось, что у женщин ниже уровень квалификации и профессиональной подготовки, они получали меньше, чем мужчины, весьма неодинакова их загрузка на работе и дома. Много времени женщины тратили на домашний труд (в среднем от 4 до 6 часов в сутки), поскольку служба быта никак не облегчала их труд, а производство не могло обойтись без представительниц прекрасного пола, и, как правило, на тяжелых и вредных работах. Например, в сельском хозяйстве, в частности, в растениеводстве, где насчитывалось до 80% тяжелого физического ручного труда, заняты в основном женщины. А сколько женщин занимали ответственные посты в хозяйственной, общественной и политической сферах? И здесь до равноправия было еще далеко.

Проблема женской эмансипации и равноправия сложная, требующая прежде всего, определения самих этих понятий. Исследования социологов показали неоднозначность разработанной официальной концепции, ее уязвимость, расхождение с реальным положением дел. Все это заставило социологов пересмотреть концепцию роли женщины в обществе, в общественном производстве, управлении, воспроизводстве нового поколения, в общественной жизни и т. д.

Социологи активно занялись исследованием общественного мнения. Это и в самом деле было очень интересно. Если учесть, что историю делают люди, преследующие свои интересы (Маркс), то понятно, что от отношения людей к тем или иным социальным процессам и явлениям зависит эффективность различных правительственных и не только правительственных мероприятий. Понятна здесь и роль социологии в изучении общественного мнения. На основании массовых опросов, социологи делают вывод о популярности тех или иных мероприятий, а соответственно, о степени активности масс по претворению этих мероприятий в жизнь.

Понятно, что социологии не могло быть ни в 30-е, ни в 40-е годы, поскольку народ не рассматривался как активная и преобразующая сила (на деле, а не в декларациях), имеющая свою систему оценок и которая может отличаться от официального мнения. На народ смотрели только как на некоторую совокупность индивидуумов, признанных выполнять установки начальства. В условиях жесткого подавления инакомыслия об общественном мнении как определенной реальности не могло быть и речи. Но это не означало, что его не существовало. И оно демонстрировало себя в экономике, политике, в социальном развитии в основном провалами. Ни одна развитая и цивилизованная общность не позволяла и не позволяет себе столь пренебрежительного отношения к общественному мнению, как наша страна. Дикость применяемых методов управления говорила о варварском характере социальных отношений.

Обращение к социологии в этот период говорит о смягчении в некоторой степени этих нравов, изменении стиля и методов управления. Но даже разрешив социологам, хоть как-то исследовать отдельные аспекты общества, отношение к ней официальных кругов оставалось далеко не приветливым и принимали ее вовсе не с распростертыми объятиями. В слишком нехорошем виде представляли социологи те или иные социальные процессы,

уж в больно невыгодном свете показывалась деятельность многих руководителей разных рангов. И нередко от социологии требовали, чтобы она все представляла в розовых тонах, показывала одни достижения, т. е. требовали от нее стать кривым зеркалом. И некоторые социологи в этом преуспели, об этом тоже нельзя умалчивать.

«Марксистско-ленинская социология дала замечательные образцы научной строгости, идеологической принципиальности, этической безупречности, умения не отставать от бурно развивающихся процессов социальной действительности, остро и бескомпромиссно ставить самые животрепещущие проблемы, исследовать их, применяя широчайший арсенал доступных науке методов. В то же время уроки прошлого учат нас настороженно относиться к тому, что мешает социологии быть действительно наукой, препятствует реализации ее научного потенциала. Следует твердо усвоить, что деловой серьезный анализ недостатков и упущений вовсе не означает умаления и забвения достижений и успехов. Это необходимый этап перед новым более широким наступлением»¹². Доля истины в этих словах имелаась.

Обществу необходимо свое настоящее зеркало. Это в принципе поняли, поняли и то, что и социология может выступить таким зеркалом. Но социология создана не только для того, чтобы рассматривать маленькие прыщики, демонстрировать несущественные явления и некоторые недостатки. Роль социологии глубже и сложнее. Она заключается в том, чтобы показать, что движет обществом, какие социальные законы определяют его развитие, почему происходят те или иные события, каким образом можно нивелировать негативные и, наоборот, стимулировать развитие положительных тенденций. Ведь каждому из нас и всему обществу в целом, постоянно приходится делать выбор: каким путем идти, в какую сторону повернуть и каждый раз это становится предельно сложной задачей. Нередко решение происходит спонтанно, путем проб и ошибок, которые могут обходиться обществу слишком дорого, а результаты — непредсказуемые. Ответить на все эти вопросы, т. е. выбрать оптимальный путь развития может или вернее должна и социология как наука о наиболее общих законах развития общества. Таковой ее представляли раньше, такой ее представляют и сегодня.

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА СОЦИОЛОГИИ

В социологии проходил процесс накопления эмпирического материала. Многочисленные социологические исследования, проводимые в различных регионах страны (СССР), касающиеся различных аспектов действительности, давали удивительную палитру нашего общества, высвечивая, как маленькими фонариками, тот или иной участок жизни. И в целом жизнь оказалась намного прекраснее и удивительнее, чем пытались ее рисовать в иллюзорном мире. Но потому она и оказалась прекрасной, что была удивительной по своей неповторимости, непредсказуемости, непосредственной чувственной данности, богатству красок и естественности проявлений. И никогда нельзя угадать, какой стороной она повернется в следующее мгновение, тем самым заставляя и нас поворачиваться, двигаться, думать, искать решение. Это намного труднее, чем лежать в болоте выдуманного общества. Каждое социологическое исследование, как части мозаики, вносило свой вклад в общую картину общества. Однако весь этот эмпирический материал, все многочисленные социологические данные пока не рассматривались как

¹² Социологические исследования. — 1987. — № 4, — С. 10.

общая система взглядов на общество. Тому было несколько причин и объективного, и субъективного порядка.

Во-первых, чтобы иметь общее представление об обществе, необходимо накопить определенное количество эмпирического материала, достичь той критической массы, которая перейдет из количественного состояния в качественное, и громада эмпирического материала превратится в новое представление об обществе.

Во-вторых, все социологические материалы рассматривались в обязательном порядке в той частной и общей концепции, которая в это время господствовала в общественном сознании и официальной доктрине развития общества, что весьма сильно затронуло процесс выработки новой концепции общества.

В-третьих, и здесь уже вступает в силу субъективный фактор. Дело в том, что полученный социологический материал полностью никогда не соответствовал господствующей концепции и чем дальше развивалось исследование, тем больше с ней расходился. Это вполне естественное и закономерное развитие нового знания, которое в конечном итоге, приводит к пересмотру всей общей концепции. Но в силу идеологических и политических соображений в социологию стали вмешиваться те, кто не хотел пересмотра общей концепции. Используя целый арсенал официальных и неофициальных средств воздействия, социологам не давали свести в единое целое сумму разрозненных фактов. Здесь присутствовали и запреты, и политические гонения, и идеологическая обработка, и запрещение проводить экспериментальные исследования, и многое другое. В конечном итоге, социологам вообще было отказано в праве на цельное рассмотрение общества, разрешили только проведение частных исследований (об этом несколько подробнее будет сказано ниже), но жизнь брала свое.

После «потепления», появления элементов демократии и гласности, потребность выработки цельного взгляда на общество вылилась из недр сознания социологии и стала актуальной проблемой. И сегодня перед нашей общественностью, в том числе и перед социологами,— и надо признаться для всех довольно неожиданно,— встала во весь рост огромной важности задача — создание новой концепции, обеспечивающей прогрессивное экономическое, социально-политическое и научное развитие общества. В один день всем стало воочию ясно, что старая концепция не годится, что новой концепции нет, а длительное воздержание наших обществоведов от свободного полета в поиске истины, привели к истощению научной мысли.

Выработка нового представления об обществе — актуальная задача всех обществоведов. Но социология, возможно, имеет некоторые преимущества перед другими общественными дисциплинами.

Во-первых, социологи, приступая к исследованию, каждый раз в обязательном порядке разрабатывают некоторое предварительное концептуальное видение (программу исследования). Естественно, социологи исходили из имевшихся концепций социализма, т. е. для изучения реальных объектов заранее принимали некоторое концептуальное видение, уже принятое в обществе. Но, получая материалы и видя разночтения с концептуальным содержанием, вкладываемым в это исследование, социологи вынуждены были разрабатывать новые концепции, несколько или значительно отличавшиеся от общепринятых концепций, с которыми они опять выходили на исследование. Таким образом, происходила постоянная взаимоувязка и взаимопроверка новых концепций, нового видения мира и объективной реальности, что способствовало в конечном итоге практике выработки новых концепций, непредвзятого отношения к действительности, к поиску

истины. Во-вторых, независимо от того, насколько исследование носит частный характер, оно с необходимостью исходит из концепции общего характера, тогда как последняя, соответственно, исходит из еще более общей концепции и таким образом устанавливается иерархия концепций по общности. Решая частные задачи, социологи с неизбежностью выходили на решение общей концепции общества.

В-третьих, что отличает социологию от других общественных наук это то, что социология обладает собственным методом исследования. В отличие от других общественных дисциплин, социология не останавливается на построении некоторых умозрительных схем, сколь бы хороши и логически не противоречивы они не были. До тех пор, пока они не будут проверены практикой, они равным счетом ничего не стоят. Социология занимается не только тем, что разрабатывает концептуальные представления о протекании тех или иных социальных процессов, но и своими исследовательскими методами проверяет достоверность своих концепций.

Имея в руках такой мощный инструмент как социологический вопрос, социология выходит на уровень объективного оценивания социальных связей, более того, превращая свой метод в формализованный, уже в меньшей степени зависящий от каких-либо субъективных влияний. Но все это возможно только в том случае, если социология будет оставаться наукой, не подверженной политическим или идеологическим конъюнктурным соображениям. Все сказанное позволило социологам быть более, чем другие обществоведы, готовыми, во всяком случае потенциально, к разработке новой концепции развития нашего общества. Другое дело, что проверка старых и новых концепций требует довольно много времени.

КОНЦЕПЦИЯ «ПЕРЕСТРОЙКИ» И ПЕРЕСТРОЙКА КОНЦЕПЦИЙ

Обращение к социологии в нашем обществе было в определенной степени, хотя и очень слабым, но все же поворотным пунктом в общественном сознании в сторону его гуманизации.

Обращение к социологии было по существу обращение к человеку, к его интересам, потребностям, к его заботам и нуждам, к его запросам и ценностным ориентациям, это было обращение к личному и общественному мнению.

Обращение к социологии было по существу обращением к новым основам человеческого бытия, к новым принципам построения государства, к новой системе общественного управления и принципиально отличного от старой системы взгляда на общество. В определенном смысле, обращение к социологии означало, что центр управления стал потихоньку перемещаться к человеку, что было прямым противопоставлением старым методам управления и принципам построения общества. В который раз в истории человечества люди открыли для себя, что все зависит от человека, что люди осуществляют общественное бытие, что историю общества и всего человечества определяют интересы людей.

Слишком долгое время наша действительность, впрочем, как и взгляд на историю, была безлична и конкретные люди растворялись в деяниях великих учителей и безликой массы. У нас была безличная экономика, и получалось, будто экономические законы и категории, насколько они признавались, работают сами по себе, без людей.

У нас была безликая социально-политическая жизнь, когда люди выступали как винтики и гаечки в общем безликом и безлюдном механизме социальной жизни и политического управления. Даже наша техника была безлюдной, как на будущих заводах-автоматах, о которых мечтали не только писатели-фантасты, но и хозяйственники и подстать им ученые. Согласно различным и многочисленным научным выводам получалось, что только самая современная и совершенная техника может осуществить и технический, и социальный прогресс.

Даже наши общественные науки были безлюдны. Наша история, философия, политика, право и пр., прекрасно обходились без человека и отражали общественное бытие только как действие каких-то безличных объективных законов, которые движут обществом и историей.

В литературе эту проблему поднимали и много говорили о дегуманизации, правда, все это, как правило, сводили к технократическому детерминизму, технократическому мышлению. Однако на самом деле проблема здесь намного шире. Не только техника, но и вся наша жизнь и в целом весь наш социализм, оказались противопоставленными гуманистическим принципам социального бытия, приоритету человека, личности в социальном мире. Принципу гуманизма противопоставляли принцип антигуманизма во всех его формах. Антигуманизм утверждается во всех без исключения сферах социальной жизни, поскольку антигуманизм есть не только форма мышления или представления о мире, но и сама форма жизни.

Сейчас мы начинаем осознавать, что для понимания, например, экономических процессов, законов, категорий и т. пр., понимания особенностей развития техники и науки, сегодня нам все больше не хватает знаний именно о человеке во всем комплексе его проблем, понимания роли и значения человека в обществе. «Теория «экономического» детерминизма на практике себя не оправдала. Экономика функционирует в социальном контексте, она не только определяет возможности развития социальной сфере, но и сама находится под ее воздействием. Движение вещей происходит через деятельность людей, осуществляющих ее во имя удовлетворения своих индивидуальных потребностей и интересов»¹³. Тем не менее процесс гуманизации мышления и общественного сознания не нашел развития в нашем обществе, не нашел своего выражения ни в политике, ни в социальной сфере, ни в экономике, ни в технике и т. д. Незрелость гуманизации мышления подтверждается сохранением господства административно-командной системы управления, казарменного метода руководства. В административной системе нет личности, нет индивида, есть только масса людей и команда.

Административный метод управления был принят на вооружение именно из-за его понятности малокультурному и необразованному человеку, из-за простоты и кажущейся очевидности ее эффективности. Это первый и самый низкий уровень общей культуры и управленческой грамотности. Именно непонимание всей сложности взаимосвязи явлений привело к тому, что непосредственное обращение в виде приказа, команды, прямого и непосредственного воздействия, воспринималось как непосредственное действие индивида. Примитивная и до предела упрощенная схема «приказ-действие», понималась как принцип любого управления, хотя даже в такой схеме, если она и применялась столь упрощенно, была опосредована целой гаммой социальных связей. Этого, как правило, и не понимали, воспринимая только внешнюю форму. Отсюда примитивные и упрощенные

¹³ Ионин Л. Г. Консервативный синдром. // Социологические исследования. — 1987- №5. — С.11—12.

представления о безграничных возможностях, например, в короткий срок построить коммунизм или «догнать» и «перегнать», произвольности выбора принципов, например, уравнительного коммунизма, принятие себя в качестве руководителя как высшего критерия возможностей, истины, средств и целей.

В упоминавшейся статье Л. Г. Ионин писал «...ничем не ограниченное управление, опирающееся на «объективно-оптимистические» представления о законах развития, становятся подчас административным произволом, подтверждающие те самые представления, на которых он основывается».

Все это вместе взятое позволяет сделать вывод о природе практической идеологии, на которой долгое время зиждилась управленческая деятельность в нашем обществе. В основе ее лежат два внешне противоречивых, а по сути дела тесно взаимодействующих и друг друга дополняющих принципа: 1) технократический принцип произвольности, создающий иллюзию легкости и безграничных возможностей преобразовательной деятельности, и 2) сакральный принцип «органичности», обосновать справедливость и целесообразность любого рода деятельности, независимо от того, какие социальные последствия она влечет»¹⁴.

Те проблемы, которые мы совсем недавно с такой яростью высвечивали, и те проблемы, которые давно уже сами высветились и выпятились, те недостатки и негативные явления, противоречия и отклонения, которые были названы социологами и не только ими, и те, которые не были названы по известным причинам, есть показатель и следствие того, что наше общество было построено не на принципах, отвечающих истинной природе, истинному назначению человека, и которые в конечном итоге способствовали бы прогрессивному развитию общества. И самое страшное последствие этой антигуманной системы управления заключается в том, что она воспитывала послушных членов общества, это был ее основной принцип и основная цель существования, и в результате была получена масса индифферентных людей. Это самый явный и самый страшный итог развития социалистического общества.

Каким должно быть наше общество? На каких принципах оно должно быть построено? Что должно находиться в основании концепции нового гражданского общества? вот вопросы, которые задают себе сегодня все прогрессивно мыслящие люди нашего общества. Вот вопросы, которые задают себе и социологи. Многочисленные исследования социологов и социологическая литература и есть по существу поиски ответов на эти вопросы. Под эти вопросы общество авансировало социологию и ждало от нее ответа.

И ключевым звеном, основанием, стержнем, генеральным направлением, как угодно назовите, является принцип гуманизации мышления, общественного сознания и общественной жизни.

Проблема гуманизации общественной жизни, которая самым непосредственным образом связана с уровнем общей культуры как всего народа, так и руководителей всех рангов и всей системы управления, является сегодня насущной ключевой проблемой. Гуманизация общественной жизни означает, что сегодня и завтра во главу угла всей социально-политической жизни страны будет поставлен человек, конкретный человек со всеми его слабостями и недостатками, со всеми его Достоинствами и сильными сторонами, с его стремлением к социальной активности, самостоятельности и

¹⁴ Ионин Л. Г.— Там же.— С. 23.

самореализации. Гуманизация общественной жизни означает предоставление человеку права самостоятельно мыслить и действовать, принимать решения и отвечать за них, означает глубокое уважение к мнению человека, его поступкам, действиям, даже, если они будут противоречить другим взглядам и действиям, расходиться с мнением большинства, и противостоять официальным точкам зрения, общепризнанным установкам и мнениям. Уважительное и бережное отношение к человеку, вот что требуется нам сегодня и еще большее потребуется завтра.

Неуважительное отношение к человеку — это самое оскорбительное его состояние. С повышением уровня культуры человека и всего народа это оскорбительное состояние еще больше усиливается. Необходимо понять довольно простую мысль, что ни техника, ни экономика в их сегодняшнем понимании, не решают сами по себе проблему прогрессивного развития общества, как это в явной или неявной форме предполагается. Только люди и никто, кроме людей, которые для решения всех этих проблем вступают между собой в определенные социальные отношения, могут решать все эти технические, экономические, научные, социально-политические и пр. задачи. И только раскрыв сущность социальных отношений, законы их образования и функционирования, а соответственно, и изменение их в соответствии с потребностями человека и всего общества, можно решить и решать проблемы прогрессивного развития нашего общества и только в этом случае можно поставить на научную основу и сам процесс гуманизации мышления и гуманизации общественной жизни. В этом заключается основная концепция перестройки нашего общества, и здесь находится ключ к перестройке концепций.

Социология одна из общественных наук, которая может помочь в решении этой сверхважной задачи.

Глава II. КРИЗИС СОЦИОЛОГИИ ИЛИ ЕЕ ПОДЪЕМ?

Скоро мы будем праздновать своеобразный юбилей. Примерно в 60-х годах в нашей общественной литературе появились первые публикации по социологии. В основном они были посвящены критике буржуазной и осмыслению некоторых методологических основ марксистско-ленинской социологии. И хотя мы, социологи, постоянно критикуем друг друга и социологию за недостаточно быстрые темпы развития и недостаточное осмысление многих социальных процессов, нельзя не признать, что за эти трудные тридцать лет сделано было не мало. Во всяком случае мы поняли сегодня сами и окончательно убедили своих друзей и, возможно, половину недругов, что социология — это самостоятельная и актуальнейшая наука, оказывающая самое непосредственное влияние на развитие общественно-политической жизни, и что без нее не может обойтись ни один профессиональный руководитель, политический деятель, юрист, хозяйственник.

Но, естественно, чем дальше мы продвигаемся вперед, тем больше понимаем, как мало мы знаем и как много надо сделать. И тем больше мы не удовлетворены, чем большего хотелось бы достичь. И то, что нас удовлетворяло совсем недавно, сегодня не только не удовлетворяет, но и становится тормозом в развитии социологической науки, ее теории практики.

ЮБИЛЕЙ ПОИСКОВ И ПРОБЛЕМ

Развитие социологии за тот период проходило весьма своеобразно. Можно выделить две практические не пересекающиеся сферы. Первая разработка, так называемых, методологических принципов марко-ленинской социологии, сначала на уровне истмата, а затем в рамках теории научного коммунизма. Вторая сфера, развивающаяся не менее активно, а может быть и более быстрыми темпами — это так называемые прикладные или эмпирические исследования. Теоретики стали активно разрабатывать, вернее дискутировать, предмет социологии и ее роль в системе обществоведения, место социологии и социологов на ступеньках иерархической лестницы обществоведения. Это были в основном, старые философы, профессора и академики, которым по статусу было положено заниматься теорией и только теорией.

Вторая сфера была представлена молодыми социологами, которые, не задумываясь слитком много о том, что такое социология и чем она должна заниматься, активно взялись за непосредственные исследования. И начали их проводить с юношеской непосредственностью и отсутствием опасений, что они, может быть, делают что-то не так и не то. Проводили исследования буквально десятками и сотнями, счет шел на тысячи, впрочем, никто их и не считал. Позже, и довольно скоро их и всю социологию с помощью теоретиков обвинили в анкетомании, мелкотемье и пр.

Надо сказать, что социологи-теоретики и социологи-практики хорошо знали друг друга, но интересы и пути их пересекались редко. Хотя те и другие негласно учились друг у друга, набирались опыта и теоретического, и практического. Случались между ними и конфликты. Первые нередко требовали от практиков, мол, давайте нам ваши цифры, материалы социологических опросов, а мы, теоретики, будем их обобщать и делать выводы и т. д. Прикладникам, как их тогда называли, отводилась роль только поставщиков голого эмпирического материала. Вторые же заявляли в ответ, что если мы добываем эти цифры и надо сказать с немалыми трудами, то сами будем их и обобщать и делать выводы, а вы, теоретики, пожалуйста, разберитесь, что такое социология и дайте нам приемлемую для эмпирических исследований социологическую теорию.

Приемлемая для практиков социологическая теория дана не была. Нет, в принципе такая теория была разработана. Так называемая трех- или четырехуровневая социология, но удовлетворяла она только теоретиков, да и то не всех. Хотя в этой многоуровневой социологии, без сомнения, было рациональное звено и, может быть, даже не одно, поскольку она разрешала некоторые трудности и противоречия в построении социологической теории. Тем не менее, для практиков этого оказалось слишком мало. Не получая научных теоретических ориентиров, практики-социологи на свой страх и риск занимались тем, чем могли и чем хотели заниматься. И в этом тоже был положительный момент, во всяком случае эмпирики решали отдельные практические задачи и по мере возможности удовлетворяли неприятных тогда еще заказчиков.

Однако на определенном этапе развития теоретическая неопределенность перестала удовлетворять социологов-практиков. Теоретики, кончив дискуссии примерно в середине 70-х годов и, изрядно устав от споров на конференциях и в печати, а чаще в кулуарах, немного поутихли, пришли к компромиссу по социологической теории и примерно в течение десятилетия, продолжали муссировать теорию среднего уровня. Социологам-практикам приходилось все сложнее и сложнее. Хозяйственники требовали от них конкретной помощи в решении разнообразных проблем производственной и общественной жизни. Они говорили, если уж вы назвали социологами, и на всех углах протрубили, что без знания социальных законов ни о каком прогрессивном развитии

общественного производства и в целом всего общества не может быть и речи, то уж давайте соответствующие рекомендации. Это требование оказалось камнем преткновения, о который споткнулись социологи-практики. Таких рекомендаций они, как правило, дать не могли. Удовлетворив первое любопытство хозяйственников и свое собственное, проведя в сущности описательное исследование, показывая различные простейшие распределения мнений респондентов по тем или иным животрепещущим вопросам, социологи на этом вынуждены были остановиться. Сбор социальной статистики путем массовых опросов является важнейшим делом, но это только первый этап работы социолога. Дальше надо выходить на проблемные социологические исследования, а вот это у социологов-практиков не получалось. Хозяйственники говорили: «Ну, хорошо, цифры, которые вы нам даете, конечно, любопытные, но скажите, пожалуйста, что с ними делать, как их использовать в нашей практической деятельности, куда их применить?» И одного этого вопроса нередко было вполне достаточно, чтобы посадить социолога в лужу или калашу, как угодно. Необходим был новый уровень теоретического осмысления и проведения социологических исследований.

Социология, в основном прикладная (до теоретической социологии широкая общественность просто не добиралась, ее туда не пускали), стала себя в какой-то степени дескредитировать. Ей перестали верить, начали относиться более критично и более требовательно, а то и подсмеиваться над социологами, нередко отказывались от их услуг. Но все-таки полностью в кредите социологии никогда не отказывали, уж очень она была необходима и в первую очередь, тем руководителям, которые болели за производство. Они были кормильцами, меценатами, спонсорами, как сейчас говорят, прикладной социологии и поддерживали все удачные и неудачные социологические проекты, понимая и сложность процесса развития, и ее необходимость, и видя за ней будущее. Руководители выделяли деньги, разрешали проводить у себя исследования, помогали людьми, оборудованием, техникой и не очень обижались на социологов, когда они не могли дать ничего путного или давали очень мало.

Правда, социологи-практики не отступали, хотя и попадали нередко в трудное положение. Начались усиленные поиски области приложения своих сил, определение проблем и задач социологии, чтобы производственники получали от социологических исследований реальную отдачу, а не пухлые отчеты. Социологи начали активно внедряться в экономику, и их работы стали сильно смахивать на экономические. Социологи стали входить в область психологии и не всегда их отчеты можно было отличить от работ «чистых» психологов. Чем только не занимались и не занимаются социологи! Откройте хотя бы некоторые номера журнала «Социологические исследования» того периода и прочтите название статей. Наряду с чисто социологическими, если, конечно, можно такие выделить, вы встретите названия статей, которые совсем не связаны ни с какой социологией. «Радикальная перестройка хозяйственного механизма — основа самоуправления коллектива», «Этносоциальная дифференциация городского населения...», «Сколько можно заработать?», «Хозрасчетные поликлиники в Москве», «Сбалансированность рабочих мест и трудовых ресурсов», «Эффективность инвестиций в социальную сферу села», «Эротические тексты как источник сексуального самообразования» и др. Пишут о рождаемости, о должностном продвижении министров, о взаимосвязи среднего образования с воспроизводством поселенческой структуры, о кооперативных дошкольных учреждениях в крупном городе, об организации деловой игры на производстве и о многом другом. Является ли все это, если так можно сказать,

«чистой» социологией? Наверное, нет, если только не понимать под социологией все, что касается социальной сферы, общества. Но тогда социология включает в себя все, что угодно, например, «применение социологии в производстве стальных конструкций», именно такое название носила статья в одном ведомственном сборнике. В последние годы в социологию стали активно внедряться журналисты, а социологи занялись журналистикой, впрочем, как те, так и другие не без успеха, во всяком случае, статьи их читают с удовольствием.

Получилось так, что социологи занимались чем угодно (так же, как и кто угодно), но, пожалуй, только не собственно социологией. И обращение социологов к экономическим (в основном), психологическим, демографическим, экологическим, медицинским и другим исследованиям, использование их средств и методов исследования, применение их терминологии и понятийного аппарата, произошло, конечно, не случайно и не от хорошей жизни. Это был страстный поиск своего места под солнцем среди общественных наук и, в целом, в общественной жизни. Именно поэтому еще совсем недавно социология представляла собой весьма странную, неопределенную и нередко весьма компилятивную дисциплину.

И все это произошло потому, что не был определен предмет социологии, не было обозначено, чем социология должна заниматься, какова область приложения ее сил и сфера познания, какой кусочек социальной действительности она должна изучать, сделав его своей нишей или вотчиной. Наконец социологи это поняли достаточно четко и не только практики, но и теоретики. На состоявшейся в Ленинграде дискуссии (январь 1988 г.) о задачах журнала «Социологические исследования» участники «круглого стола» высказались весьма резко и однозначно. Вот некоторые мнения:

Полозов В. Р.: «Хорошо бы вернуться на страницах журнала к обсуждению вопроса о предмете социологии, ее места в системе общественных наук...»

Божков О. Б.: «Существует острейший дефицит теоретического, методологического осмысления проблем, которыми занимается социология. Поэтому определение ее предмета — сегодня один из актуальнейших практических вопросов. (...) Промышленные социологи проводят исследования, разрабатывают анкеты. Но сами анкеты и вся деятельность их авторов по сути дела к социологии отношения не имеет».

Саганенко Г. И.: «Нельзя уйти от разговора о предмете социологической науки. Это не абстрактный спор. Серьезные наши проблемы во многом порождены непониманием существа социологии и ее роли в обществе (...)». Вопрос о предмете социологической науки — не столь академичен как может показаться. Речь идет не об абстрактном теоретизировании, по поводу отвлеченных понятий, а об общей социологической концепции социальной действительности, социального развития, об осмыслении целостной картины нашего общества. Социологическая теория должна увязать множество уровней осмысления социальной жизни, а не тех, которые издавна приписываются социологии. Речь идет о взаимном соотношении социальной философии, социальной политики, теории социального устройства и развития — вплоть до реальных проблем сегодняшней жизни. Необходимо заняться строительством общесоциологической теории, по крайней мере, наметить конуры того, как увязываются в общем социальном организме социальные идеи, развитие, институты, механизмы, проблемы, объекты (в том числе), структуры, образа жизни и т. д.»

Голофаст В. Б.: «Прежде всего хотелось бы сказать, что в редакции явно недооценивают степень кризисного состояния социологии и вообще общественных наук»⁵.

И тем не менее сказать, что социология не занимается социологией, было бы неправильно. Поиски своего предмета и области приложения, безусловно, так или иначе, но с необходимостью выводили социологов на ту область социального бытия, которая и должна быть областью интересов социологии. Другое дело, что не всегда и не сразу появляется полная ясность того, чем она занимается и чем должна заниматься, и понимание того, что занимается именно тем, чем и должна заниматься. Но задача самой же науки актуализировать это знание, найти в ее практике то, чем она должна заниматься в таком образом определить или, как говорил Г. И. Саганенко, «наметить контуры» социологической теории, предмета социологии. Право, задача стоит того, чтобы над ней потрудились.

Здесь надо учесть и еще одну трудность уже методологического порядка. Развитие социологии — это прежде всего процесс становления и развития ее предмета исследования, поскольку единственного и абсолютно верного и годного для всех времен определения предмета социологии вряд ли возможно. Разумеется, возможно предельно общее понимание и определение предмета социологии, но всякий раз оно оказывается настолько общим, что теряется специфика термина и он становится практически не пригодным к практическим нуждам социального познания. Кроме того конкретный анализ того или иного аспекта социальной действительности каждый раз требует специфического определения понятия социологии. Здесь нет волюнтаристского множества определения понятия и предмета социологии в зависимости от интересов и пристрастий исследователя. Изучаемая объективная реальность всегда требует строго определенного, конкретного понимания в рамках теоретического описания как предмета, так и объекта изучения.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОШЛЫМ ДИСКУССИЯМ

На том же заседании «круглого стола» по обсуждению задач журнала «Социологические исследования», один из его участников О. Б. Божков сказал: «...существует мнение, что предмет социологии уже определен в ходе обсуждений, проходивших в 60-е годы. Но мы помним, как оно проходило: это была игра в одни ворота, когда на тех, кто думал иначе, просто навешивали ярлыки отступников от марксизма. Фактически же та дискуссия завершилась компромиссом: социология была отождествлена с истматом, причем с «усеченным» истматом (т.е. она не получила самостоятельного статуса), но зато было признано право на жизнь, так называемых теорий среднего уровня»⁶.

Выступление О. Б. Божкова как, впрочем, и других участников «круглого стола», наглядно показали и прошлые, и настоящие проблемы определения статуса социологии, вскрыли современные противоречия в ее развитии, основные узловые моменты и горящие точки. И в самом деле споры о предмете социологии в то время, надо сказать, велись далеко не на научном уровне и с применением отнюдь не научных методов и приемов. Г. В. Осипов в своем интервью журналу «Социологические исследования» говорил: «О волюнтаризме в науке, о том, на каком уровне вестись научные споры в то время,

⁵ См.: Каким быть журналу.//Социологические исследования.-1988.-№3.-С.138-142.

⁶ См.: Социологические исследования.-1988.-№3.-С.139.

свидетельствует взятая наугад одна из стенограмм. Это стенограмма обсуждения краткого социологического словаря, помещенного во втором томе «Социология в СССР». Ее стоило бы опубликовать. Она убедительнее любой публицистической статьи воспроизводит духовную атмосферу, в которой делались первые шаги по утверждению социологии как самостоятельной научной дисциплины»⁷.

Методы «научных споров», хорошо известные в естественных науках и с успехом применявшиеся и в общественных дисциплинах, по сути дела преследовали единственную цель, а именно подчинить живое, не тривиальное развитие той или иной науки или нового направления традиционным идеологическим канонам, в году тем или иным научным группам или группировкам, занимающим ключевые позиции в определенных областях науки. То же самое имело место и в социологии.

Споры и дискуссии о предмете социологии и ее месте в системе общественнознания начались с того момента, когда молодые ученые, занявшиеся разработкой отечественной социологической науки, не мудрствуя лукаво и следуя прямому переводу термина социология, как науки об обществе, объявили во всеуслышание, что социология будет заниматься всем обществом, всеми его проблемами. В принципе это было естественно и даже правомерно, обществом, как уже говорилось, в то время никто практически не занимался, а потребность в изучении его проблем и противоречий была неимоверно велика.

Но социологи взяли на себя неподъемную ношу. Объявив, что общество является предметом социологии и не определив понятие «общество», т. е. чем конкретно будут заниматься, они тем самым противопоставили себя другим общественным наукам. Для социологов это были проблемы роста и научного самоопределения, но они обнажали свое самое уязвимое место и подставили для критики свой бок. Этим не преминули воспользоваться те, кто по тем или иным причинам не хотел признавать социологию как самостоятельную науку и тем более претендующую на тот кусок хлеба с маслом, на котором они неплохо жили.

Первыми вступили, мягко выражаясь, в полемику представители исторического материализма. Зачем нам, т. е. обществу, нужна еще одна наука об обществе, когда уже имеется исторический материализм, который успешно решает все его проблемы и все давно расписал по полочкам на много тысячелетий вперед.

Это был лейтмотив, звучавший прямо или косвенно во многих выступлениях обществоведов. Но сбросить социологию с корабля, как это делалось раньше, объявив ее буржуазной наукой, уже было нельзя. Социология уже получила общественное признание и определенный статус в системе общественного производства и общественного сознания, несмотря на все свои недочеты, ошибки и недостатки. Но и противники не хотели отступать, и они пошли другим путем, «...по отношению к социологии как к науке была избрана иная тактика. Она была отождествлена с историческим материализмом. Была сделана попытка вывести социологические исследования за пределы собственного социологического знания, свести их только к прикладному уровню. Теоретическая социология полностью отрицалась»,— говорил Г. В. Осипов в том же интервью⁸.

⁷ См.: Как это было (интервью с членом-корреспондентом АН СССР Г.В.Осиповым)//Социологические исследования.-1988.-С.129.

⁸ См.:Там же.—С. 127.

Иначе говоря, социологию пытались удушить в дружеских объятиях. Если нельзя было ее не признавать и не замечать, тогда надо было принять ее в свое лоно, таким образом, чтобы от нее ничего не осталось.

В целом эта попытка удалась, да и сами социологи не особенно спорили, признав по идеологическим соображениям и из-за отсутствия собственной научной теории, приоритет за историческим материализмом как общесоциологической теории, не уточняя его соотношение ни с философией, ни, естественно, с социологией. Но, приняв социологию в свое лоно и объявив себя общесоциологической дисциплиной, и в многочисленных теоретических разработках попытавшись оправдать эти притязания, исторический материализм превратился в какой-то непонятный симбиоз философии и социологии, т. е. стал как бы и философской, и в то же время и общесоциологической дисциплиной. Если посмотреть работы по историческому материализму тех лет, то философско-социологическая неопределенность вылезает из всех щелей. Социологии, той социологии, которая занималась прикладными социологическими исследованиями, было указано, что она должна заниматься конкретным в историческом плане обществом, а именно социалистическим, изучать конкретные проблемы и противоречия, определять тенденции развития к светлому будущему и т. д. Это вполне устраивало представителей исторического материализма, которые отстаивали главенствующее положение в общественном знании и, соответственно, свои посты, звания, кресла, исключительность положения и официально-общественный статус. Это устраивало и социологов, хотя бы в том плане, что им не мешали заниматься своим делом и проводить социологические исследования.

Но это совсем не устраивало тех, кто занимался научным коммунизмом. Здесь дело обстояло сложнее, а точнее, намного сложнее. Специалисты по научному коммунизму протестовали против новой науки, предметом которой должен стать конкретно-исторический тип общества и тем более социалистического общества, поскольку уже имелась научная дисциплина, которая занималась именно этими проблемами. В конце 70-х годов в МГУ им. М. В. Ломоносова, пожалуй, не было ни одного общего собрания философского факультета, на котором не обсуждались бы и нередко в весьма резкой и нелицеприятной форме отношения между научным коммунизмом и социологией. Однажды с трибуны известный общественед, работающий на отделении научного коммунизма факультета, показав книгу Г. В. Осипова «Теория и практика социологических исследований в СССР», спросил: «Чем же отличается научный коммунизм от социологии? Мы изучаем структуру советского общества, и они (социологи) ее изучают, мы и они изучаем рабочий класс, мы занимаемся селом, и социологи активно исследуют эти же проблемы, вопросы семьи, быта и пр., являются областью интересов как первых, так и вторых. Так в чем же их различие и надо ли нам две дисциплины?» В чем разница? Только в том, что социологи изучают, исследуют эти и другие проблемы, а представители научного коммунизма только декларировали их.

Не гнушались и тем, что навешивали, явно и неявно, социологам ярлыки о принадлежности к буржуазной науке, обвиняли в преклонении перед западной социологией, использовании не только ее методических, но и методологических принципов, то есть отход от марксистских позиций. В той душной политической системе социологам было трудно возражать и отстаивать свои позиции. Но дело было не только в этом.

Надо сказать, что социологи, хотя и объявили, что предметом ее изучения является все общество, по сути дела, всем обществом и вообще обществом, никогда не занимались. У них для этого не было ни профессионального, ни научного опыта. С первых своих шагов, социология стала развиваться именно как прикладная наука, от нее это требовали общественность и благодаря этому она сразу вышла на авансцену общественной жизни. Обладая, может быть, не очень сильным, но своим собственным формализованным методом исследования, а именно методикой и техникой, социологи все свое внимание, во всяком случае основную долю, сосредоточили на проведении конкретных социологических исследованиях, на изучении отдельных сторон и аспектов социальной действительности. И это было оправдано, этого требовала общественность, практические работники, собственно на это ее нацеливали и партийные документы. Необходимо было, наконец, дать адекватную объективную информацию о реальных и объективных процессах, протекающих в обществе, поскольку ни одна общественная наука не могла этого дать, да и не стремилась особенно к этому. С помощью конкретной социологической информации передовая общественность попыталась разобраться в своем обществе. Правда, от социологии тогда не требовали разрабатывать общие законы развития социалистического общества. Основным держателем акций здесь оставался научный коммунизм.

Требования научного коммунизма, чтобы социология занималась только прикладными исследованиями, так сказать, ползучей эмпирией, а научный коммунизм выступал бы в качестве методологической базы в рамках изучения социалистического общества, в общем были правомерны и оправданы. Научный коммунизм был научным представителем той концепции социалистического общества, которая разрабатывалась всеми общественными дисциплинами, политикой партии и т. п., и соответственно, разрабатывал те или иные ее аспекты, стороны. Социологи же, разрабатывая свои конкретные программы социологических исследований, с необходимостью исходили из этой общей и частных концепций социалистического общества. Другое дело, что в большей или меньшей степени, как уже говорилось, данные конкретных социологических исследований не ложились в эти общие и частные концепции социализма. Но до поры до времени об этом помалкивали и продолжали работать только в рамках этих концепций, поскольку каких-либо других не было или они не допускались.

Естественно, представители научного коммунизма заявили, как в свое время и представители истмата, что социологи должны, так сказать, только поставлять материалы для теоретиков, для обобщения, углубления и пр. Вполне понятно, что и социологи ничего против этого не могли возразить, потому, что так оно практически и получалось. По сути дела, произошла констатация реального разделения обязанностей между ними, их общественного и научного положения.

Долгие споры, наконец, привели к тому, что социологам был официально отдан, так называемый средний уровень, а точнее два нижайших в теоретической иерархии уровня. Первый занимал исторический материализм как общесоциологическая дисциплина, второй — научный коммунизм как теория социалистического общества, третий — отводился собственно социологии, которая должна была заниматься исключительно изучением отдельных сторон социалистического бытия и обязательно в рамках концептуальных установок научного коммунизма и всего марксизма-ленинизма, и четвертый уровень — составляли, так называемые эмпирические, прикладные исследования. Фактически на бумаге было зафиксировано то, что было на самом деле,

другого и не могло быть. У социологов не хватило ни опыта, ни сил, ни знаний, и прежде всего специальных, социологических теорий, чтобы отстоять какую-то иную точку зрения. И хотя социологи не очень соглашались с позицией представителей научного коммунизма и не особенно официально и неофициально признавали их первенство, но на практике особенно и не возражали, довольные хотя бы тем, что им разрешили проводить конкретные социологические исследования, а также самим обобщать и делать выводы, а значит набираться опыта, знаний, чтобы прочно в конце-концов встать на ноги.

Но и сами представители научного коммунизма, чувствуя слабину в своих методах исследований, которые по сути дела сводились к построению умозрительных схем и декларированию своих выводов, не подкрепленных ни практикой, ни тем более каким-либо научными экспериментами и исследованиями, и признавая здесь преимущества социологов, и соответственно их методы работы, стали сами потихоньку заниматься социологическими исследованиями. Но в отличие от социологов, которые все-таки искали истину, пытаясь разобраться в реальном положении дел и найти решение, как уже говорилось, нередко противоречащее официальным и общепринятым, представители научного коммунизма чаще всего занимались тем, что проводя исследования, иллюстрировали полученными цифрами, нередко специально подобранными, свои схемы и умозрительные построения. Впрочем, этим не брезговали и сами социологи, просто принадлежность к той или иной школе, направлению в науке, к группе и т. д. диктовала и форму поведения, и методы исследования.

Но разделившись и определившись по сферам влияния и областям научных интересов и тем самым утвердив то, что было на самом деле, получилось нечто весьма неприятное для социологии и социологов. Она потеряла свой предмет. Если раньше социологи были ориентированы на общество в целом как на свой предмет, пускай весьма неопределенно очерченный, но который позволял социологам заниматься не только частными социологическими исследованиями, но и разрабатывать большие социологические проекты, исследовать и активно разрабатывать общие концепции социалистического общества, более того, пытаться создать свою социологическую теорию, то после того, как им было строго указано место в системе общественных дисциплин, предмет социологии «общество» был полностью исключен из исследовательских проектов социологов. Социологи после этого были допущены к изучению только кусочков общества, отдельных его областей и обязательно в заранее известных концептуальных рамках. Конечно, это не значит, что все социологи поголовно сложили оружие и отказались от изучения глобальных проблем современности. Но официальный статус социологии обязывал к определенному положению и своей роли, а это выливалось в директивные и методические документы уже самих социологов. Социология превратилась таким образом в прикладную дисциплину. Большого ей не позволяли, дальше этого порога социологов не пускали, если только некоторые социологи на свой страх и риск сами не прорывались на чужую территорию, например, пытаясь переосмыслить на основе своих конкретных исследований, некоторые концептуальные положения теории научного коммунизма. Но это были только отдельные случаи.

В принципе заниматься только, так называемыми, прикладными исследованиями, только сбором эмпирического материала и его первичной обработкой не менее почетно и не менее необходимо, чем заниматься глобальными социальными проблемами. В конце концов разделение обязанностей, строгое или не очень строгое, внутри научной дисциплины всегда имеется и должно быть. Другое дело, что в тех политических условиях

это разделение научного труда нередко принимает характер деления, на так называемые низший и высший уровни, а соответственно этому принципу происходит и разделение материальных благ, общественного статуса и научной славы. Все лавры и большая часть общего пирога достается именно теоретикам, практически ничего — нашим прикладникам, экспериментаторам, так сказать, «рабочим» науки. Речь идет не о том, чтобы полностью уравнивать труд «рабочего» в науке и труд «профессора»: это разные работы с разным научным вкладом в общее дело. Речь идет о создании равных возможностей для каждого человека, справедливой оценке труда и отсутствии любого морального, а тем более социально-политического давления, что было присуще обществоведческим дисциплинам.

В отношении социологии речь идет и о еще более важном. Когда мы говорим о социологии как о науке об обществе, даже не давая определения понятия «общество» в контекстуальных социологических рамках, мы должны понимать, воспринимать и строить ее как единую науку об обществе, которая была бы адекватна объективной реальности и в которой все ее части органично связаны между собой и вместе составляют единое целое.

На самом деле имелось, так сказать, три науки об обществе (в социологическом контексте), которые имеют различный предмет исследования и весьма слабо стыкуются между собой.

1. Исторический материализм, во всяком случае в его изначальной трактовке, предстает как наука о наиболее общих законах смены общественно-экономических формаций, но не о самих формациях, тем более — в их конкретных выражениях. Исторический материализм развивался в рамках общих философских концепций общественного бытия и сознания и сам выступал в основном как философская дисциплина. Но законы смены формаций, законы развития той или иной формации и функционирования конкретного общества в рамках той или иной формации — это совершенно разные вещи, хотя, без сомнения, и связанные между собой. Законы перехода от рабовладельческого строя к феодальному, от феодального к капиталистическому и от капиталистического к социалистическому могут быть одними и теми же, но законы развития рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической формаций являются совсем другими. Тем более совершенно другим законам подчиняется развитие того или иного государства и общества в рамках той или иной формации⁹.

В этом контексте исторический материализм, даже в его современной интерпретации, когда он вынужден был приблизиться к конкретной социальной проблематике, не стал для социологии общесоциологической методологической наукой. Большинство социологов-практиков и не испытывали в нем потребности, поскольку не видели для себя большой пользы. К истмату не обращались многие социологи и из академических кругов, имевшие базовое философское образование, и совсем не знали его специалисты, имевшие базовое экономическое, психологическое, математическое образование. Исторический материализм играл роль теории, которая не имела никакого отношения к практике социологических исследований. И сколько бы не обвиняли социологов в том, что они проигрывают в подлинной научности, повышении теоретического уровня и практической отдаче, в своих исследованиях не обращаясь к историческому материализму, социологи этого никак не могли понять, даже если добросовестно брались за изучение исторического материализма. Никто не возражал

⁹ Впрочем, сами названные формации, во многом являются искусственным научным образованием, но это уже другая проблема.

против философской значимости исторического материализма, но он каждый раз оказывался некой другой дисциплиной, которая могла иметь к социологии только опосредованное отношение и в основном через общеполитические подходы. Представлять исторический материализм напрямую как общесоциологическую теорию, рассматривать его как составную часть марксистско-ленинской философии и одновременно как общую социологическую теорию, как науку о наиболее общих и специфических законах функционирования и развития общественно-экономических формаций¹⁰, явилось, по существу, грубой методологической ошибкой. Поэтому истмат и стал малопонятным симбиозом общей марксистско-ленинской философии и общей социологии и неприемлемым для социологов как теоретиков, так и практиков.

2. Научный коммунизм, раскрывающий общие закономерности построения социализма и коммунизма, социалистического и коммунистического общества, мог бы в принципе стать некоторой общей социологической теорией, если бы концепция социализма и коммунизма, разработанная и принявшая окончательное оформление еще в 30—40-е годы, была адекватна действительности, если бы научный коммунизм не превратился бы в схоластическую и догматическую науку, если бы не утратил своей способности к саморазвитию и при многих других «если». И сколько бы социологов не призывали творчески использовать научный коммунизм в своих исследованиях и выводах, творчески они не могли этого сделать, поскольку воочию, по результатам своих исследований, видели его нежизнеспособность и даже вред для своей развивающейся науки.

3. Только социология стала реально заниматься реальным социализмом и реальным обществом, пытаясь выявить социальные законы развития общества, исследуя их своими, социологическими методами.

Но, оставаясь официально и по большей части в действительности только прикладной дисциплиной, решить глобальную проблему построения социологической теории общества и своей собственной теории во всей жизненной полноте социологам было весьма трудно, если не сказать, непосильно.

Возможно неискушенному читателю все рассказанное нами покажется излишним, скучным и ненужным. В самом деле, какая разница, включается ли социология в исторический материализм или в научный коммунизм или остается самостоятельной наукой? Но в том-то и дело, что любая наука может быть наукой только в том случае, если она органично вписывается в некоторую общую систему знания и имеет свой предмет. Не найдя своего предмета или, того хуже, потеряв его, социология перестает быть самостоятельной наукой и в лучшем случае становится частью какой-то другой, «целой» науки. Но еще хуже, если это целое не отвечает истинным потребностям ни научного изучения общества, ни истинным потребностям самого общества. Социология стала частью научного коммунизма, но не в изучении общества (в этом аспекте научный коммунизм стал частью социологии), а в изучении и развитии концепции социалистического общества, что, как мы видели, не одно и то же. Сейчас стало очевидным, что концепция социализма, разработанная на первых этапах развития социалистического общества, утвердившаяся в сталинские времена и с тех пор не претерпевшая практически никаких изменений, нежизнеспособна. Проводя социологические исследования, социологи получали кучу материалов, доказывавших это, они давали не общие рассуждения о преимуществах социализма, как это делалось во всех

¹⁰ Философский энциклопедический словарь— М., 1983.— С. 228.

общественных дисциплинах, в том числе и в научном коммунизме, а демонстрировали их иллюзорность, вскрывали не только разночтения и расхождения, но и вопиющие противоречия, за что им приходилось платить сполна и по всем счетам. Но то, что социология как часть научного коммунизма вынуждена была работать именно в его концептуальных рамках, постоянно тянуло ее назад и тормозило ее развитие, как и развитие в целом всей социальной науки.

Социологи попали в трудное положение. Не имея реальной концепции реального общества, они не могли проводить исследования на достаточном научном уровне, осуществлять поиск подлинного знания. Соответственно, социология не могла и выступать как исследовательская дисциплина. Это с одной стороны, с другой, лишившись своего предмета исследования, социология не могла претендовать и на разработку новой концепции общества. Большая часть социологов в те годы была просто дезориентирована.

Подытоживая, можно сказать, что в основном дискуссии велись вокруг одного — место социологии в системе общественнознания. Коль уж она народилась, необходимо было куда-то ее пристроить. В принципе младенцу нашли место, вроде бы незаметное, чтобы он не особенно беспокоил и не лез, куда не положено. Но, социология потихоньку подрастала и все более требовательно заявляла о себе, взывая о другом статусе. Сегодня вновь во весь рост встал вопрос о том, что такое социология и чем же она должна заниматься.

Но в процессе роста возникала новая отличительная черта. Если раньше, определяя место социологии в системе общественнознания, определяли и область знания, предмет и объект социологического исследования, то теперь попытки определить предмет и объект социологии, по существу — это попытка определить место социологии в общественнознании. Разница как будто бы не большая, но весьма принципиальная: это попытка не только найти свое место, но и утвердить приоритетные направления в системе общественнознания.

НАУКА, КОТОРАЯ ОКАЗЫВАЕТСЯ ВСЕМ НУЖНА

Старые дискуссии закончились, начались новые. Размежевавшись с внешними оппонентами и удовлетворив практически все их требования, социологи обратили внимание на свои внутренние проблемы и неожиданно обнаружили, что даже для специалистов, оказалось непонятным, что такое социология и чем она занимается, и чем должна заниматься. Во всяком случае, классическое определение социологии как «...науки об обществе как целостной системе и об отдельных социальных институтах, процессах и группах, рассматриваемых в их связи с общественным целым»¹¹, перестало удовлетворять социологов. Хотя никто не спорил против этого определения и в принципе оно было правильным, но оно не отвечало ее практическим задачам. Данное определение было слишком общим и потому неопределенным, чтобы из него можно было исходить при решении конкретных социологических задач по изучению действительности. Кроме того и входящие в данное определение понятия, такие, как «целостная система», «отдельные социальные институты», «общественное целое» или «объективное взаимосвязанное целое», требуют определения или, по меньшей мере уточнения, в рамках социологического знания. Размышления по поводу предмета социологии поставили несколько непростых вопросов. Например, если социология — это наука об обществе, то

¹¹ Философский энциклопедический словарь. Социология.— М., 1983.— С. 640.

тогда, чем она отличается от других общественных дисциплин, например, экономики, демографии, политики, истории, права и пр., которые также изучают общество?

Попытались по аналогии с другими общественными науками определить специфическую область социологии в общественном целом. Попробовали другой подход, если экономика изучает проблемы производства и распределения, право — развитие и функционирование законов, демография — демографическое поведение населения и т. д., то социологию предлагали определить как науку о потребностях и интересах. Высказывалось мнение, что социология — это наука о социальном управлении и прогнозировании. Были и утверждения, что социология должна заниматься только изучением общественного мнения или социальными системами. Некоторые авторы сводили социологию только к методике и технике социологического исследования, против чего все социологи дружно восстали, заподозрив, что такое сужение предмета социологии, превратит ее в подсобную и техническую дисциплину. Как-то один студент, отвечая на экзамене, сказал, что социология — это наука о людях. Тоже правильно.

В принципе эти и многие другие частные определения предмета социологии и области ее интереса, не противоречили определению предмета социологии, приведенному выше, но только на сей раз внимание акцентировали на второй его половине: на социологии как науке об отдельных социальных институтах и социальных явлениях. В общем такой подход возможен. Во всяком случае многие из указанных областей общественного бытия не попадали в поле зрения общественных наук и оставались, так сказать, беспризорными, что не мешало им играть важную роль в обществе, имея «сквозной характер», как например, общественное мнение.

Но вдруг в социологии стали твориться непонятные вещи. Социология начала проникать в те области общественной жизни, которые исконно считались сферой интересов других дисциплин. Появились термины промышленная, индустриальная социология, социология образования, социология личности. Затем появились социология политики, общественного мнения, социология города и деревни. В последние годы укрепились совсем необычные словосочетания типа социология покупателя, социология рекламы, социология костюма, наконец, экологическая и экономическая социология. Социология находила все новые области применения, например, в журналистике, истории, праве, киноискусстве, театре, в целом в искусстве и т.д. Наверное, уже трудно найти такую область социального бытия, где социологи не предложили бы своих услуг.

В начале 80-х годов я читал в МГУ им. М. В. Ломоносова лекции по методике и технике и по основным направлениям развития социологии. Таковых, более или менее развитых, тогда я насчитал около семидесяти. Вот только некоторые из них.

1. Социология коммунистического воспитания
2. Социология образования
3. Социология села
4. Социология города
5. Социология национальных отношений
6. Социология религии
7. Промышленная социология
8. Социология труда
9. Индустриальная социология
10. Социология трудовых коллективов
11. Социология науки

12. Социология права и отклоняющегося поведения
13. Социология культуры
14. Социология миграций и перемещений
15. Методика и техника социологических исследований
16. Буржуазная социология
17. Теория и история социологии
18. Социология спорта
19. Социология личности
20. Военная социология
21. Социология демографии
22. Экономическая социология
23. Социология театра, кино
24. Социология общественного мнения
25. Социология образа жизни
26. Социология молодежи и студенчества
27. Социология семьи
28. Социология политики
29. Социология малых групп
30. Социология журналистики
31. Социология пожилых людей
32. Социология конфликтов
33. Социология организаций
34. Социальное прогнозирование и планирование
35. Социология книги и чтения
36. Социология управления
37. Социология партийной работы
38. Социология неформальных отношений

Конечно, не все направления социологических исследований были хорошо развиты, некоторые создавались на конъюнктурной волне, например, социология социалистического соревнования, многие позже совсем прекратили свое существование, другие сильно трансформировались. Но по всей видимости, всегда имеются такие области социального бытия, которые характеризуют и определяют актуальность самой науки, причем независимо от политической системы и строя общества. Например, некоторые области социологии весьма сильно, даже по названию, перекликаются с зарубежной социологией.

Для сравнения приведем основные направления развития социологии в Америке¹². Отрасли социологического знания и число американских университетов, в которых велось их преподавание:

1. Теория социологии — 136
2. Социальная психология — 134
3. Методология исследования — 131
4. Социология города — 115
5. Отклоняющееся поведение - 113

¹² Осипов Г. А. Теория и практика социологических исследований в СССР.— М.: Иау-ка, 1979.—С.127—128.

6. Преступность, правонарушение — 102
7. Рассовые и этнические отношения, отношения меньшинств — 99
8. Демография — 98
9. Формальные и сложные организации — 95
10. Брак и семья — 95
11. Стратификация и мобильность — 90
12. Социальные изменения — 78
13. Общности — 77
14. Социология политики — 73
15. История социологии и социальной мысли — 68
16. Занятия и профессии — 62
17. Религия — 61
18. Социология полов — 47
19. Малые группы — 41
20. Пенология и исправления - 38
21. Социология знания — 37
22. Экология человека — 36
23. Право и общество — 32
24. Промышленная социология — 31
25. Этнометодология — 30
26. Социальный контроль — 29
27. Социология труда — 29
28. Математическая социология - 28
29. Социология пожилых — 26
30. Прикладная социология — 25
31. Массовые коммуникации, общественное мнение — 25
32. Социология села — 24
33. Социология науки — 23
34. Экономика и общество — 22
35. Социология культуры -
36. Развитие модернизации — 58
37. Образование — 56
38. Социология медицины — 54
39. Коллективное поведение и социальное движение — 49
40. Сравнительная социология - 49
41. Социализация — 48
42. Досуг, спорт, развлечения — 15
43. Социология искусства и литературы — 8
44. Социология мировых конфликтов — 8
45. Военная социология — 5

Самое удивительное, что видно из приведенного списка — это то, что Практически все общественные дисциплины в нашей стране, даже те, кто видел в ней своего конкурента, стали принимать социологию с распростертыми объятиями. Более того, сами охотно шли с ней на контакт и по возможности использовали социологические методы исследования. Именно специалисты по различным общественным дисциплинам чаще всего выступали инициаторами введения социологии в структуру своей науки. Нередко

они сами проводили исследования своих специальных проблем и тем самым закладывали новые социологические направления, социологизировали свою науку или, наоборот, специализируя (экономизируя, демографизируя, политизируя, психологизируя и т. д.), саму социологию. Если учесть, что ученые, как правило, ревниво относятся к любым попыткам вторгнуться на свою территорию, то нужно обладать большой пробивной силой, весомостью аргументов и неотразимостью доказательств, чтобы эти ученые приняли пришельца в свое лоно. Но социология, как уже говорилось, была принята не только весьма охотно, но и нередко рассматривалась как необходимая составная часть той или иной общественной дисциплины. С появлением социологии возникла демографическая социология, экономическая социология, социология права и др. Они легко восприняли и новые методы исследования собственных проблем, и даже новые концепции. Ситуация неординарная и она позволяет утверждать, что в социологии есть нечто, оказывающееся полезным для всех общественных дисциплин и касающееся всех сторон социальной действительности.

Правда, были попытки объяснить подобную экспансию наличием у социологов особого метода исследования, которым не обладали другие общественные дисциплины. Соскучившись по живому человеку в своих исследованиях и увидев возможность непосредственного обращения к нему, они с удовольствием обратились к социологическим методам. Но если бы речь шла только об использовании методики и техники опроса больших групп людей, то тогда вряд ли бы нам пришлось говорить об образовании новых направлений в социальных исследованиях, не возникло бы и проблемы социологизации некоторых сфер в общественных дисциплинах, а тем более — специализации социологии. Так, применяя математические методы в социологии, мы не говорим о социологизации математики, или математизации социологии. Мы говорим только о применении математических методов в социологии. Или же, касаясь применения математических методов в экономике, мы не говорим об экономизации математики, но говорим о применении методов математики в экономике, оставляя за экономикой специфическую область исследования, на которую математика не претендует. Вряд ли дело только в использовании социологических методов исследования, хотя, без сомнения, это имело огромное значение для общественных дисциплин. Очевидно, отношения социологии с другими общественными дисциплинами намного сложнее, как сложнее и роль самой социологии в обществе.

Осознав это, социологи вновь вернулись к мысли, что социология должна выступать и выступает как некая обобщающая наука, которая должна изучать все стороны как всего общественного бытия, так и отдельного явления. Например, если экономика, теория права и пр., изучают общественные явления в своем специфическом аспекте, то социология изучает те же явление, но как бы всесторонне. Возникло представление о социологии как о комплексной науке.

Однако такой подход оказался хотя и весьма любопытным, но довольно неопределенным в силу неопределенности самого понятия «комплексность». Несколько позже его пытались уточнить, конкретизировать с помощью понятия «системность», ставшим одно время довольно модным. Но и это ничего не изменило. Понятие «комплексность», «системность» не описывали в достаточной мере ни особенности социологии, ни объема ее знаний и специфику исследования. В принципе, данный подход к определению предмета социологии мало отличается от того, который был осуществлен в энциклопедическом словаре.

Все эти размышления в явной или неявной форме привели к пониманию, что предмет социологии: во-первых, лежит вне предметов других общественных дисциплин; во-вторых, он охватывает все сферы социального бытия и, соответственно, связан со всеми общественными науками. Поиски предмета социологии стали детальнее и глубже, определилось направление к конкретизации и к вычленению специальных областей. Но главное, появилось стремление увязать его с практикой социальных и социологических исследований, что особенно обозначилось в момент соединения социологии с другими общественными науками. Характерно, что на авансцену теоретических рассуждений и споров, наконец, вышли и социологи-практики. К этому обязывал сам метод социологического исследования.

В ПОИСКАХ СВОЕГО ПРЕДМЕТА

Надо сказать, что социологическая практика в определении предмета своего внимания пошла намного дальше, чем социологическая теория. Пожалуй, именно социологи-практики не только у нас в стране, но и за рубежом нащупали ту область социального бытия, которой должна заниматься социология и благодаря которой она обрела почву и получила возможность приносить реальную пользу своими рекомендациями. Большое влияние в этом плане на социологию оказал так называемый хоторнский эксперимент.

В 1927—32 годах социологом и психологом Мэйо и его сотрудниками проводилась серия экспериментов, которые показали роль и значение «человеческого фактора» на производстве, как позже стали называть это новое направление. Эти эксперименты наглядно продемонстрировали, чего можно добиться от работника, если создать определенную систему взаимоотношений на производстве. Понимание роли и значения «человеческого фактора» обусловили впоследствии создание социологической и психологической службы на предприятиях. Задача социологов и психологов заключалась в том, чтобы изучить «человеческие отношения» и выработать соответствующие рекомендации по их использованию с целью повышения производительности труда. И надо сказать, что западная эмпирическая социология продемонстрировала в этом массу интересных возможностей социологии и психологии.

Если отвлечься от того, что теория «человеческих отношений» позже была провозглашена глобальной теорией социального благоденствия, приобретшей определенную идеологическую окраску, то в ней можно найти много положительных моментов.

Особенностью отечественной прикладной социологии является наличие в ней как бы двух направлений — первое, если так можно сказать, академическое, где, как правило, исследовали ее концептуальные проблемы, например, образа жизни, социального прогнозирования, воспитания и образования и т.д., и носящие довольно общин характер. Другое направление, развиваемое в основном заводской социологией,— проведение конкретных социологических исследований только для нужд производства. Академическая социология давала заказы, как правило, самой себе и, как это часто бывает в академической науке, удовлетворяя за казенный счет собственное любопытство, благодаря чему нередко рождались весьма нетривиальные проблемы и их решения. Именно благодаря интересу и любопытству отдельных социологов, появились новые направления в социологии, например, социолингвистика, социология личности, региональная

социология, социальная демография и др. Для второго направления заказчиками выступали предприятия, фабрики, заводы, учреждения, которые требовали конкретных рекомендаций. Если первые решали чисто научные проблемы и находились, так сказать, в свободном полете мысли и поиске истины, то вторые обязаны были решать производственные задачи и надолго забывать о собственных научных интересах. Перед заводской социологией постоянно стоял вопрос, что нужно сделать в области социального развития, чтобы повысить производительность труда. Этот вопрос висел над заводскими социологами как домоклов меч и по-гамлетовски трагична была его постановка, быть или не быть заводской социологии. Эта вынужденная жесткая ситуация и заставляла социологов-практиков искать ответ на вопрос, чтобы сохранить свое место под солнцем. Именно чрезвычайная ситуация и привела к пониманию того, чем социология должна заниматься.

Решая производственные вопросы, социологи, естественно, вышли на социальные факторы, которые оказывали влияние на эффективность работы предприятия и каждого работника. Этих факторов было много, но в конечном итоге круг их более или менее определился.

На массе данных конкретных социологических исследований было доказано, что нельзя рассматривать работника функционально, только как элемент той или иной производственной ситуации. Выполнить свою производственную операцию успешно, с высоким уровнем качества, способен только работник, который обладает возможностью раскрыть себя как личность. Поэтому необходимо подходить к нему, учитывая все богатство его личных характеристик, ибо любая деятельность есть выражение его личных качеств и т. д. Важно, что социологи решали эти проблемы, исходя не из общих деклараций о важности человека, личности на производстве и в обществе, о которых постоянно кричали все плакаты и лозунги, а шли от исследований человека. Социологи, обращаясь со своими вопросами к десяткам и сотням рабочих, инженеров, руководителей, служащих с неизбежностью выходили на их нужды и неудовлетворенные потребности, выходили на реальные социальные проблемы и соответственно их влияние на эффективность труда. Осуществляя поиск условий, влияющих на повышение эффективности труда, социологи определили причины, воздействующие на человека, стимулирующие или тормозящие его творческую деятельность, его инициативу и т. д. Соответственно, социологи вышли на узловой момент, который определяет всю структуру деятельности социальной группы — на систему взаимоотношений людей и социальных групп или социальные отношения.

Правда, для заводских социологов осознание важности изучения социальных отношений первоначально проявилось в исследованиях межличностных отношений, морально-психологического климата в коллективе. Идея оказалась простой, но довольно продуктивной. Исследования показывали, что чем лучше отношения в коллективе, тем лучше человек работает, и если отношения между членами коллектива плохие, а тем более конфликтные, тем хуже рабочие трудятся и, соответственно, ниже эффективность труда всего подразделения. Отношения дружбы, симпатии, взаимодоверия вот основные характеристики хорошего микроклимата в коллективе. Но социологам еще предстояло понять, откуда появляются дружба и симпатия, вражда и конфликты. Они только увидели, насколько важны эти отношения для работы и что их можно определенным способом регулировать, в основном специальным подбором людей, симпатизирующих друг другу. И этого чаще всего оказывается достаточно, чтобы какое-то, правда, довольно короткое

время, подразделение начало хорошо работать. С удивительной закономерностью примерно через полгода, опять образуется та система отношения, которая является естественной для любого коллектива, т. е. система симпатий и антипатий, конфликтов и противоречий. Естественным путем возникают отношения, которые определяются системой более общего порядка. Уже потом было понято, что отношения дружбы и симпатии — есть выражение более сложной системы отношений.

Обнаружив это, социологи, пошли дальше и в серии исследований нащупали и проверили еще одну систему производственных отношений, а именно отношения между руководителями и подчиненными как двумя социально-профессиональными группами. Оказалось, что здесь кроме отношений чисто дружеских или деловых, имеются и другие отношения, например, политические. В данном случае имеются в виду отношения взаимной ответственности и наличие не только обязанностей друг перед другом, но и прав, а соответственно, и разделение полноты власти. Понимая насколько важны для работы предприятия отношения между этими группами, социологи стали активно исследовать, прежде всего, уровень доброжелательности и доверия между ними, содержащий в себе всю или достаточно полную совокупность действий по отношению друг к другу. Например, забота администрации об условиях труда и быта рабочих, включение последних в управление производством и общественными делами, активное их участие в общественной жизни, компетентность руководства и профессионализм рабочих и т. д.— все это позволяло определить в свою очередь характер и уровень взаимной ответственности. Если этот уровень достаточно высок, то задачи предприятия решаются успешно, если же отношения конфликтные, то и общие задачи решаются плохо или совсем не решаются.

Исходя из этого, социологи выработали целую серию рекомендаций, которые позволили успешно решать эти проблемы. Например, исследования показывали, что напряженность между администрацией и рабочими часто возникает в результате недостаточной информированности последних о деятельности руководства. Нередко именно из-за этого возникают слухи и домыслы, часто носящие негативный характер, что приводит к росту недоверия друг к другу. Двусторонняя система информированности о деятельности администрации и коллектива в целом, позволяет в ряде случаев снять напряженность.

Но далее социологи показали принципиальное значение установление отношений и между профессиональными, квалификационными, половозрастными и другими группами, например, между молодыми и кадровыми рабочими, квалифицированными и неквалифицированными, между работниками различных подразделений и т. д. Самым главным следствием этих исследований был вывод о том, что в социальном управлении не столько важно удовлетворение тех или иных специфических интересов, каждой из этих групп, сколько установление строго определенных отношений, что стало, в конечном итоге, основным принципом социологических исследований.

Таким образом, решая социологическими методами социальные проблемы общественного производства, проблемы повышения производительности труда и т.д., социологи неизбежно должны были обратиться к производственным отношениям, которые часто называют человеческими отношениями. Правда, не всегда это осознавалось полностью и не всегда явно проявлялось как четкая ориентация на изучение именно производственных отношений. Нередко все это решалось на уровне здравого смысла. Но здесь важно подчеркнуть основную направленность социологической мысли и

социологической практики, а именно направленность к человеку, к его отношениям с другими людьми.

Однако система отношений в коллективе оказалась намного сложнее, чем это представлялось сначала, а главное, она выходила далеко за пределы производственных отношений. Социологи вышли на понимание того, что решение многих производственных задач находится далеко за проходной завода, например, в непроизводственной сфере, в семейных отношениях и во всем комплексе не производственных отношений и социальной деятельности. Примечательно, что если исследования проводились на предприятии, то применялся термин «человеческие отношения», но если исследование выходило за стены предприятия, то использовался термин «социальные отношения», охватывающие все типы социальных отношений — и производственных, и непроизводственных.

В этом плане, как уже говорилось, социологическая практика ушла намного дальше социологической теории. В то время как социологи-теоретики раздумывали, чем должна заниматься социология, и строили всякие мысленные и не мысленные конструкции, примеряя в качестве предмета социологии всевозможные социальные феномены и миражи, социологи-практики, работавшие непосредственно на производстве, решали социологическими методами социальные проблемы производства и повышения эффективности труда, сконцентрировав все свое внимание на системе производственных отношений.

Естественно, перед социологами встал вопрос: «Что же представляют собой социальные отношения, какова их природа и сущность, каким образом их можно исследовать, какое конкретное выражение они имеют, какова их структура?». Эти вопросы оказались сложными, но, не решив их, нельзя было двигаться дальше.

НОВЫЕ АКЦЕНТЫ В СТАРЫХ ПРОБЛЕМАХ

Хотя о социальных отношениях как предмете или возможном предмете социологии говорилось давно, возможно с того времени, когда понятие «социология» прозвучало в положительном контексте, тем не менее в нашем идеологизированном и элитаризированном обществе, где основные споры ведутся за приоритет не столько в научной, сколько в должностной иерархии, эти высказывания потонули в общем хоре социологических дилетантов от большой науки. Вряд ли их особенно беспокоили научная истинность и развитие отечественной социологии.

Когда к мыслям о социальных отношениях как предмете социологии стала подталкивать практика, об этом заговорили более настойчиво и социологии-теоретики, хотя и не очень определенно. Например, в 1977 г. на немецком и в 1980 г. на русском языках вышла работа немецких социологов: «Основы марксистско-ленинской социологии», в которой, в частности, авторы утверждали, что «... марксистско-ленинская социология— это социальная наука, исследующая структуру и развитие человеческого общества как систему социальных отношений, структуру и развитие общественно-экономических формаций и их элементов, а так же источники социальной активности классов, групп и индивидуумов в обществе»¹³. В этом определении, наряду с традиционным подходом, официально введено и понятие «социальные отношения».

¹³ Основы марксистско-ленинской социологии.— М.: Прогресс, 1980.— С. 3.

В отечественной литературе социальные отношения сначала не рассматривались как предмет социологии, а в лучшем случае — как область ее действия, понимаемые в узком смысле — как часть общественных отношений. Так, авторы книги «Социальная сфера: совершенствование социальных отношений», в частности, писали: «Социальные отношения обладают одной важной особенностью, которая предопределяет их исследование социологией, как правило, в тесном взаимодействии с другими общественными науками. В работах советских философов и социологов получила признание точка зрения, согласно которой специфика социальных отношений состоит в том, что они выступают существенным аспектом всех видов общественных отношений: экономических, политических, идеологических и т.д.»¹⁴.

Здесь «социальные отношения» выступают как такое понятие, которое следует из понятия «общественные отношения» как более широкого. Например, в системе производственных отношений как часть общественных выделяются еще и собственно социальные отношения. Но по сути дела под социальными отношениями понимается некоторая социальная сфера, отличная от производственной сферы. Иными словами, наряду с производством существует социальная сфера, которая конечно же, связана с процессом производства. Ни экономика, ни политика, ни идеология не могут существовать без той социальной сферы, где мы кушаем, спим, влюбляемся, рожаем детей, учимся, отдыхаем и пр., и пр.

Уязвимость такого толкования понятий социальные и общественные отношения была налицо, и в литературе неоднократно критиковалась эта точка зрения. Наверное, поэтому в предисловии ко второму изданию (1987 г.) известной книги В. А. Ядова было подчеркнуто: «Однако такой подход (т.е. социальные отношения как аспект всех иных общественных отношений — Л. А.), требует некоторых уточнений. Распространенность вышеназванных категорий, свидетельствует не только о «включенности» социального в другие виды отношений, но и об известном «примате» социального как выражающего сущность исторически определенного способа взаимодействия людей (общностей, объединений, институтов). И в этом своем качестве социальное есть категория «функциональная», основополагающая, а не просто выражение аспекта других связей и отношений в обществе. Социальные отношения развиваются по своим собственным закономерностям, которые должны изучаться наряду с экономическими закономерностями, политическими, духовными и т.д., разумеется в тесной связи с ними»¹⁵.

Это высказывание принципиально отличается от первого. Оно ставит категорию «социальные отношения» как основную, фундаментальную, имеющую свои особенности и закономерности и требующую уже специального социологического исследования, но все-таки находящуюся в одном ряду с другими, экономическими, политическими и другими отношениями. Отсюда делается вывод, что социология — это «... наука о социальных отношениях, механизмах и закономерностях развития различных социальных общностей»¹⁶.

¹⁴ Социальная сфера: совершенствование социальных отношений.— М.: Наука, 1987.— С. 11.

¹⁵ Иванов В. Н. Предисловие.//В кн. Ядов В. А. Социологические исследования: методология, программа, методы.—М.: Наука, 1987.— С. 7.

¹⁶ Там же.—С. 3. 52

Данное определение предмета социологии выгодно отличается четкостью от остальных, хотя как социологическая категория «социальные отношения» еще не рассматриваются. Социальные отношения в большей степени еще понимаются как социальная или философская категория, и в этом плане в равной степени может стать предметом не только социологии, но и экономики, и философии, и политологии, и права, и т.д.

Необходимо сказать, что категория «социальные отношения» имеет довольно длительную историю изучения. Более того, в определенном смысле эта категория является краеугольной во всей системе познания и описания мира и встречается в различных контекстах в работах мыслителей прошлого и настоящего. Чаще всего эта категория рассматривалась как психологическая, как теория взаимодействия людей на межличностном уровне или как категория социального действия.

Но очень редко социальные отношения рассматривались как социологическая категория и еще реже — как предмет и объект социологии. Правда, само определение предмета социологии как науки об обществе и представление последнего в виде некоторой целостной системы невольно приводило к образованию терминов «общественный», «социальный» в социологическом понятийном аппарате. По сути дела, уже введение термина «целостная система» в отношении общества, признавая наличие связи элементов в любой системе скрыто обосновало это и в отношении социальных институтов, социальных групп и т.д.

Но явно о социальных отношениях как социологической категории, как о предмете или, точнее, как о возможном предмете и объекте социологии, заговорили недавно. Вернее, как объект социологии, социальные отношения давно были в практике социологических исследований, да и в теории социологии, но как о предмете социологии, о них заявили только в последнее время.

КАКОЕ ОБЩЕСТВО ИЗУЧАЕТ СОЦИОЛОГИЯ?

Обращение к социальным отношениям как предмету социологии, стало поворотным моментом в становлении теории социологии. Убрав из терминологического словаря и понятийного аппарата «общество» как таковое, социологи ликвидировали яблоко раздора, и тем самым размежевались с другими общественными науками, но в тоже время сохранили содержание обществоведческой дисциплины, т.е. дисциплины, которая изучает общество.

Но здесь возникает резонный вопрос: «Изучает ли социология общество, если она сосредотачивает свое внимание на такой узкой проблеме, как социальные отношения, которые, конечно, являются социальной объективной реальностью всей общественной системы и соответственно общества? Не превращается ли она таким образом в некоторую частную науку, исследующую только какие-то отдельные аспекты общества»? Это те же самые вопросы, о которых мы уже говорили, и тот же заколдованный круг, в котором столько лет вращаются социологи. Обращение к социальным отношениям как к предмету социологии вроде бы не решает этих вопросов. На самом деле, решение здесь имеется, только лежит оно в другой плоскости, в системе понятийного определения изучаемой объективной реальности.

Прежде необходимо сказать, что «общество» в рамках социологического знания это всего лишь абстракция, социологическая категория, удобная для размышления. Общества

вообще не существует, общество всегда конкретно, всеобщее только понятие. Когда мы говорим об обществе как предмете различных общественных наук, мы имеем в виду множество обществ, как множество миров. Почему мы и говорим: экономическое общество, правовое общество, политическое общество, историческое общество и т.д. В этом понимании мы можем говорить и о социологическом обществе.

Если взять в качестве объекта исследования какое-то явление как часть мира, то его можно понять только тогда, когда через него можно будет рассмотреть весь мир, всю действительность. И мир в целом можно понять, когда он будет рассмотрен через какое-то, в принципе любое конкретное явление как объект исследования. Все содержится во всем. Ни одно явление не существует вне других явлений и вне мира в целом, как и общество в целом не существует вне конкретного. Конкретное не только частичка мира, оно весь мир в частичке, и мир только часть этого явления.

Предметом любой обществоведческой дисциплины является не общество вообще и не кусочек общества, а все общество, но только рассмотренное через свой предмет, через свою область социальной действительности. Мы видим общества всегда в том определенном ракурсе, который нас сегодня интересует, который продиктован необходимостью решения насущных задач.

Так, например, экология затрагивает и правовую, и экономическую, и политическую, и нравственную, и демографическую стороны нашего общества. Она и в самом деле изучает все эти аспекты, но только через свой предмет, а именно отношение с окружающей средой и благодаря этому строит экологическое общество и изучает общество целиком. Но и свой предмет, т.е. отношение с окружающей средой, можно понять, если экология будет рассматривать свой предмет в связи со всеми сторонами развития общества, ибо в отношении к окружающей среде сосредоточен весь мир, все общество, так же как общество содержит в себе проблему экологии как явление. Понять их можно только рассмотрев одно через другое. Но пока еще никто не додумался назвать экологию основной обществоведческой наукой, как это случилось с экономикой. Ее поставили в центре, сделали основой всего общества, всех общественных отношений и само общество в целом во всем его многообразии предстало синонимом экономического общества. Логика рассуждения та же. Производственные отношения и в самом деле оказываются связанными со всеми сторонами общественной жизни: и с политикой, и с демографией, и с правом, труднее назвать область общественной жизни, где бы их не было, но это еще не дает основания, исходя из вышесказанного, говорить об экономических отношениях как единственной сущности общества. Произошла подмена понятий. Под обществом в целом стали понимать взаимосвязь экономических отношений с другими социальными явлениями.

Тоже самое произошло и с философией. Только совсем недавно кончились споры о философии как науке наук, предметом которой является все на свете и которая диктует свои правила игры на чужом поле и гуманитарным, и естественным дисциплинам. Прошло немало времени, прежде чем поняли, что философия не диктует законов развития общественным и тем более естественным наукам, что ее предметом является своя и строго определенная часть общественного бытия, а именно наиболее общие законы мышления. Хотя и сегодня можно наблюдать, как философы пытаются определять эти законы как всеобщие для социологии, хотя уже ясно, что у них различные сферы исследования.

Примерно то же произошло с социологией, которая долгое время рассматривалась, о чем уже говорилось, как такая общественная дисциплина, которая изучает общество в

целом, в результате чего и родилось представление о ней как комплексной науке, в отличие от других общественных дисциплин, которые рассматривают только отдельные стороны общественного бытия. Но сделать предметом внимания социологии все общество, общество в целом, означает приписать ей знание всех специальных общественных дисциплин, что сразу же исключает ее как специальную науку. Это равнозначно тому, что медицину или психологию объявить наукой о «человеке». Социология, действительно, изучает все общество, но только через свой предмет, через свою область социального бытия, сферу социальной действительности, т.е. через социальные отношения. Социология — это наука о наиболее общих законах развития и функционирования социальных отношений. И через эти законы социология рассматривает и все общество.

ИССЛЕДОВАТЬ МОЖНО ТОЛЬКО ТО, ЧТО ИЗВЕСТНО

Но, когда мы говорим, что социология изучает социальные отношения, мы оказываемся так же далеки от ответа, что такое социология, как и тогда, когда называли социологию наукой об обществе. И вот почему. Здесь возникает интересная вещь.

Когда мы говорим, что социология — это наука о..., то строго говоря, речь не идет о предмете социологии, а о том, что изучает социология. Так, когда мы говорили, что социология — это наука об обществе, то под этим мы подразумевали, что есть некоторая дисциплина, которая изучает общество. И не более того. И мы опять вернулись к тому вопросу, с которого начали, а именно — что же является собственно социологией, ни на грамм не продвинувшись вперед. И чтобы мы не назвали из того, что изучает социология, все будет верно и все будет неверно, ибо она и в самом деле все изучает, но это не даст нам возможности понять, что она представляет сама по себе. Получается, что мы никогда не сможем сказать, что социология — это..., поскольку мы всегда будем говорить о том, что социология — это наука о... .

Ответ на этот вопрос лежит в другой плоскости рассуждений. Любую социальную действительность можно изучать посредством другой социальной действительности, и только так, и никак не иначе. Другого пути нет. И изучать можно только такой действительностью, которая сама по себе и в достаточной степени понятна и изучена.

Но если какую-либо действительность можно изучать посредством другой социальной действительности, а ту, в свою очередь, можно познать посредством следующей социальной действительности, то здесь возникает порочный круг. Таким образом мы никогда не достигнем конечного знания, поскольку последовательность требующихся знаний действительностей оказывается практически бесконечной и в результате мы никогда не достигнем исходного знания и в принципе знание оказывается невозможным.

Значит, нужна такая универсальная действительность, посредством которой возможно разорвать этот порочный круг и выйти на последовательный процесс познания. Такой познанной социальной действительностью может выступать только прошлое знание человека и человечества, которые мы можем взять вне системы взаимосвязи объективного мира и с ее помощью познать этот мир и любую его частичку, любой объект. Это наша человеческая уникальная возможность концептуального построения мира на основе познанной прошлой действительности. Мы изучаем мир только посредством нашего прошлого знания и только путем его конструирования в своем сознании.

Парадокс заключается в том, что социология, беря социальные отношения как предмет своего внимания, исследует их так же посредством социальных отношений, но уже не актуальных, а выступающих прошлым знанием человека и человечества. Сам по себе процесс изучения становится результатом социальных отношений и частичкой социального бытия. Но использует человеческое сознание, это прошлое знание только в форме концептуального представления об изучаемом социальном объекте. Изучая социальное бытие, его отдельные аспекты, процессы, явления и пр. посредством социальных отношений, человек получает подтверждение или неподтверждение своего концептуального знания и в соответствии с этим начинает действовать, т.е. вступать в определенные социальные отношения и производить тем самым и новое общественное сознание и новое социальное бытие.

Социология — как наука это результат осознания человеком той социальной действительности, посредством которой он может изучать, исследовать другую социальную действительность, осознание ее в концептуальном виде как возможность для познания другой социальной действительности.

Но поскольку это всегда определенная социальная действительность, например, общество, социальные отношения и т.д., постольку получается определенная область социальной деятельности человека, которая и получает свое наименование, обозначение в определенной знаковой системе, которой располагает общество. Отсюда и происходит, что любая наука - это наука о чем-то, а самой науки как будто нет. На самом деле имеется отражаемая в сознании человека, в концептуальном виде, объективная реальность, которая как прошлое знание является известной социальной действительностью и посредством которой человек исследует ту же, но неизвестную объективную реальность.

Таким образом сама по себе социология, как некоторое знание человека о социальном мире, для человека и общества выступает только как инструмент, усиливающий познавательные возможности, делающий его более точным, глубоким, адекватным объективной реальности. Так же, как человек усиливает свои физические возможности, используя машины или усиливая с помощью ЭВМ свои счетные и аналитические возможности, выступающие только как прошлое, но в данном случае материализованное в специфической объектной форме знание человека. Точно так же, прошлое знание человека материализуется в специфической форме общественного сознания, в книгах и прочих фиксированных матрицах. Человек познает мир только посредством другого человека и результатов его деятельности.

Сама по себе социология, в той ее сегодняшней, принятой в литературе интерпретации, равным счетом ничего не дает, .ничего не познает и не создает никаких материальных или познавательных ценностей. Так же, как любая машина без человека представляет собой только груды железа. Только посредством человека она приобретает какой-то смысл, и именно тот смысл, который в нее вложил человек, и только тот смысл, который она может иметь как специальный метод . познания и преобразования мира.

Не социология изучает социальное бытие, а человек посредством социологии, т.е. посредством некоторого прошлого концептуального проверенного и истинного знания о социальном бытии, изучает новое социальное бытие и с помощью этого рождается новое знание.

Фраза «социология изучает общество» в принципе верна, если под ней понимать то, что сказано выше, иначе она превращается в самосуществующий и самодавляющий феномен без познающего человека. Более того, сам человек становится только

инструментом для социологии. Это примерно так же, как и в технике, когда начинают фетишизировать машины, превращая человека в ее придаток. Так называемое технократическое мышление, мышление прошлого машинного времени, машинной эпохи отражает довольно невысокий, по нынешним меркам, уровень общей культуры, образования и понимания человека. Не исключен и социологический фетишизм, когда посредством социологии будут предприниматься попытки изменить мир и управлять им, опять не учитывая человека и игнорируя его роль в познании и т.д. Только гуманизация общественного сознания и, соответственно, общественной жизни, о чем уже говорилось ранее, может поставить человека на пьедестал социального мира и поможет понять место и роль социологии в человеческом, познающем мире и человека в мире социологии.

Глава III. СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Итак, социальные отношения стали предметом внимания как практиков-социологов, так и теоретиков. И практики-социологии ушли намного дальше теоретиков, которые только начали подступаться к ним. Но ушли они не настолько далеко, чтобы совсем обойтись без теории. Вернее, они ушли вперед ровно настолько, чтобы понять, что без теоретического осмысления проблемы, двигаться дальше невозможно.

И перед теоретической социологией начинают вставать глобальные вопросы. Надо было не только сказать, что социальные отношения являются объектом и предметом социологии, но и определить «социальные отношения» как социологическую категорию, а значит показать, каким образом социология изучает социальные отношения и что из этого получается.

ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК В ЧЕМ-ЛИБО ПРЕУСПЕЛ — ЭТО ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОН ПРЕУСПЕЛ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Пожалуй, самым эффективным представлением роли и значения человеческих отношений в решении разнообразных практических задач, является, по-моему, известная книга Дейла Карнеги «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей». В частности, Д. Карнеги пишет:

«Ваш успех зависит не в малой степени от искусства обращения с людьми. Этого достичь оказывается очень просто. Хвалите человека за каждый даже самый скромный его успех и будьте при этом искренни и щедры...

Всегда старайтесь, чтобы людям было приятно исполнить то, что вы хотите...

Всегда поступайте так, чтобы у другого человека создалось впечатление своей значимости... Проявляйте сочувствие мыслям и желаниям других...

Если вы хотите повлиять на людей, обращайтесь к их благородным побуждениям...

Человеку всегда легче выслушивать неприятные вещи после того, как его похвалят...

Начинайте любой разговор с похвалы и искреннего признания достоинства человека...

Не унижайте человека, дайте ему возможность спасти свое лицо... Первое, что необходимо усвоить при общении с людьми: это не мешать им жить в свое удовольствие, так как они привыкли к этому сами...

Вместо того, чтобы осуждать людей, постарайтесь понять их. Постарайтесь уяснить, почему они поступают именно так, а не иначе. Это бесконечно выгоднее и интереснее, чем критиковать их. Это порождает взаимное понимание и терпимость.»¹⁷.

И так далее, на протяжении 300 с лишним страниц с подробными описаниями правил человеческого общения и массой интересных примеров.

Можете ли вы лично привести примеры, которые бы показали важность умения устанавливать человеческие отношения для достижения своих целей? Думаю, что да и довольно много. Вы хотите выйти замуж или жениться? Вы можете это сделать, если установите строго определенные отношения с другим человеком, потенциальным женихом или невестой, такие отношения, которые бы заставили каждого из них пожелать того же самого. Вы хотите иметь хорошую, крепкую семью? Нет ничего проще, для этого надо только уметь построить правильные отношения с членами семьи. Я думаю, что вы не хотите отказаться от продвижения по службе? Вы можете это сделать только в том случае, если сможете установить определенные и нужные отношения со своим непосредственным начальником. И так далее. Какую бы область своего бытия вы не взяли, вы так или иначе, но обязательно выйдете на необходимость построения человеческих отношений и каждый раз строго определенных.

Я привел выдержки из книги Д. Карнеги не потому, что это уникальное пособие по установлению человеческих отношений. Человечество на протяжении всей истории, очевидно, не раз составляло подобные трактаты о правилах установления определенных социальных отношений для решения своих задач. Возьмите сочинение графа Честерфильда «Письма к сыну». Они представляют собой сборник правил поведения в обществе и написаны в великолепной литературной форме, почему и дошли до наших дней. Возьмите работу нашего современника Андре Моруа «Из писем к незнакомке». Обращаясь к своей незнакомке, он дает ей массу интересных советов, как вести себя с мужчинами, чтобы успешно решить какие-то свои задачи: будьте внимательны, однако, сохраняйте границы нежности, необходимо кокетство, но надо уметь и устраивать сцены, проявлять веселье и грусть, когда это нужно и т.д.

Можно привести немало подобного рода сочинений и каждое из них будет касаться правил построения строго определенных отношений, исходя из интересов обращенного к ним человека. Д. Карнеги учит решать различные проблемы в области бизнеса, граф Честерфильд дает советы правильного поведения в обществе, Андре Моруа объясняет своей незнакомке, как завоевать сердце мужчины. Я задумал книгу: «Как выйти замуж?», которая будет посвящена некоторым правилам построения отношений с потенциальным женихом. Правила эти имеются, они выработаны самой жизнью, практикой общения и решения этих задач, и хорошо работают. Другое дело, что не всегда эти правила известны девушкам, от чего они много проигрывают. Впрочем, такая книга уже написана и издана в Америке, и говорят, что книга получилась довольно интересной и полезной для девушек, испытывающих в этом деле трудности. Во всяком случае издательство, обещает компенсацию расходов за покупку книги «Как выйти замуж по своему вкусу?», если в течение двух лет, предлагаемые правила не сработают и они не помогут девушке выйти замуж. И это не только рекламный трюк.

¹⁷ См.: Д. Карнеги. Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей.— М.: Прогресс, 1975.

Чтобы мы не делали, все это возможно только в системе определенных социальных отношений и оно же есть результат этих отношений. Копаем ли мы землю на даче, стоим ли за станком, рисуем картины, пишем стихи, влюбляемся и женимся, ссоримся и разводимся и т.д. и т.д.— все это результат человеческих отношений и только благодаря им возможны наши действия и существование человечества, человека как общественного существа и существования самого общества. Чтобы человек не делал, он прежде всего делает, строит, воспроизводит социальные отношения и, наоборот, если человек в чем-либо преуспел — это означает, что прежде всего преуспел в человеческих отношениях.

Люди всегда знали и понимали роль и значение социальных отношений. Знали давно, может быть с тех самых давних времен, когда человек осознал себя. И всегда человек старался использовать социальные отношения для решения тех или иных своих личных задач. Сколько на эту тему написано прекрасных произведений: о героях, государственных деятелях, дипломатах, дон-кихотах, пройдохах различных мастей и, наконец, о любви. Да, собственно, все художественные произведения — это произведения о человеке, а значит — о человеческих отношениях, об отношениях между людьми.

И чем успешнее человек использовал эти отношения для достижения своих целей, умел построить их специальным образом, например, для достижения власти, денег, славы или любимой женщины, тем большим искусством оно было. И наоборот, чем большим искусством оно было в руках того или иного человека, тем большего он достигал успеха на том или ином поприще. На за один вид искусства так много не платили люди, как за искусство строить отношения.

Более того, люди всегда пытались выработать те или иные правила межличностного отношения. Десять заповедей Христа или Кодекс строителей коммунизма — это тоже правила межличностного общения. Чему учат папы и мамы) бабушки и дедушки? Правилам общения и правилам общежития. Чему учат нас семья и школа (как пел В. Высоцкий)? Правилам общественных отношений. Наконец, чему нас учит родной коллектив? Тому же самому. Эти правила имеются, но достались они человеку с большим трудом, выработка их заняла страшно много времени, по сути дела, вся история человечества — это история познания законов социальных отношений.

Знало человечество о роли и значении социальных отношений. И нынешний век не исключение, просто в который раз человечество открыло для себя этот феномен на сей раз в виде феномена «человеческого фактора», «человеческих отношений» на производстве. Открыло, удивилось, попыталось объяснить и использовать в своих целях. Но раньше это было интуитивным знанием, сегодня оно стало осознанным, актуализированным знанием, что свидетельствует о росте самосознания человечества, о более полном и адекватном представлении о себе и о мире. Собственно, и сама социология зародилась, отвечая потребности общества в самосознании, необходимости узнать себя, понять, какие законы им движут.

НЕТ ПЛОХИХ ЛЮДЕЙ — ЕСТЬ ПЛОХИЕ ОТНОШЕНИЯ, ИЛИ НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРИРОДЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Несмотря на то, что социальные отношения являются плотью и кровью человеческого существования, всегда находились в центре внимания человека, сказать,

что мы знаем, что это такое, вряд ли возможно. Мы знаем только то, что социальные отношения существуют, что имеются правила и законы этих отношений, и мы интуитивно пользуемся ими при решении тех или иных задач и, если нам удастся решить эти задачи, то по всей видимости, пользуемся успешно. Но каков механизм образования и функционирования социальных отношений, какова природа этих законов, мы далеко не всегда представляем себе.

Для того, чтобы приблизиться к пониманию этих вопросов нам придется начать издалека, а именно, с основной философской проблемы об отношении человека и объективного мира, или уже о природе отношений между субъектом и объектом.

Вряд ли кто будет возражать, что существование человека и человечества — это процесс познания окружающего мира и законов его развития. Но, выдвинув этот тезис, человеческое мышление столкнулось с другой проблемой. В любой, сколь угодно краткий отрезок времени, мир оказывается совершенно другим, чем был ранее. Эта проблема получила свое оформление в известном афористическом выражении: «Нельзя дважды войти в реку». Мир постоянно изменчив, настолько изменчив, что настоящего не существует, есть только прошлое и будущее. Разрешение этого противоречия взял на себя Гегель, заявив, что действительный мир — это мир наших понятий, что держит человеческое существование в некотором относительном постоянстве. И по всей видимости, великий мыслитель был прав, если только мир понятий не противопоставлять, так называемому, объективному миру. То, что мир постоянно изменчив и изменчив в своем постоянстве, не надо доказывать. Но так же истинно и то, что мы относимся к объективному миру, как к постоянно существующему, который мы можем ощущать, фиксировать, ломать, строить, передвигать и пр. Разрешение этого противоречия находится во временном интервале существования объект того мира и конкретных объектов относительно человека. Мир изменчив, но время существования объекта относительно времени существования человека, не одинаково. Оно различно и в принципе до бесконечности и в ту и в другую сторону. Так, капля воды для человека более и менее постоянна, т.е. существует то время, когда человек может увидеть в ней весь мир. Но сама капля изменяется, например, испаряется. На атомарном уровне, мир относительно человека стремительно изменчив, и какого стоит труда его зафиксировать в физических опытах, экспериментах. Вселенная относительно времени существования человека бесконечна, но и время человека в своей малости бесконечно относительно Вселенной.

Но человек воспринимает мир и каждый объект в отдельности не как одноразовый акт, а как систему взаимодействия с объективным миром, которое (взаимодействие) определяется понятийным содержанием мира человека. Капля воды может быть объектом для человека только в том случае, если она известна человеку как капля воды, т.е. он имеет некоторое понятийное содержание и терминологическое выражение. Конкретный объект входит в сознание человека только посредством системы понятий, которая и определяет и понятие и сущность объекта. Термин, например, капля, стол, стул, дом¹ и пр. обозначает только то, что данный объект под этим кодовым названием входит в некоторый класс, вид однородных объектов, что и получает некоторое обобщающее определение, т.е. понятие.

Это мудрое изобретение природы. В сколь угодно малое количество времени в сознание человека через все органы ощущений попадает бесконечное количество квантов информации. Например, на сетчатку глаза, в любое сколь угодно малое время, попадает бесконечное множество квантов света. Определить содержание каждого кванта инфор-

мации, а это принципиально необходимо делать, чтобы определиться в окружающем мире, является практически невыполняемой задачей. Природа пошла по другому пути, она стала типологизировать кванты информации по однородности их содержания, и таким образом формировать группы, классы, виды однородной информации. Образовав такой класс, вид, группу и пр., человеку уже нет необходимости анализировать подробно и тщательно каждый квант информации. По ряду ограниченных признаков, сознание соотносит его с имеющимся классом и тем самым определяет и его необходимо полное содержание.

Это можно назвать обобщенным восприятием объекта и мира в целом. Конкретное содержание того или иного класса информации определяется тем или иным понятием или концепцией, что в принципе одно и то же, во всяком случае, для нашего изложения.

Если незнакомый объект, скажем, человек, попадает в наше поле зрения, то происходит моментальная идентификация его образа как совокупность признаков с некоторой понятийной системой, которая и определяет содержательное значение данного образа как объекта. Так, если мне не понравился человек, с которым меня познакомили, то это означает только то, что его некоторые первые признаки (внешний вид, жесты, поведение), поступившие в мое сознание как кванты информации, были сразу же идентифицированы с некоторым классом людей, которые мне не нравятся. Так, мне нравятся рыжие волосы, и всех тех, кого я встречаю с рыжими волосами, вызывают у меня симпатию, впрочем, так же, как у других людей могут вызывать антипатию.

Наличие системы понятий позволяет мне определиться относительно другого человека, т.е. определить свои действия, поступки и пр.

Таким образом, субъект не только системно, понятийно отражает объект и мир в целом, но концептуально строит свои отношения с объектом и миром в целом. Иметь концепцию поведения другого человека — означает знать законы, особенности его поведения или же другими словами, иметь представление о траектории его движения, что позволяет определить свои действия и свою траекторию движения относительно данного человека как объекта. Но точно так же поступает и объект или другой человек. Для него определить свои действия относительно меня как субъекта — означает понять мою концепцию движения. Понятно, что если концепция окажется неверной, то ее придется перестраивать или разрабатывать новую. Так, рыжий человек, вызвавший при первом знакомстве в качестве рыжего определенную симпатию, в дальнейшем оказался препротивнейшим человеком. Соответственно, мои действия по отношению к нему кардинально изменятся.

Действия объекта и мира в целом — есть поле деятельности субъекта и средство его существования. Понятие «средство» используется в данном случае в предельно широком смысле и как энергетическое, и как информационное. Новорожденный ребенок имеет только генетический код реализации той социальной программы, которая будет ему передана родителями, действия которых являются полем и средством для его физической реализации и социализации.

Робинзон мог выжить на необитаемом острове только потому, что он пользовался ресурсами, созданными прошлыми действиями людей и выступающее как его прошлое знание. Ребенок вряд ли сможет один выжить и тем более социализироваться.

Но, как мы уже говорили, мир постоянно меняется. Для того, чтобы успешно действовать, т.е. потреблять, созданные другими людьми, ресурсы, человек должен знать актуальные законы изменения мира. И то, что вчера было ценным, сегодня, а тем более

завтра, может стать непригодным для использования. А это ставит под угрозу существование человека.

Концепция, выработанная субъектом, всегда несет в себе только долю, большую или меньшую, объективного знания. Это обусловлено той принципиальной особенностью концепции, что она всегда прошлое значение. Как только концепция возникла, она сразу же приобретает статус прошлого знания. Это, конечно, не значит, что ею нельзя пользоваться. Каким бы оно далеким прошлым не было всегда содержит определенную долю объективности, истинного знания. Чем больше общность концепция по отношению к субъекту, например, концепция общества, тем консервативнее это знание и тем дольше оно остается актуальным. Чем меньше общность концепции, например, концепции частного действия человека, тем быстрее она устаревает и сменяется. Но действия объекта по отношению к субъекту всегда актуальны и всегда истинны, как истинна любая объективная реальность, только потому, что она есть, хотя действия объекта по отношению к субъекту всегда основывались на прошлом знании и возможно на довольно сильно устаревшей концепции. Для того, чтобы субъекту действовать и существовать, он должен всегда иметь концепцию действия объекта, а для этого он должен всегда актуально взаимодействовать с ним.

Но возможность взаимодействия обуславливается не только субъектом, но и объектом, т.е. не только концептуальным пониманием действий объекта, но и концептуальным пониманием объекта действий субъекта. Для того, чтобы объект мог действовать на поле субъекта, он так же должен познать траекторию действия субъекта. И тот, и другой выработают собственную концепцию относительно действий друг друга. Если эти концепции оказываются правильными, то образуется единая общая и субъекта, и объекта концепция действий по отношению друг к другу. Особенность этой общей концепции заключается в том, что она построена на основе прошлого опыта и субъекта, и объекта и на основе актуального движения и того, и другого. Такая концепция становится уникальным явлением, поскольку выступает как закон и как условие действий и субъекта, и объекта. Будучи порожденной обоими, данная концепция подчиняет их действия и приобретает самостоятельное существование. Другими словами, знание движения объекта становится моим законом моего движения, моих поступков. Знание объекта о движении субъекта становится его законом движения. Таким образом, приобретенное, а вернее выработанное концептуальное знание становится собственностью и субъекта, и объекта и возможностью их действия, концептуальное знание становится общим знанием и общим законом концептуальных построений отношений друг с другом. Потребность во взаимодействии — есть потребность в потреблении результатов деятельности объекта или субъекта, которая одновременно становится и полем его деятельности. Взаимодействие — это потребление результатов деятельности друг друга для решения каждый раз своей собственной задачи и тем самым реализации их общей задачи. Общее — есть осмысление актуальной действительности, выраженное в новой концепции. Результатом становится возможность для действия субъекта и объекта как новое поле их деятельности.

Но возможен и другой вариант. Поскольку процесс выработки представления о движении объекта, выраженный в концептуальном знании, основан, как уже говорилось, на прошлом знании, то данная концепция может быть и неверной. Это означает, в свою очередь, что субъект не может прогнозировать действия объекта, значит, не может осуществлять и свою собственную деятельность. В этом случае, естественно, будут отсутствовать и возможные ресурсы для обеспечения жизнедеятельности субъекта.

В этом случае субъекту придется строить новую концепцию, правильно объясняющую действия объекта. Происходит постоянный выбор человека между предпочтением существующей концепции и постоянно изменяющейся объективной реальностью. То, что является достоянием человека и принципом его существования, т. е. система понятийного отражения и построения отношений с объективным миром, в то же время является и самым уязвимым местом, его ахиллесовой пятой. Любая концепция как отдельного человека, так и всего общества существенна, поскольку описывает объективную реальность, т. е. все то, что существует вне человека, обобщенно и концептуально отражено в понятиях. Но в то же время она содержит в себе в обязательном порядке возможность неистинного знания.

Концепция развития общества, выступающая а виде общественного сознания, и социальное бытие, т. е. то, что существует вне общественного сознания, как актуальная реальность, выступают по отношению друг к другу как два самостоятельных образования, которые не имея возможности существовать отдельно друг от друга, постоянно находятся в состоянии противоречия и противоборства, что и обуславливает прогрессивное развитие как того, так и другого. Разрешение этого противоречия каждый раз происходит в результате смены концепции общественного развития или изменения общественного сознания, что чаще всего происходит со сменой поколения, с приходом новых людей, выразителей новой концепции.

Таким образом, можно сказать, что моя концепция — это мое отношение, т. е. некоторая оценка моего состояния по отношению к объекту. Если моя концепция по поводу поведения объекта совпадает с его реальным движением, это означает, что моя концепция верна. В свою очередь, это означает, что я как субъект дееспособен, а значит, могу быть уверенным в решении своих собственных задач. В этом случае появляется положительное отношение к объекту, например, к другому человеку. Иначе говоря, хорошее отношение это как бы выражение благодарности другому человеку за подтверждение моей жизнеспособности и дееспособности, моего умения выработать правильное представление о мире и т. д.

Но если моя концепция, мое представление о том; как должен поступать другой человек, не совпадает с его реальными действиями, то это означает, что моя концепция неверна, то есть я не смог правильно отразить его как объективную реальность. Это может означать все, что угодно, но в первую очередь, то, что я возможно стал терять способность верно отражать мир, конкретные объекты, а значит, правильно действовать и решать свои задачи. Несмотря на то, что поведение объекта или другого человека, могут быть так же неистинными, но по отношению ко мне как субъекту, оно всегда истинно, поскольку оно существует актуально, а значит, объективно и которое можно и нужно воспринимать только как данность, и поступать в соответствии с законом его движения и никак иначе. Правильность и неправильность действий другого человека, а мы часто критикуем других людей за неправильность действий, это только наше субъективное представление о действиях другого человека, но не самое действие другого человека, выступающего в качестве нашего объекта, это даже не сам человека, а только отражение его в нашем концептуальном сознании. И поэтому оно всегда в большей или меньшей степени, но субъективно, возможно истинно, но не более того. Единственно правильный путь, чтобы правильно действовать самому, это правильно отразить «неправильные» действия другого человека как объекта.

Если моя концепция после проверки практикой, т. е. движением объекта, оказалась неверной, то в этом случае мне придется перерабатывать свою концепцию, искать новую и т.д., т.е. проделать всю процедуру от начала до конца. А это довольно трудная работа¹⁸ и тем более всегда с той или иной долей вероятности получения истинной концепции. В этом случае всегда появляется боязнь, что это не получится, что не найдется истинной концепции, а значит, не будет возможности решения своих задач. Человек, который своими действиями не подтвердил мою концепцию, вызывает, как правило, неудовольствие (особенно у начальства), а это характеризуется на быденном языке как плохие отношения. Полная доброжелательность или враждебность, со всеми возможными градациями нюансами, есть в то же время и знаковая система, демонстрирующая другому человеку, как к нему относятся и как он должен себя вести.

Изменить отношения — это прежде всего изменить либо свою концепцию, либо действия другого человека как объекта, сделать их, так или иначе адекватными друг другу. Чаще всего и, надо сказать, гораздо выгоднее для себя, изменить свою собственную концепцию, сделать ее адекватной движению объективной реальности, т. е. движению объекта и тем привести в соответствие со своими собственными интересами, а значит, наилучшим образом решить свои задачи.

Поэтому потеря даже частной концепции, которая может быть началом цепочки потерь следующих по общности концепций, в том числе и общей основной концепции жизнедеятельности, всегда приводит в неустойчивое состояние, выводит из равновесия¹⁹. Наверное, именно поэтому люди так не любят критики, даже самой незначительной в свой адрес. В данном случае критика — это отрицание концепции человека и требование найти новую концепцию или принять какую-то другую, что не всегда бывает просто. Вот почему человек всегда стремится отстоять свою позицию, доказать правильность своей концепции, чтобы сделать ее основой для своих поступков. Именно поэтому Д. Карнеги писал, что если вы хотите высказать человеку свое несогласие, покритиковать его, сначала похвалите его, например, скажите, что, возможно, это вы не правы, не все поняли и пр. Этим самым вы вселяете уверенность человека в своих силах, в его способности найти правильное решение и т. д.

Нет плохих людей, есть плохие отношения. Так же как нет хороших людей, а есть только хорошие отношения. Один и тот же человек для разных людей может быть и хорошим, и плохим, или разные люди могут иметь с ним хорошие или плохие отношения. Почему это происходит, мы постарались показать в данном параграфе.

АТОМАРНЫЙ СТАТУС СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

¹⁸ Вот почему **респонденты** при ответах на вопросы социологической анкеты, как **правило**, отвечают искренне, ибо в противном случае им придется проделать двойную работу, сначала найти истинную **концепцию**, а затем ложную, если они решили ответить неправильно, дать ложную, т. е. не соответствующую их мнению информацию.

¹⁹ **Особенно** это заметно в переломные моменты развития общества, например, а эпоху революций, общественных потрясений, когда меняются коренные концепции общества, по которым раньше жили люди. Резкая смена концепции нередко приводит к деградации личности и ее гибели. История дает немало примеров самоубийств именно на этой почве.

Перед любой наукой и наукой в целом всегда стояла задача определения того кирпичика, атома, модуса, клетки, которые являлись бы условным началом всего мироздания или какой-то конкретной науки. Для экономики такой клеточкой выступал товар, для демографии условной единицей выступал человек, для историка — исторический факт и т. д. Для социологии такой клеточкой в разное время выступали общество, социальный акт, «социальный человек», социальный институт и пр., а с некоторых пор было выдвинуто новое понятие «социальная общность». Однако и указанные, и другие определения при конкретной интерпретации столкнулись с проблемой неопределенности выдвигаемых понятий, например, общность как атомарных единиц. Если с понятием «группа» как малой социальной общности как будто бы определились, она и в самом деле может выступать как атомарное выражение понятия социальной общности, то с понятием «общество», которое так же с полным основанием можно рассматривать как социальную общность, возник ряд, и прежде всего понятийных, трудностей. Общество, по всей видимости, по своим размерам, не влезало в атомарное состояние, почему его и начали рассматривать как некоторое системное образование. Человек, группа, социальная общность и общество в целом безусловно могут выступать объектами социологии, но как понятия они оказываются настолько различными, что это не позволяло представить их в виде клеточки, атомарной единицы и пр. Необходимо было найти такое единое понятие, которое могло бы объединить в себе эти понятия и которое на самом деле могло бы выступать условным началом любого социального образования. На мой взгляд, таким атомарным статусом может обладать понятие субъект (и объект), но для этого необходимо дать четкое определение этих понятий.

Обычно под субъектом в научной литературе (социологической, философской) понимался только человек, а под объектом или другой человек, или некоторое другое, отличное от человека образование. Однако понятие «субъект» можно рассмотреть шире, чем понятие «человек», понятие «субъект» может включать в себя любое социальное образование, любую социальную совокупность, но только при определенных условиях. Какие эти условия?

Я уже говорил, что отношения могут быть только между субъектом и объектом, т. е. между каким-то одним единичным образованием и другим. Это обусловлено прежде всего тем, что субъект, в частности человек, может вступать в отношения в каждый конкретный момент времени только с одним объектом, а с рядом объектов — поочередно. Выполнение человеком одновременно и параллельно нескольких действий, говорит о том, что человек в этом случае работает с параллельными программами действий. Но это не исключает принцип одновременности и последовательности действий с объектами в рамках одной программы. Таким образом, сам момент отношений уже носит атомарный характер, который может выражаться только в парном взаимодействии или, как бы сказали кибернетики, в двоичной системе. В кашей интерпретации, если субъект правильно концептуально отразил объект, то отношения имеются, если неправильно, то отношений нет, они заблокированы, их в принципе не может быть.

Но отношения между объектом и субъектом в социальной жизни намного сложнее, чем в технике. Субъект выступает как активное начало, как самостоятельно определяющий свой статус. Отличительной особенностью субъекта является то, что он всегда имеет некоторое концептуальное представление о своем существовании и своем действии, что позволяет ему быть цельным и самостоятельным образованием, в своем развитии замкнутом на самого себя и имеющим отношения с объектами только через

своих посредников или носителем общей концепции, выступающих как ее структурные элементы. Наличие общей концепции развития само по себе уже предполагает единство действия субъекта, всех его структурных элементов.

Но объект так же имеет концепцию своего развития и тем самым выступает как самостоятельное цельное образование. И субъект, и объект могут вступать друг с другом в отношения только как с такими образованиями, которые имеют концепцию своего развития или другими словами, являются концептуально образованными, ибо без концепции ни субъекта, ни объекта нет и не может быть. Любое социальное образование, человек, группа или некоторая социальная совокупность не могут существовать без концепции своего развития как своего общественного сознания. Но любая концепция — это совокупность по иерархии некоторых частных концепций: входящих в нее в качестве элементов. Последние в свою очередь также представляют собой некоторую совокупность более частных концепций как структурных элементов и т. д. В принципе это может продолжаться и в ту, и в другую стороны до бесконечности, но мы всегда останавливаемся на каком-то уровне концептуальной общности, на том уровне, который позволяет решать нам свои задачи.

Понятно, что это может быть любой уровень концептуальной общности и социального образования. И с другой стороны, коль данная социальная совокупность может образовать свою концепцию развития, значит она уже выступает как некоторое цельное и самостоятельное образование. Так, если какая-то группа людей, заявила о себе как о партии и представила программу действий, ее сразу воспринимают как некоторое цельное и самостоятельное образование и только таким образом с ней и имеют дело. Но имеют дело не с партией в целом, а только с концепцией ее развития, выразителем которой являются, как правило, ее руководящие органы. Еще раз повторим, что субъектом, так же как и объектом может быть в принципе любое социальное образование. Но таким оно может быть только в том случае, если субъект (объект) является концептуальным образованием. В отношении вступают только концептуальные образования. Понятно теперь, что в качестве субъекта и объекта может выступать человек социальная группа или общество в целом. Например, человек как субъект вступает во взаимодействие с обществом как с объектом, так же как общество в качестве субъекта может вступать во взаимодействие с каждым отдельным человеком в качестве объекта. И это происходит до тех пор, пока существуют такие концептуальные образования как общество и человек. Если общество теряет свою концепцию развития, что и произошло с нашим бывшим социалистическим обществом, то никто с ним не будет вступать во взаимодействие. Оно неспособно что-либо дать и стать основой для новых концептуальных образований и тем самым для прогрессивного развития как субъекта, так и объекта.

Как видно, здесь опять с неизменностью воспроизводится система отношений субъекта и объекта как атомарных. Только в данном случае под субъектом и объектом понимается не один человек, а некоторое новое образование, любая социальная общность, имеющая свое концептуальное осознание. И опять с необходимостью воспроизводится принцип взаимодействия двух объектов. Они создают третий объект, выступающий таким новым образованием, который включает оба объекта и который как самостоятельный объект вступает во взаимодействие с другим таким же образованием или объектом, и так до бесконечности.

Определяя в качестве предмета социологии социальные отношения, социологи выходят и на свою клеточку, свой атом, на ту универсальную единицу, которая является основой социального сущего. Какую бы область социального бытия не взяли, мы обязательно найдем социальные отношения субъекта и объекта, имеющих свое цельное концептуальное сознание, и которые постоянно воспроизводятся на разных уровнях социальной общности в неизменном принципиальном виде. В этом случае вниманию социологии как предмета и объекта исследования, представляется именно концептуальное сознание и процесс взаимодействия этих концептуальных сознаний и образование нового концептуального сознания.

ХАРАКТЕР ОБРАЗОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Социальные общности разных уровней развиваются по различным законам. Так, характер социальных отношений между покупателем и продавцом совсем не тот, который действует и по которому действуют на уровне межгрупповых отношений.

Принципиальные различия и особенности образования социальных отношений определяются, как уже говорилось, соответствием концептуальных установок субъекта и объекта. Соответственно и процесс познания субъектом объекта и наоборот, есть установление соотношения концептуальных положений. Явление обнаруживается и может быть изучено только в системе взглядов или теоретических положений, имеющих иерархический характер по уровням общности.

Вступая друг с другом в определенные отношения сейчас не важно по какому поводу, хотя отношения всегда возникают по какому-либо поводу), субъект и объект определяют тем самым и закон своего поведения. Нечто то, что было для каждого из них индивидуальным, а именно их прошлый опыт, выступающий как индивидуальное сознание, стало их общим достоянием, общим знанием и общим осознанием, а через это и общей системой отношений, которой поведение каждого из них в обязательном порядке предопределяется. Обязательный характер наличия и строгого соблюдения правил и законов социального общения, определяется необходимостью взаимопонимания друг друга и, соответственно, выступает как условие выполнения, поставленных перед ними обоими некоторой общей задачи, решая которую, они должны решить и каждый свою собственную задачу. Получается интересная ситуация. Субъект и объект порождает правила, законы взаимодействия, но в то же самое время и подчиняется им в обязательном порядке как некоторой независимой сущности, стоящей как бы над ними. Так, если я хочу познакомиться с девушкой и она тоже не против, то в обязательном порядке мы соблюдаем правила общения, взаимоотношения и взаимодействия, правила, которые нами и только для нас двоих были выработаны и приняты. Если она или я будем нарушать эти правила, то знакомство не состоится. Понятно, что с другим человеком я буду вести себя несколько или совершенно иначе, руководствуясь другими правилами и законами.

Понятно также, что наши отношения определяются и правилами большей по иерархии системой социальных отношений, большей социальной общностью, например, референтной группой. И если я вхожу в ту или иную социальную группу, то я обязан подчиняться правилам социальных отношений, выработанным этой группой. Эти правила выступают для меня и для каждого ее члена как объективные, как закон социального поведения в данной группе, но только в данной группе, поскольку в другой группе я

возможно буду вести себя иначе, подчиняясь уже ее правилам, поскольку правила поведения группы вырабатываются только членами этой группы и никем больше. Но любая группа как социальная общность с необходимостью входит в другую, относительно нее большую социальную общность. Теория «человеческих отношений», пробужденная Хоторнским экспериментом, не имела перспектив только потому, что она пыталась систему локальных отношений, на уровне группы, т. е. систему мобилизации групповых отношений, распространить на все общество. В теории это можно было осуществить и получалось довольно красиво. Если создать определенные благоприятные взаимоотношения между людьми и прежде всего отношения доверия, доброжелательности, симпатии и т. д., скажем, путем подбора и формирования группы, то получается общество социального благоденствия, всеобщего мира. На практике это оказалось намного сложнее. Здесь получилась подмена принципа формирования группы на основе каких-то правил, принципом образования самих правил и законов социального поведения. Понятно, что это далеко не одно и то же. Оказалось, что законы общества как большой социальной группы не работают на уровне группы. Необходимо было иметь систему трансформации, эскалации законов по уровню общности, что не было предусмотрено теоретиками «человеческих отношений».

Надо сказать, что групповые отношения всегда привлекали большое внимание как со стороны психологов, так и со стороны социологов. Эти отношения довольно подробно исследованы и продолжают исследоваться, выведены правила и закономерности образования малых групп, функционирования и оптимизации отношений внутри них при решении той или иной производственной (в основном) задачи. И в самом деле, социальной группе в настоящее время уделяется так много внимания, что она кажется центральной проблемой исследований и социальной психологии, и социологии. Такое внимание к группе не случайно. Оно обусловлено прежде всего тем, что только в процессе непосредственных отношений рождается нечто новое, что и определяет поведение всей группы и выступает объективным законом поведения каждого члена группы. Но непосредственные отношения — это всегда контакты двух субъектов и любая группа определяется серией непосредственных двуместных отношений, носящих атомарный характер. Поэтому в качестве малой группы обязательно выступает только такая группа, члены которой могут вступать друг с другом в непосредственные отношения на относительно продолжительное время. Это примерно пять-семь человек.

Социологи занимаются большими группами. И здесь возникает как бы разрыв между малыми группами и большими, когда в последних уже как бы нет непосредственного контакта. Возникает важный вопрос: «Что же собой представляет так называемая большая группа, в чем ее особенности и чем она отличается от небольших, малых групп?». По сути дела никаких отличий нет, поскольку любая большая группа состоит из малых групп и большая группа — это серия непосредственных взаимодействий малых групп. Но взаимодействие происходит не между группами как таковыми, а между некоторыми цельными концептуальными образованиями, выразителем которого становится формальный или неформальный лидер.

Возможно такое определение принципа взаимодействия в больших группах вызывает возражение. Но ничего особенного здесь нет, если понять, что и сам человек представляет собой результат взаимодействия составляющих его элементов, нашедших выражение в индивидуальном сознании. Смущает то, что в данном случае имеется физический носитель индивидуального сознания, тогда как общественное сознание не имеет

физического носителя и оно как бы витает в пространстве, что нашло свое выражение в понятии дух. На самом деле общественное сознание такая же объективная реальность, как и все, как окружающее, это вполне материальное явление, имеющее свой физический носитель — сознание каждого отдельного человека.

Как видим, дело не в группе как таковой. Дело в системе отношений .по общности. В зависимости от этого и строятся соответствующие группы. И социология, беря в качестве объекта изучения большие группы, неизбежно имеет дело не с самой группой и не с самими людьми, а с некоторой системой социальных отношений или типами социальных отношений.

ТИПЫ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Отношение — это всегда действие, действие — это всегда наличие концепции, а наличие концепции — это всегда выражение общих интересов субъекта и объекта. У меня могут сложиться прекрасные отношения с понравившейся мне девушкой только в том случае, если она захочет того же, что и я. Когда я поступаю на работу, на какое-то предприятие, то это означает, что мои интересы и интересы данного коллектива в области производства полностью или частично, но совпадают. Если молодые ребята, и не только они, объединяются в неформальные и формальные группы, то это означает, что у них появились некоторые общие интересы. Понятно, что интересы или потребности проявляются в различных областях общественной жизни. Человеку надо есть, спать, учиться, работать, обзаводиться друзьями, семьей и многое другое. Естественно, что для того, чтобы решить эти и многие другие задачи, а значит, удовлетворить свои потребности, человек вступает в отношения с другими людьми, имеющими точно такие же интересы и потребности. Поскольку интересы человека разнообразны и многообразны, но отражают определенные области его жизнедеятельности, то и отношения собственно имеют свои типы, характер, интенсивность и т. д.

Типологию социальных отношений можно начать с глобальных и основных типов, определяющих все социальное бытие. Наверное, основной интерес каждого человека и всего человечества — это воспроизводство жизни, понимаемый в самом широком смысле. Исходя из этой главной потребности человечества, можно выделить три основных направления реализации этой потребности и соответствующие им три основных типа социальных отношений:

1. Интересы и потребности людей в области биологического воспроизводства человечества.
2. Интересы и потребности людей в области социального воспроизводства, или иначе — социализация индивида, становление его как общественного существа.
3. Интересы и потребности людей в области материального воспроизводства, т. е. производство продуктов питания, одежды, жилья и пр.

Воспроизводство жизни

Биологическое воспроизводство жизни

Материальное воспроизводство жизни

Социальное воспроизводство жизни. Социализация индивидуума

Схема

Понятно, что без реализации этих трех групп интересов и потребностей, невозможно решение самой проблемы жизни, а следовательно, решение и всех остальных задач человека. Простое биологическое воспроизводство возможно только тогда, когда индивид, хорошо или плохо, но накормлен, и когда он социализирован. Материальное воспроизводство равно невозможно без полной социализации. Соответственно, и процесс социализации невозможен без материального воспроизводства, не говоря уже о биологическом.

Каждое из этих направлений реализации глобальных потребностей содержит группы частных интересов. Например, потребности в области биологического воспроизводства содержит в себе группы интересов в области секса, потребности в семье, детях и пр. Социализация требует удовлетворения потребностей в области воспитания, образования, культуры, духовного развития и пр. Соответственно материальное воспроизводство требует удовлетворения потребностей в области производства продуктов питания, одежды и пр. Соответственно каждая из этих групп интересов содержит в себе другие уже частные потребности.

Так устанавливается иерархия интересов, потребностей от самых общих до частных, единичных, конкретных. И для их реализации люди вступают друг с другом в серию частных и строго определенных отношений. Соответственно, некоторая совокупность одинаковых интересов, например, в области производства материальных ценностей или биологического воспроизводства порождает и определенную систему отношений, обладающую одинаковыми характеристиками, т. е. отношения, которые направлены на решение определенных задач, удовлетворение определенных интересов. Таким образом возникают типы социальных отношений.

Потребности людей во взаимодействии при решении своих задач предполагают выработку определенных правил и законов образования типов социальных отношений, в результате чего появляется устойчивый тип социальных отношений. Следуя этим правилам и законам, можно быть уверенным в том, что поступаешь правильно, и надеяться, что решишь свою задачу. Знание законов функционирования типов социальных отношений позволяет человеку достаточно комфортно себя чувствовать в той или иной социальной группе, достаточно ясно понимать свое место в группе и место каждого ее члена. Более того, тип социальных отношений выступает в качестве, так сказать, системы координат самоопределения человека в социальной группе и узнавания друг друга, определения своей и общей задач. Соответственно, это и большая экономия сил, когда в большинстве случаев социального взаимодействия не надо расходовать лишнюю энергию на распознавание образов, раскрытие особенностей данного типа социальных отношений и т. д. Так, зная законы и правила общения, принятые в научной среде, мне легко входить в нее и решать свои задачи. Но, если попадаю в незнакомую среду, мне потребуется время и много сил, чтобы познать данный тип социальных отношений, и соответственно, правила и законы поведения. Понятно, почему на первых порах так трудно эмигрантам. Попадая в незнакомый мир социальных отношений и нередко принципиально отличный от того, к которому они привыкли, им приходится прилагать немало усилий, чтобы разобраться в существующем типе социальных

отношений и найти свое место в нем. Типовые отношения предполагают и типовое поведение, а также и типовое решение задач.

Типы социальных отношений имеют свою направленность в развитии, свой характер и особенности. Будучи устойчивым социальным образованием, тип социальных отношений имеет устойчивую тенденцию к самосохранению. Это связано в первую очередь с консерватизмом концептуальных установок данного типа социальных отношений. Чем большей общностью обладает данный тип социальных отношений, тем устойчивей он к внешним влияниям и изменениям, тем легче и быстрее он воспроизводит сам себя.

Однажды я посмотрел неплохой фильм. Пассажиры самолета, потерпевшего аварию, оказались в пустыне, правда в оазисе, где имеется вода, пища и где им оставалось только ждать помощи. Но события начали идти неожиданно. Вернее, они начали разворачиваться именно так, как им и положено. В результате возникших взаимоотношений, возникает микрообщество по образцу и подобию того, в котором пассажиры жили раньше. Появляется напористый бизнесмен, который подчиняет себе определенную группу людей. Но появляется и демократ, сплотивший вокруг себя другую группу. В результате борьбы, проходят всеобщие выборы, где демократ и побеждает.

Ситуация не столько уж редкая в жизни. Мы постоянно воспроизводим типы социальных отношений, принятые в обществе, в малых и больших группах, в межличностных отношениях, воспроизводим их в каждый момент нашей повседневной жизни.

Россия после 17 года — это постоянный и последовательный процесс воспроизводства «азиатского способа производства», основанного на внеэкономической эксплуатации, прямой деспотии, паразитирующей на идее общественной собственности на средства производства. Этот процесс был обусловлен сохранением в обществе социальной общности, обладающей низким уровнем культуры и соответствующим типом социальных отношений. Когда была уничтожена почти вся культурная прослойка общества, которая составляла честь и совесть дореволюционной России, которая двигала махину прогресса и не давала возможность попадания в систему управления обществом людей, обладающих низким уровнем культуры, именно последние заняли ключевые позиции в социально-политической и экономической структуре общества. Так же, как каждый человек содержит в себе историю биологического развития человечества, так же и общество содержит в себе всю историю своего развития. В России, а затем и в СССР, социальная общность имеющая низкий уровень культуры, стала воспроизводить и соответствующий тип социальных отношений, сначала в области экономики, затем в области политики, духовной жизни и т. д., существовавший до капиталистической формации и получивший название «азиатский способ производства», «азиатская формация», который был им наиболее близок и понятен.

И сегодня этот процесс не закончился. В период, так называемой перестройки, когда на общественную арену стали выходить высококультурные и высокообразованные люди (в советском правительстве, наверное, впервые за всю его историю, появились академики) и когда они начинали создавать новый тип социальных отношений, основанный на демократических принципах, прошлая социальная общность не отказывается и не может отказаться от старого типа социальных отношений и за фразеологией о перестройке постоянно воспроизводит этот тип отношений и прежде всего в политической, социальной и экономической областях.

«... Демократия сегодня наступает. И мы начинаем обольщаться первыми же успехами: еще бы, мы привыкли видеть нашего противника львом, рычащим с трибун и давящим людей танками, поэтому забываем, что у него есть обличье лисицы. Мы даже еще не осознали, что именно нам противостоит,— нам кажется, что фракция в руководстве или мафия казнакрадов, или в крайнем случае, часть народа, привыкшая пить и воровать и не желающая работать «по-японски». В действительности же нам противостоит способ производства, система древняя, но чрезвычайно живучая, не раз доказавшая прекраснородушным либералам свою способность к реваншу. И все остальное — произвол в судах, взятки, хлопковые дефолианты, «Память», повороты рек — лишь внешние правления системы внеэкономической эксплуатации. И сегодня главная задача этой системы — выжить, приспособиться к новым условиям, замаскироваться, чтобы в нужный момент нанести нам в спину внезапный и безжалостный удар»²⁰. Реликтовые типы социальных отношений очень живучи, они имеют большую приспособляемость, в отличие от слабых ростков нового, прогрессивного.

Устойчивые типы социальных отношений зависят не только от общих и частных интересов. Большую роль играет культурно-исторический фон. Более того, в зависимости от этого по-разному складываются и развиваются типы социальных отношений в той или иной областях жизнедеятельности людей. Ленинградский социолог А. Баранов пишет: «Историзм, который предстоит не просто ввести в описание изучаемого объекта, а как временной параметр в саму методологию мышления, в гипотезы и концепции. Например, при анализе ценностных ориентаций и отношений населения к экологической проблеме в нашем исследовании было обнаружено, что исторический период в котором человек формировался как личность, важнее любого из традиционных социологических параметров — пола, возраста, профессии, дохода, семейного положения. И еще — возрастные когорты населения крупного города — не столько биологические, сколько культурно-исторические характеристики. Однажды сформировавшись, они обнаруживают высокую устойчивость и невосприимчивость к последующим колебаниям социально-психологической ситуации, колебаниям, которые, как было обнаружено в нашем исследовании газеты «Известия» с 1919 по 1967 годы, имеют примерно десятилетний цикл. Введение временного параметра позволяет выходить на неэкстраполяционный прогноз и т. д.»²¹.

Сложившийся в процессе культурно-исторического развития тип социальных отношений, означает создание определенной концепции развития данной социальной общности, которая довольно трудно меняется со временем. И хотя фактор возраста довольно существенно сказывается, но в большей степени способность к смене концепции и соответствующего типа социальных отношений, безусловно, зависит, как пишет А. Баранов, от культурного уровня личности. В качестве довольно устойчивых можно назвать национальные типы социальных отношений, родовые, территориальные, профессиональные, возрастные и другие.

Если понимать воспроизводство материальной жизни достаточно широко, то вся деятельность человека окажется сосредоточенной в ограниченном количестве типов социальных отношений и в обязательном порядке с доминирующим типом социальных

²⁰ Смирнов И. История с историей. // Знание-сила. — 1989. — № 6. — С. 95.

²¹ Баранов А. Три принципа нового социологического мышления. // Социологические исследования. — 1988. — № 3. — С. 131—132.

отношений. Вместе с тем сохранение своего типа социальных отношений выступает по существу сохранением себя как личности, индивида и пр.

Поскольку люди имеют различные интересы, например, в областях производства и распределения материальных ценностей и произведенного продукта, воспроизводства населения, распределения власти и пр., появляются, как мы уже говорили, и строго определенные социальные отношения. Эти отношения изучаются специальными общественными дисциплинами — экономикой, демографией, политикой, правом и пр. Правда, изучаются не сами отношения, а их результат. Природа социальных отношений остается неизменной, но проявляется она неодинаково в разных областях социального бытия. Обращение социологов к респондентам с рядом специальных вопросов и получение соответствующих ответов, по сути дела означает процесс определения интересов человека, а через них, соответственно, и различные системы социальных отношений, их типы, характер, законы образования и пр.

Неудивительно поэтому, что социология имеет так много разнообразных направлений, о чем уже говорилось. Почему и складывается впечатление, что социология занимается «всем на свете», проникает в чужие сферы научных исследований и вроде не имеет своей специфики и своего предмета.

Так, например, развитие социальных отношений в области материального производства и распределения, привело к образованию социальной экономики, индустриальной социологии, социологии труда, социологии коллективов. Исследование социальных отношений в области воспроизводства населения привело к появлению социологии рождаемости, брака, семьи. Социальным отношениям в области культуры, образования и пр. соответствует социология образования, культуры и пр. В любой сфере жизнедеятельности имеются социальные отношения и везде они могут быть предметом социологии. Например, социология начала изучать отношения людей в области моды и появилась «социология моды». Социология изучает отношения в области пропаганды и формирования общественного мнения и ей соответствует социология пропаганды и общественного мнения. Социология изучает отношения людей в области секса и появляется социология полового воспитания, проституции. Социология изучает отношения в области противоправного поведения и появилась социология правонарушений, преступности. Перечень социологических проблем мы уже приводили, хотя и не полный.

Нейл Дж. Смелсер писал: «Итак, экономическая наука объясняет следующие основные категории: производство, методы организации ресурсов и распределение богатства. Социология в области экономики иногда тоже интересуется этими вопросами, но она сосредотачивает свое внимание главным образом на других сторонах экономического поведения. Она подходит к нему, как к конкретному случаю общего социального поведения. Следовательно, они интересуются изучением экономического поведения как комплексов ролей и социальных организаций. Характеризуя эти роли и организации, они заостряют внимание на шаблонах власти, системах статусов, сетях, коммуникаций и неформальных социальных группировках»²². В этом высказывании автор описывает взаимосвязь социологии и экономики, показывая, что социология занимается прежде всего поведением людей в данной сфере общественной жизни.

²² Смелсер Нейл Дж. Социология экономической жизни. // В сб.: Американская социология.—М.: Прогресс, 1972.—С. 188—189.

В рамках социальных отношений следует рассматривать и, так называемые, прикладные исследования, например, изучение трудовой активности, удовлетворенности трудом, социальной и профессиональной адаптации. С этих позиций необходимо рассматривать и, так называемые, специальные социологические теории и теории среднего уровня, как скажем, социология деревни, семьи, общественного мнения и др. Но они должны рассматриваться уже как система социальных отношений на более высоком уровне общности. В рамках социальных отношений следует рассматривать и само общество, которое тоже является системой социальных отношений, развивающейся по своим специальным законам.

КТО ЖЕ ИЗУЧАЕТ СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ?

Но теперь зададимся вопросом, какая наука исследует собственно социальные отношения? Позволю себе высказать мысль, что ни одна общественная дисциплина именно проблемами социальных отношений не занимается, поскольку исследуют только результаты социальных отношений.

Так, психология — это наука, «... изучающая процессы активного отражения человеком и животными объективной реальности в форме ощущений, восприятия, понятий, чувств и др. явлений психики»²³. Психология, изучая те или иные характеристики человека, например, внимание, реакцию, ощущения, восприятие и пр., по сути дела изучает только результаты социального развития индивида. Понятно, что все эти качества не были даны изначально (сейчас мы не берем во внимание каких-либо физиологические особенности человека), они могли возникнуть только в результате социального общения. Поэтому психология изучает не сами отношения, которые обусловили интересующие ее характеристики человека, а уже результат этого общения.

Экономику интересуют прибыли, рентабельность, накопление, фонды, зарплата, рынок, цены, товары, стоимость, волнуют проблемы производительности труда, совершенствование организации системы оплаты труда, финансового обеспечения и пр. Но все эти экономические категории являются только результатом деятельности человека, о чем экономисты нередко забывают, за машинами, организацией труда, зарплатой и прочим, именно человека часто и не замечают. Никакая техника не будет работать, если человек не захочет ее осваивать, но «хотеть» или «не хотеть» — это есть результат отношений между людьми по поводу техники. Произвести какую-то вещь это означает вступить друг с другом в строго определенные отношения и именно такие, которые бы определили решение, именно этой задачи. И все то, что является предметом внимания экономики, в конечном итоге или, правильнее, изначально, есть только результат тех отношений, в которые вступают люди по поводу производства тех или иных строго определенных вещей²⁴.

²³ См.: Психологический словарь.—М.: Педагогика, 1983.— С. 291.

²⁴ **Технократизация** мышления или **экономизация** мышления, когда видят только результаты деятельности людей и не видят самих людей, вылились в понимании категории отчуждения. Ее понимают как **отчуждение** человека от процесса или результата труда. На самом деле происходит отчуждение социальных отношений по поводу процесса или результата труда. Иначе говоря, человек становится в такие социальные отношения по поводу производства вещи, которые оказываются чуждыми его интересам, потребностям, в целом всей его социализации. В результате они оказываются для него неприемлемыми, почему и **происходит** отчуждение, но не труда (это уже производное), а **тех социальных** отношений, которые ему навязывают. Так, например, та система

Можно привести пример с демографией. Согласно отоварю, демография изучает процессы и закономерности воспроизводства населения. Иначе говоря, демография изучает соотношения рождаемости и смертности, браков и разводов демографических групп в структуре населения и т.д. Но и рождаемость, и создание семьи, и разводы, и возможно даже смертность — все это есть результат социальных отношений. Можно взять и другие общественные дисциплины, предметом внимания которых так же являются результаты социальных отношений.

Конечно, результат и процесс трудно разъединить. Любой процесс есть в тоже время и результат какого-то другого процесса, как любой результат социальных отношений есть в тоже время и процесс, или часть процесса других социальных отношений. Так, власть, как явление, есть результат отношений людей в области управления, и одновременно выступает частью процесса отношений людей в области осуществления управления. Отношения людей по поводу власти как процесс и власть как результат отношений, по своей природе отличаются друг от друга как две различные области социальных отношений, которые, конечно, между собой взаимосвязаны.

Все общественные науки, поскольку они имеют дело с человеком, с социальными процессами и явлениями, изучают социальные отношения, хотя ни одна из них не изучает сами социальные отношения. Но, если мы говорим о социальных отношениях, как основе всего социального бытия, то, бесспорно, должна быть и наука, которая бы изучала социальные отношения, так сказать, в чистом виде. Такой наукой может стать социология. Так же как философия — есть наука о наиболее общих законах природы мышления и познания, так — социология может стать наукой о наиболее общих законах образования и развития социальных отношений.

Социология изучает эти отношения, берет их, так сказать, в чистом виде, как абстракцию, которая существует только как социологическая категория, только как научная дисциплина. Понятно, что никаких социальных отношений вне конкретных интересов не бывает. Поэтому социология и работает всегда в конкретной сфере общественной деятельности. Но социология изучает только социальные отношения, их структуру, содержание, сущность, направленность, тип, механизм образования и функционирования, в различных областях общественной жизни. Этим и отличается социология от других общественных дисциплин.

Глава IV. СОЦИОЛОГИЯ КАК ФОРМАЛИЗОВАННЫЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

От общих принципов до воплощения их в практике социологических исследований — дистанция огромного размера. Она опосредована серией последовательных операций, нашедшей выражение в трехзвенной цепочке — методология — методика — техника или процедура социологического исследования. Каждая из них представляет собой огромный конгломерат необходимых и по большей части нерешенных методологических (и методических) процедур. Отечественная социология прошла немалый путь от простого

отношений, в которой находились большинство работников в СССР и в которой они выступают как наемные работники, только как исполнители, явно не устраивала их, в результате чего происходит отчуждение этой системы политических, экономических, социальных отношений.

сбора социологической информации до понимания необходимости использования многомерных зависимостей и качественному анализу взаимосвязи явлений.

Особенности методики и техники социологических исследований заключаются в том, что приходится говорить о наличии как бы двух социологий: теоретической, которая разрабатывает основные принципы социологического изучения социальных процессов и прикладной социологии, как метода сбора и анализа социологической информации. В данном случае методика и техника выступают как бы экспериментальной наукой по отношению к теоретической социологии, проверяющей своими методами истинность ее концепций.

МЕТОДИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Социология не является единственным зеркалом общества, объективно отражающей общественное бытие. В равной мере таким зеркалом являются и другие общественные науки, если только они не занимаются спекулятивными измышлениями, а честно и добросовестно изучают то, что является их объектом. Уже в силу стремления к исследованию объективных законов развития общества, интереса к отдельным социальным процессам и явлениям любая гуманитарная наука является или может стать зеркалом. Более того, в этом качестве

выступают и журналистика, и художественная литература, и искусство и т.д. Любая форма познания это, прежде всего, объективное и адекватное отражение социального мира.

Процесс отражения объективного мира и его объяснение проходит у всех гуманитарных наук в принципе одинаково. Сбор информации, ее описание и построение единого взгляда, выработка адекватной концепции изучаемого процесса, явление или общество в целом. Вполне понятно, что от того как и каким методом та или иная дисциплина будет пользоваться при сборе информации, зависит и концептуальное представление исследуемого явления.

Но, любая концепция требует проверки, чтобы признать ее истинность. Единственным методом доказательства истинности ее концепции, безусловно, необходимым для первого этапа доказательства, оставался метод логической непротиворечивости. Но при всей важности этого метода, естественно, он не может заменить практики, проверки выработанной концепции процессом развития объективной реальности, который, как метод доказательства истинности концепции, имеет свои особенности, и которые нашли свое отражение в социологической методологии и методике исследования объективной реальности.

Понятие «развитие» подразумевает то, что любое явление существует в пространстве и времени, и разворачивает свою сущность только посредством пространства и времени. Иначе говоря, проверка концепции возможна только в результате относительно длительного развития, движения изучаемого процесса, и никогда практически его не возможно понять сразу, в момент «схватывания» в точке наблюдения. Сущность явления проявляется только в изменении, и познать ее можно, только зафиксировав явление по крайней мере в двух точках, в моментах существования. Фиксация явления в одной точке в какое-то мгновение времени по сути дела есть искусственный прием исследователя. По существу «схватывания», а значит, и понимания не может быть, поскольку в этот момент в точке схватывания явление не существует и не

может существовать. Как только явление остановлено, его уже нет, а если явление невозможно остановить, то его невозможно исследовать. Фиксация возможна только как понятие и как различное временное существование явления в понятиях и как понятие мы можем рассматривать данное явление как существующее относительно нашего прошлого знания.

Отсюда вытекает, что в момент возникновения любая концепция оказывается чисто умозрительным образованием и нашим прошлым знанием, но именно поэтому всегда остающееся, возможно истинным знанием, которое может быть проверено и проверяться только в процессе развития данного явления. Ученым, как впрочем и любому другому человеку, практически ничего не остается, как ждать дальнейшего развития объективной действительности (изучаемого явления), в результате которого подтвердится или не подтвердится его концепция. И едва ли не 99% всех концептуальных построений оставались, хотя и логически непротиворечивыми построениями, но не подтвержденными или подтвержденными практикой только частично. И это самое уязвимое состояние человека и человечества. Человек хочет иметь завтра то, чего ему не хватает сегодня. Но именно осознание того, что ему необходимо сегодня, есть результат прошлого знания. Но именно то, что никогда полностью не сбывается, то, что он планирует, является и огромным его счастьем и преимуществом.

Социология до недавнего времени совсем не отличалась в этом плане от других общественных наук. Как только появилось слово «социология» и идея о науке, которая должна изучать общество, она сразу приобрела статус умозрительной (в хорошем смысле слова) науки. И социология довольно долго поставляла своеобразные эссе, очерки, научные рассуждения по поводу некоторых процессов в обществе, и которые в принципе мало отличались от сочинений подобного рода других общественных дисциплин. Отечественная социология была описательной, а не доказательной наукой. Но социология и осталась бы одной из подобных общественных наук, строящей различные умозрительные схемы, если бы она не обладала своим уникальным методом проверки концепций.

Особенность социологического метода, исследования заключается в двух принципиальных моментах: первое — он позволяет формализовать метод сбора социальной информации. То, на что другие гуманитарные дисциплины тратят долгие годы труда и средств, социолог может сделать за несколько дней, и при этом получить относительно дешевую и объективную информацию. Второе — социологический метод исследования позволяет путем понятийного фиксирования явления в процессе его развития, проверить полученные концептуальные построения, хотя и относительно его прошлого этапа, т. е. фиксирования как постфактум. Но это позволяет довольно успешно прогнозировать, а соответственно, и планировать свою деятельность и даже проектировать некоторые социальные процессы, о чем мы будем дальше говорить.

Интерес к социологическим данным был обусловлен тем, что они были получены независимым и объективным методом, а значит, и сама информация могла носить статус объективной информации²⁵. Если социологи представляли какую-либо информацию, то общественностью она воспринималась как объективная, поскольку была получена объ-

²⁵ Другое дело, что сам метод еще далек от совершенства и не всегда им умеют пользоваться, что, конечно, приводит к искажению информации. Но мы сейчас говорим только о принципе.

ективным формализованным путем. Если социологи представляли на суд общественности какую-либо концепцию развития того или иного социального процесса, то она воспринималась как проверенная социологическими методами. Если, социологи представляли материалы, например, по социальному прогнозу, то эти результаты воспринимались как научно обоснованные, т. е. основанные на научном социологическом методе.

Понятно, что теорию и метод разъединять нельзя, в принципе это одно и то же. Любая теория, какого бы уровня общности она не была, выступает и методом исследования. Аналогично и любой метод исследования является одновременно и теорией, но для других методов исследования. И хотя мы говорим о социологической анкете как о методике исследования, как об инструментарии, на самом деле она одновременно является и теоретическим построением. Если социолог выдвигает концепцию в программе исследования, что большинство женятся и выходят замуж по любви, то она находит свое частное выражение в методике исследования, например, в анкете, в ее вопросах. Полученная информация посредством ответов только подтверждает или не подтверждает эту концепцию и дает материал для дальнейших рассуждений.

Разница между теорией и методом заключается, в частности, в том, что один и тот же принцип исследования приобретает различную форму в процессе исследования: в программе исследования концепция принимает форму теории, в анкете — форму методики. В последовательности «теория — методика» концепция принимает вид гипотетического, возможно, истинного знания, в последовательности «методика — теория» концепция принимает уже концептуально положительное, проверенное знание. Так, типовые тесты, методики, которые апробированы, принимают форму — «методики — теории», т. е. такой теории, на основании которой можно изучать типовые ситуации и быть уверенным, что полученная информация будет истинной.

Собственно, любая концепция выражается или в виде вопроса как возможно истинное знание, или в виде суждения как истинное знание.

Социологический метод в этом плане есть способ детальной разработки концептуального вопроса и представление его как формализованного метода. Этот метод перевода концептуального или программного вопроса в анкетный вопрос. Сегодня методика и техника социологического исследования приобрела не только статус самостоятельной дисциплины, но получила свою и довольно сложную структуру.

ПРОБЛЕМА ОЧЕВИДНОСТИ И ОЧЕВИДНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

Более внимательное отношение к обществу как социальному феномену привело к необходимости расширения ареала областей количественного выражения, в том числе и социальных процессов. В результате появились экономическая, демографическая, социальная статистики, т. е. количественное выражение процессов, которые протекали в областях производства и потребления, воспроизводства населения, военного дела, преступности, доходов и т. д. Количество статистических данных сегодня превышает сотни тысяч и с каждым годом их требуется все больше. Статистика охватывает все новые области общественной жизни.

Появление социологии, а вернее ее методов сбора данных и исследования социальных процессов с помощью изучения общественного мнения, значительно

обогастило статистику, прежде всего за счет социальной информации. Социология приняла под свое крыло важную сторону социальной реальности, а именно субъективное выражение и отражение социальных процессов, чем до того статистика в полной мере не занималась.

Количественное выражение общественного сознания, например, посредством общественного мнения, есть первый этап развития методической социологии. Он необходим и с познавательной, и с методической точки зрения, поскольку любой познавательный процесс начинается с установления и сопоставления количественных данных с последующим приведением их в некоторую систему. Но и само по себе количественное выражение, в частности, методом социологии, имеет такие особенности, которые позволяют считать его специфическим методом исследования реальности. Количественное выражение социальных процессов, получивших отражение в общественном сознании, имеет, по крайней мере, три важных аспекта.

Во-первых, это позволяет однозначно определить изучаемое явление. Дело в том, что любой человек, имеющий отношение к некоторому социальному процессу (интересующийся им, зависящий от него, производящий его и т.д.), в общем знает как протекает этот процесс и даже может его выразить в более или менее точных количественных величинах. Так, руководитель предприятия может приблизительно определить уровень трудовой активности своих работников. Так же приблизительно это может сделать и каждый работник этого предприятия. Но только приблизительно. Социолог, проводя опрос, дает точное количественное отражение интересующего его события. Нередко социологов обвиняют в том, что они «открывают Америку». Так, как-то в одной газете пошутили: «Как подсчитали социологи, наименьшее количество разводов наблюдается в медовый месяц». Это и в самом деле очевидно и без всяких исследований. И тем не менее даже в таких, как кажется, известных и бесспорных процессах, имеет смысл установить его количественное выражение, не исключено, что за общеизвестным фактом может скрываться довольно существенная проблема.

Общество должно знать, например, сколько молодежи покидает село, сколько детей хотели бы иметь замужние женщины, как те или иные слои населения оценивают правительственные социальные и экономические мероприятия, как уровень удовлетворенности трудом влияет на производительность (хотя вроде бы ясно, что чем больше человек удовлетворен своей работой, тем лучше трудится) и т. д. Все это мы, конечно, знаем, но знаем только приблизительно. Это не позволяет в ряде случаев принимать адекватные решения. Социальная статистика позволяет в количественных единицах выразить процесс и тем самым однозначно определить его в общественном представлении и пользоваться им всеми членами общества как постоянной величиной.

Во-вторых, человек знает интересующий его процесс, не только приблизительно, но и альтернативно. Это означает, что когда пытаются понять, что же обусловило то или иное явление, то всегда выделяют несколько обстоятельств или причин как гипотез. Чем менее изучено явление, тем больше гипотез его возникновения, при этом самых невероятных. И наоборот, чем более оно известно, тем меньше гипотез, а конечном итоге сходящихся к двум альтернативным. Например, текучесть кадров определяется различными причинами, но не один человек, тщательно не изучавший этот процесс, не может утверждать, какие причины являются определяющими. Социальная статистика, получив количественное выражение альтернативных концепций, позволяет определить

доминирующий или определяющий характер одной из них. Правда, нередко социологов обвиняют в том, что они дают уже известное.

Так, социологи, изучая читательскую аудиторию центральных газет, выдвинули две гипотезы о наличии больших миграционных потоков подписчиков. Одна из них говорила о том, что основной состав подписчиков при сокращении или увеличении их общего числа не изменяется. При второй гипотезе меняется именно основной состав подписчиков. Исследование подтвердило первую гипотезу. На это социологам заявили, что это и так было ясно, иначе и не могло быть, что они, заказчики, все это знали. Да, знали, но только альтернативно, социологическое исследование подтвердило только одну из гипотез.

Социологам не так уж редко приходится с этим сталкиваться. Такова особенность человеческого мышления и познания. Имея концептуально-гипотетическое представление, т. е. теорию, выраженную в гипотетической форме, и получив ответ, который совпадает с одной из гипотез, мы невольно восклицаем: «Да мы же это знали!». Да, знали, но это знание концептуально-гипотетическое, которое всегда альтернативно.

Однажды я провел такой эксперимент. На каждом предприятии, где проводилось исследование, я спрашивал: «Как вы думаете, какова основная причина неудовлетворенности рабочих своей работой?». Сразу никто не отвечал или высказывали несколько причин. Но, когда я предлагал свой вариант ответа, со мной тут же все соглашались, что именно данная причина является важнейшей. На всех предприятиях соглашались с моим вариантом, разница заключалась лишь в том, что каждый раз я называл разные причины. Я ни кого не обманывал, все названные мною причины, действительно были важнейшими и мало отличались по значимости друг от друга. Здесь существенно другое, заказчик все их знали сам, но они всегда присутствовали как альтернативные по важности, так что не удивительно, что они всегда со мной соглашались.

В-третьих, результаты социологического исследования не всегда совпадают с обыденным представлением о данном социальном явлении, о его характере и причинах. Но, при решении тех или иных проблем мы, как правило, исходим из обыденного знания. Правда, при этом нередко попадаем впросак, и только тогда начинаем обращаться к науке, в частности, к социологии. Но если обыденное знание помогает решать наши обыденные задачи, то оно, как правило, не справляется со сложными социальными явлениями. Хороший пример приведен Полем Ф. Лазарсфельдом в работе «Измерение в социологии». Читатель извинит меня за винную цитату, но сокращать ее жаль, настолько она интересна и актуальна.

«... Иногда утверждается, что результаты количественного анализа в большинстве своем тривиальны, что он может фиксировать лишь то, что для каждого и так очевидно. Представляется уместным заключить наши замечания кратким обсуждением этой проблемы очевидности, что позволит читателю определить свою собственную точку зрения.

Во время второй мировой войны в американской армии проводилось большое число обследований солдат как в условиях боевой обстановки, так и в лагерях подготовки, дома, в США. После войны руководитель этих исследований С. А. Стоуффер обобщил их результаты в подробном четырехтомном отчете. В нижеследующих абзацах приводятся несколько примеров количественного анализа, а затем объясняется, почему они могут казаться некоторым читателям очевидными.

1. Солдаты с более высоким уровнем образования проявляли больше психоневротических симптомов, чем их менее образованные товарищи (психическая нестабильность интеллектуала в сравнение с более инертной психологией «человека с улицы» часто является предметом обсуждения).

2. Солдаты — выходцы из сельских районов обычно находились в хорошем настроении чаще, чем солдаты — выходцы из городов (в конце-концов, первые более привычны к трудностям).

3. Солдаты-южане переносили жаркий климат островов Южного моря легче, чем солдаты-северяне (естественно, ведь южане более привычны к жаркой погоде).

4. Рядовые-белые больше стремились стать унтер-офицерами, чем рядовые-негры (отсутствие у негров чистолюбия вошло в поговорку).

5. Негры-южане предпочитали находиться под командованием белых офицеров-южан, а не северян. (Разве неизвестно, что у белых-южан больше отцовских чувств к их «черненьким», чем у белых-северян).

6. Во время войны солдаты сильнее стремились вернуться домой в США, чем после капитуляции Германии (нельзя винить людей за то, что они не хотят быть убитыми).

В этих примерах заложены простейшие типы взаимоотношений — «кирпичиков», из которых строится количественная социология. Но почему для установления подобных данных тратится так много средств и энергии, ведь они столь очевидны? Не лучше ли принимать их без доказательств и сразу переходить к более углубленному уровню анализа? Возможно, это и было лучше, если бы не одно «но», касающееся приведенных выше примеров. Каждое из этих утверждений прямо противоположно тому, что было обнаружено в действительности. Солдаты с низким уровнем образования более невротичны, чем их более образованные товарищи; южане не обнаружили по сравнению с северянами большей адаптации к тропическому климату; негры больше стремились к повышению, чем белые и т. д. Если бы мы с самого начала привели подлинные результаты исследования, читатель и их бы нашел «очевидными». Очевидно, что-то не в порядке с самим доводом очевидности. Его следует поставить с головы на ноги. Поскольку всегда можно представить себе любой тип человеческого поведения, крайне необходимо знать, какие из них и при каких условиях проявляются чаще всего. Лишь в этом случае мы сможем ожидать от социальных наук дальнейшего продвижения вперед»²⁶.

Как видим проблема очевидности имеется и так просто от нее не отмахнешься. Ее всегда приходится учитывать при исследовании. Но и наличие проблемы очевидно. Любое исследование всегда начинается с обыденных представлений. Наверное, другого пути и нет, поскольку достоянием обыденного сознания становится то, что еще недавно было достижением науки. К тому же не всегда возможно отличить обыденное представление от научного, особенно если оно облачено в научную форму, что нередко встречается в социологических исследованиях.

Простое количественное выражение социальных процессов, как уже говорилось, было и необходимым этапом научного социального исследования. В социологической практике это получило выражение в простом суммировании ответов респондентов на ряд (нередко довольно большой) вопросов социологической анкеты. Конечно, в подлинном смысле это еще не социология, нельзя ограничиваться простым одномерным

²⁶ Лазарсфельд Пол Ф. Измерение в социологии.//В сб.: Американская социология. Перспективы, проблемы, методы.— М.: Прогресс, 1972.—С. 148.

распределением, необходимо идти дальше к глубинному анализу, к пониманию системы взаимосвязи явлений. Вопросы сами по себе не имеют равным счетом никакого значения. Свое содержание они получают только в некоторой системе вопросов в их взаимосвязи. Для социологов это оказалось очень интересным занятием.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯВЛЕНИЙ И ЯВЛЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

Система двойных связей в социологии оказалась настолько актуальной и интересной, что стала чуть ли не основным методом анализа социологической информации, ответов респондентов в социологических работах и основной формой представления информации в социологической литературе, за исключением специальных работ. Нередко социологи, проводя анализ ответов респондентов, пускались, так сказать, в свободный поиск, анализируя все возможные парные распределения вопросов анкеты. Как правило, социологи писали в техническом задании оператору ЭВМ: «Все на все». Почти в любом исследовании, даже если была специальная программа, просматривались все имеющиеся зависимости, причем нередко обнаруживались весьма интересные вещи. Конечно, в этом случае едва ли не 90% информации уходило в корзину, поскольку многие связи оказывались пустыми, ложными или сомнительными и их надо было десятки раз перепроверять, но то, что находили, было настолько ценным, что окупало все затраты. Например в свое время социологи вопреки общественному мнению и официальным представлениям с удивлением обнаружили, что материальное положение рабочих оказывается совсем не связано с трудовой отдачей, но имеет довольно тесную связь с показателем «хорошее отношение с начальством»; что учащаяся молодежь охотно идет на неквалифицированные работы; что дипломированные специалисты после окончания вуза или техникума предпочитают работать на рабочих местах; что повышение социально-бытового обслуживания совсем не оказывает влияния на рост производительности труда; что студенты вуза на всем протяжении учебы практически не меняют своих профессиональных интересов и социальных ориентаций; что сельские мигранты перебираются в город совсем не из-за социально-культурных благ, а по совсем другим причинам и т. д.

Социологи довольно много занимались проблемой текучести кадров и выявили довольно интересную взаимосвязь между внешней текучестью и внутренним движением кадров. Оказалось, что чем меньше перемещение рабочих внутри предприятия, из одного подразделения в другое, передвижение по квалификационной и должностной лестнице, смене профессий и пр., тем выше уровень текучести, т. е. увольнения рабочих с предприятий. Зависимость этих двух явлений была многократно проверена и подтверждена и оказалась настолько существенной, что рабочие, которым не разрешали переходить в другое подразделение, подавали заявление на увольнение и, получив расчет, тут же, как говорится, не отходя от кассы, подавали заявление на прием на работу, но в другое подразделение. Так, например, анализ кадров, вновь принятых на работу на 10-ти московских предприятиях электротехнической промышленности, показал, что у 20% последним местом работы было это же предприятие, но другое подразделение. Эта взаимосвязь была поймана случайно в результате просмотра множества вариантов двойных связей, явлений, связанных так или иначе с текучестью кадров. Но, когда она обнаружилась, социологи стали ее внимательно изучать и построили концептуальное представление этой связи, которая стала основой для конкретных рекомендаций и

мероприятий. Проиграв это явление в различных ситуациях, социологи смогли предложить решение по сокращению текучести кадров (или ее повышения). В частности, социологи предложили разработать систему внутренних перемещений работников, что позволило на ряде предприятий, которые внедрились эту систему, сократить текучесть кадров от 30 до 40%. При этом никаких дополнительных капиталовложений не потребовалось.

Возможности социологии здесь оказались очень большими, набравшись опыта социологи ушли от слепого поиска и стали осуществлять целенаправленный поиск зависимостей, моделируя те или иные процессы на уровне двухмерных распределений, когда вокруг интересующего явления выстраивается ряд специально подобранных факторов и система их взаимосвязи. Так, например, исследуя причины, по которым у людей появляется охота к перемене мест, т. е. миграция, социологи просматривали зависимость мыслимых и немыслимых факторов; применяя довольно изощренные методики анализа ответов респондентов и своих концепций.

Довольно давно социологи изучают, почему люди женятся и расходятся, почему имеют мало детей, а иногда вообще предпочитают их не иметь, почему люди пьют и курят, что дает прогулка по лесу и бег на месте, как влияет на них выбор профессии и решение кроссвордов. И каждый раз, каждое из этих явлений становилось в центр некоторой концептуальной модели, построенной в системе парных взаимосвязей. И во многих случаях это помогало найти причины и определить природу исследуемых явлений.

Социологов часто обвиняли в том, что они занимаются либо слишком узкими, либо слишком широкими темами, исследуют не то, что надо и изучают то, что не надо, подходят поверхностно и не копают глубоко, что слишком долго решают проблемы или вообще не могут их решать, пребывают в непонятных поисках непонятных явлений и не решают насущных задач. В самом деле, если от заводского социолога ждут немедленного решения проблемы текучести кадров, а он месяцами занят изучением писем сельских мигрантов своим родственникам, то его вряд ли поймут заводские руководители. Если от него ждут решения проблемы повышения производительности труда рабочих, а он занимается их амурными делами в общежитии, то работать ему на заводе придется не долго. Но кто может определить, что следует и что не следует изучать? Шло накопление первичного социологического материала, профессионального опыта и социального знания. Социолог может заниматься мало понятными вещами, которые могут показаться странными на первый взгляд, и только через много лет они неожиданно приносят какую-то практическую пользу. Конечно, в отечественной социологии довольно много было схоластики, демагогии, фантазий, спекуляций. Но в какой общественной науке их не было и нет?

Природа парных распределений или взаимосвязи двух явлений, является довольно сложной и с методической, и с теоретической точек зрения проблемой. Основная трудность заключается в том, что социолог не всегда может достаточно точно и однозначно определить истинность этих связей. Так называемая ложная коррекция, является настоящим бедствием для социологов, да не только для них. Математические методы установления корреляции, есть только формальный аппарат установления связи, но содержание взаимосвязи, его истинность или ложность может определить только исследователь, основываясь на опыте, профессиональном знании и даже на чутье. Социологи, доверяясь математическому аппарату, часто попадали в ловушку, принимая случайные связи за истинные и делая по ним нередко довольно оригинальные выводы.

Так, можно согласиться, что количество детей зависит от социального положения родителей, национальных традиций, но, оказывается, оно зависит и от уровня зарплаты, образования, наличия домашней библиотеки и количества книг (чем больше книг, тем меньше детей) и даже от количества выкуренных сигарет. Конечно, каким-то образом можно объяснить эти и другие связи, в принципе объяснить можно все, но являются ли эти связи существенными, содержательными? Доказать это нередко бывает довольно сложно. Конечно, существует явно ложная коррекция. Так, например, голландские социологи просчитали корреляционную зависимость между количеством аистов и количеством детей. Оказалось, что между ними имеется довольно тесная взаимосвязь — чем больше аистов, тем больше детей. Отсюда можно сделать простой вывод, что детей приносят аисты. Это, конечно, шутка и социологи любят подшучивать над собой. Не менее странная, но тесная зависимость была выявлена между уровнем потребления свежих помидоров, огурцов и смертностью населения, так как 90% всех умерших употребляли свежие огурцы и помидоры. Делать из этого вывод о влиянии потребления свежих овощей на смертность было бы наглядным примером ложной корреляции.

Проблема двойных связей предстает уязвимой и с точки зрения определения причинной зависимости. Так, например, социолог С. Б. Борисов установил, что среди тех, кто читал эротические тексты, у 35,8% половое влечение сформировалось полностью и 12,6% ответили, что не сформировалось (остальные не ответили). И наоборот, среди тех, кто не читал эротической литературы, только 1,0% ответили, что половое влечение сформировалось полностью, а 9,5% — не сформировалось²⁷. Взаимосвязь налицо, и притом прямая. Но резонно задаться вопросом, является чтение эротической литературы, если не основной причиной, то хотя бы стимулирующим средством полового созревания, и не является ли именно половое созревание причиной того, что девушки оказывают повышенное внимание эротической литературе. В самом деле, если у девушки отсутствует половое влечение, то вряд ли она испытает потребность в эротической литературе. Но с другой стороны, возможно, что обращение к эротической литературе оказывает какое-то влияние на половое созревание. Поэтому единственное, что можно здесь утверждать с полным основанием, что взаимосвязь между этими явлениями имеется. И не более того, а причина этой взаимосвязи лежит глубже, для определения которой требуется более тонкий анализ.

ДИСПЛЕЙНАЯ ИГРА В ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

Введение системы парных распределений, безусловно стимулировала исследовательскую мысль, но социологическая практика обнаружила и немало уязвимых мест: двойные связи только фиксируют взаимосвязь между двумя явлениями (тесноту связи), но не указывают причинно-следственных зависимостей; парные распределения дают массу пустых или ложных взаимосвязей, о чем говорилось выше. Все это привело даже к некоторому разочарованию в дееспособности системы парных распределений и вообще математического аппарата в анализе социологического материала.

Но все это носило частный характер. В системе парных распределений не все было плохо, надо только уметь ими пользоваться и знать границы применения. Но самое

²⁷ Борисов С. Б. Эротические тексты как источник сексуального самообразования. // Социологические исследования. — 1989. — № 1 — С. 82.

главное пришло понимание того, что этим нельзя ограничиваться и исследовательская мысль пришла к трехмерным связям.

Суть ее заключается в том, что на тесноту взаимосвязи каких-либо двух факторов и в какой-то степени, определяющая ее природу, оказывает какой-то третий, как его иногда называют, мешающий фактор. На самом деле он оказался не третий и не мешающий, речь идет о системе взаимосвязи между тремя факторами.

Включение в систему анализа социологической информации трехфакторной зависимости явилось уникальным явлением для социологии и позволило по-новому посмотреть на результаты социологических исследований. Нередко данные полученные при включении третьего фактора, коренным образом меняли выводы полученные в системе парных распределений, хотя это и требовало больших затрат. Приходилось очень долгое время высидивать перед дисплеем, перебирая вариации зависимостей. Это высидивание и получило название, приведенное в заголовке.

Элизабет Ноэль приводит такой пример. Руководство одного из заводов поручило провести исследование перегруженности и усталости среди своих сотрудников. Опрос дал следующие результаты.

Таблица 1

Вопрос: «Насколько удовлетворяет Вас работа?»

	Сотрудники, которые чувствуют себя уставшими, перегруженными	Сотрудники, которые не чувствуют себя уставшими, перегруженными
Очень удовлетворены	21%	16%
Удовлетворены	49%	41%
Не очень удовлетворены	30%	43%
	100%	100%
	1148	1069

Опрос показал (см.: таблицу 1), что сотрудники, которые чувствуют себя уставшими и перегруженными, оказываются больше удовлетворены своей работой, чем те, которые не чувствуют усталости и перегруженности. Был сделан вывод, что сотрудники, которые чувствовали себя уставшими, перегруженными, рассматривали свою работу как значимую для предприятия, это подкрепляло их чувство собственного достоинства, что и приводило к высокому уровню удовлетворенности. Объяснение, по видимости, было убедительным, и на жалобы по поводу перегрузки и усталости администрация больше не обращала внимания. Однако дальнейший анализ показал, что не все так просто. Мешающим был здесь третий фактор, а именно, степень ответственности работника.

Таблица 2

Вопрос: «Насколько удовлетворяет Вас работа?»

	Сотрудники на ответственных постах			Сотрудники на менее ответственных постах		
	Чувствующие себя очень перегруженными	Чувствующие себя не очень перегруженными	Чувствующие себя в меру перегруженными	Чувствующие себя очень перегруженными	Чувствующие себя не очень перегруженными	Чувствующие себя в меру перегруженными

		женн			женны	
Очень удовлетворены	72%	81%	83%	36%	58%	70%
Менее удовлетворены	28%	19%	17%	64%	42%	30%

Из таблицы 2 по существу следует другой вывод. Руководящие кадры более загружены, чем работники с меньшей ответственностью, но несмотря на это, они более довольны своим положением, находят свою работу более интересной. Однако и у них удовлетворенность работой снижается, если они постоянно перегружены²⁸.

Таких примеров и в отечественной практике можно привести много. Так, система парных распределений показала, что повышенный уровень текучести кадров среди молодых рабочих оказывается очень тесно связанным с высокой заработной платой, что позволяло сделать вывод, высокая оплата труда молодых рабочих не оказывает влияния на сокращение текучести кадров в этой группе. В принципе такая неожиданная зависимость вполне могла быть, высокая оплата стимулирует рост потребностей и поиски еще большей зарплаты. И такое объяснение является вполне убедительным, если бы не был усмотрен более существенный момент, на эту зависимость большое влияние оказал фактор «характер и содержание» труда. Молодых рабочих, как правило, ставили на неквалифицированные, физически тяжелые работы, не дающие возможности для творческого и профессионального роста, но зато хорошо оплачиваемые. Поработав немного и разобравшись, что к чему, они увольнялись с предприятия, в поисках более содержательной и интересной работы, увеличивая тем самым текучесть кадров среди молодых рабочих с высокой оплатой труда. Введение третьего и такого существенного фактора, как характер и содержание труда молодых рабочих, существенно изменил первоначальный вывод, полученный в системе двойных связей. Соответственно он предполагал и совершенно другой набор мероприятий по сокращению текучести кадров среди молодых рабочих.

Богатые возможности трехмерных связей потребовали иного взгляда на саму природу взаимосвязи явлений. Но самое парадоксальное заключается в том, что и в системе двухмерных распределений, мы по сути дела пользуемся трехмерной связью. Например, при выводе о том, что сотрудники, которые чувствовали себя уставшими и перегруженными, при высоком уровне удовлетворенности работой, третьим, оставшимся в тени, фактором выступал значимость работы для сотрудников фирмы. Именно он или им объясняли тесноту связи между перегруженностью и удовлетворенностью работой. То же самое, когда мы делаем вывод о том, что на повышенную текучесть среди молодых рабочих с высокой оплатой труда оказывает фактор роста потребности, то он по сути дела выступает тем третьим фактором, который и объясняет природу тесноты связи между этими двумя факторами.

Здесь необходимо выделить и подчеркнуть несколько моментов:

1. Исследователь всегда в процессе интерпретации оперирует третьим фактором.
2. Третий фактор всегда выступает выводом как результат исследования.
3. Третий фактор всегда выступает наиболее общим и результирующим по отношению к двум исследуемым явлениям.

Но отличие характера и интерпретации третьего фактора в системе двойных связей от трехфакторной системы заключается в том, что в первом случае, третий фактор не

²⁸ Ноэль Элизабет. Массовые опросы. Введение в методику десоскопии.— М.: Прогресс 1978—С.276— 277.

является доказанным, однозначно определенным, а остается плодом фантазии, воображения, профессионального опыта социолога, не выступает результатом математической интерпретации исследуемого явления, как это имеет место в трехмерной связи. Данное различие является принципиальным, по крайней мере, по двум моментам.

Вольная интерпретация социолога всегда основана на его прошлом опыте и именно поэтому несет в себе большую вероятность не истинного знания. Когда социолог делает заключение, что именно значимость труда определяет высокий уровень удовлетворенности работников, несмотря на то, что они перегружены работой, то этот вывод сделан потому, что это может быть. И именно поэтому он не вызывает возражения. Но этот вывод не является доказанным, он остался вольной интерпретацией социолога, его фантазией. Он так полагает, исходя из собственного профессионального опыта, и он вправе так делать и все социологи так именно и поступают. Едва ли не 99% всех выводов социологов являются такой вот вольной интерпретацией результатов двухмерных распределения. Являясь логически не противоречивыми, они выглядят очень доказательными и симпатичными. И только развитие практики может показать, что на самом деле все не так или не совсем так, что выводы оказались не верными. Совпадение, например, в социальных прогнозах чаще всего бывает случайным, иначе и не может быть. Прошлый опыт социолога оказывает ему коварную услугу, он подсовывает вывод как знание, которое уже было, но которое остается в его сознании как существующее, а следовательно, как актуальное и в интерпретации оно становится как возможное истинное значение.

Конечно и в системе трехмерных связей социолог не отказывается от опоры на свое прошлое знание, но поступает более мудро, предполагая, что оно может быть неверным. Поэтому старается его проверить каким-либо однозначным методом и прежде всего установлением тесноты связи между явлениями, в том числе и возможным третьим фактором, причем не одним (третьим), а рядом факторов, которые могут выступать в этом качестве. Осуществляя корреляционный анализ каждого из этих факторов, социолог получает тот из них, который оказывается более тесно связан с исследуемыми явлениями. Только после этого социолог в полном праве и обоснованно может делать вывод о третьем факторе как явлении, который и оказывает влияние на тесноту связи исследуемых явлений.

Так, например, на тесноту связи текучести кадров и высокой оплатой труда молодых рабочих, могут оказать влияние такие факторы как: непрестижность работы, интенсивный рост потребностей, низкий уровень культуры и образования группы работников, неквалифицированный, физически тяжелый труд, неперспективная работа и т.д. Но как показал анализ доминирующим (но не определяющим) оказался фактор тяжелый неквалифицированный труд. Эта зависимость была подтверждена независимым (от исследователя) путем и тем самым получила однозначную интерпретацию как актуально существующая для данного времени, предприятия и молодых рабочих. Любая другая интерпретация будет иметь ложный или не полный истинный характер, хотя может звучать и вполне убедительно. Например, все выше перечисленные факторы вполне могут быть логически доказанными как истинные, впрочем так же красиво логически и опровергнутыми.

Особенность трехмерной связи заключается и в том, что третий фактор всегда выступает наиболее общим, включает в себя исследуемое явление и тем самым становится для них единым. Эта общность и определяет как социальный закон тесноту, характер и

природу связи между исследуемыми явлениями. Третий фактор «ответственный пост» и «неквалифицированный труд» в вышеприведенных примерах выступают как общие для факторов «утомляемость и удовлетворенность», «текучесть кадров и высокая оплата труда», никакой другой фактор не может в данном случае выступать как определяющий тесноту связи между ними.

Эту особенность можно очень хорошо продемонстрировать на примере парных распределений. Из массива опрошенных выбираются две группы респондентов, чувствовавшие и не чувствовавшие себя уставшими. Среди них (первой и второй группы) выделялись подгруппы сотрудников очень удовлетворенных, удовлетворенных и не очень удовлетворенных своей работой. Таблица парных распределений читается таким образом: среди всех тех, кто чувствует себя уставшими, перегруженными, подгруппа работников очень удовлетворенных своей работой составляет 21%, удовлетворенных —49% и не очень удовлетворенных —30% (в сумме 100%). Соответственно среди тех, кто не чувствует себя уставшими, перегруженными, очень удовлетворены своей работой — 16% (несколько меньше, по сравнению с данными первой группы), удовлетворены —41% (так же несколько меньше) и не очень удовлетворены — 43% (значительно больше). Отсюда можно сделать только один вывод, что в группе чувствующих себя уставшими, перегруженными, удовлетворенных своей работой больше, чем в группе не чувствующих себя уставшими, перегруженными и строго говоря, больше никакого вывода социолог не имеет право делать. Но такой вывод вряд ли удовлетворит заказчика, да и самого исследователя, ибо он ничего не объясняет, не показывает причинно-следственную связь, не отвечает на вопрос: «А почему? Чем обусловлена такая связь?» А именно это в первую очередь и интересует всех. Тогда социологу ничего не остается делать как предложить интерпретацию связи. Например, основной причиной, которая по всей видимости (как правило, это слово опускается для пушией убедительности), обусловила взаимосвязь фактора «перегруженности, усталости» и фактора «высокая удовлетворенность» является значимость его работы. Такой вывод, как уже говорилось, и был сделан социологами. Но согласитесь, этот вывод ни из чего не следует, кроме как из личного опыта и пристрастия социолога. Безусловно он имеет право так делать, все нормальные люди, в том числе и социологи, это делают. Однако любой нормальный человек, в том числе и заказчик, имеет право усомниться в обоснованности такого вывода. Но заказчик при доказательстве необоснованности предложенного вывода, также будет ссылаться только на собственный опыт и фантазию при интерпретации, что так же, естественно, ос

Незаконченное предложение.

Социолог, конечно, постарается это и сделать, при этом не преминет воспользоваться научной терминологией и всеми другими, имеющимися средствами, нередко далекими от настоящей науки. Заказчик это тоже понимает и ему ничего не остается делать как согласиться с предложенными выводами, но социолог, возможно, больше заказа не получит.

Конечно это не самый лучший выход из положения. Социологи это хорошо понимают и ищут решение. Одна из возможностей разрешения этой проблемы является система трехмерных распределений, где один из факторов становится общим для двух остальных. Из общего массива опрошенных социолог выделяет группу респондентов, которая содержит подгруппы с интересующими признаками. Так, в вышеприведенном примере, такой общей группой выступают работники, занимающиеся ответственной работой. Среди них выделяются три подгруппы: работники, чувствующие себя очень

перегруженными, несколько перегруженными и в меру перегруженными. В выделенных подгруппах, выбираются 2 подгруппы — работники очень удовлетворенные и менее удовлетворенные своей работой. Точно такая же операция, для сравнения, проводится с другой общей группой — работники, занимающиеся менее ответственной работой. В процессе анализа взаимосвязи этих групп работников возникает очень интересное и неожиданное явление. Оказывается в группе работников, занимающихся ответственной работой большинство, тех кто очень удовлетворен своей работой, несмотря на большую перегруженность. Их в два раза больше, чем в общей группе работников, не занимающихся ответственной работой. Это позволяет сделать вывод, что на уровень удовлетворенностью работой оказывает влияние прежде всего «фактор ответственность работы». Данный вывод уже не является вольной интерпретацией социолога, а выступает результатом фиксированной взаимосвязи, что придает ему статус однозначной определенности. Теперь уже на сомнение заказчика, исследователь без лишних слов и эмоций просто показывает таблицы математической зависимости. Как правило, это оказывается достаточным, чтобы убедить заказчика, ибо социолог пользовался уже проверенными методиками определения тесноты связи и т.д. Необходимо только подчеркнуть социологу, что данный фактор «ответственность работы» является определяющим только для данной группы работников, на данном предприятии и т. д. В других условиях удовлетворенность работой могла бы определяться каким-либо другим фактором.

Глава V. ЧТО ЖЕ МОЖЕТ СОЦИОЛОГИЯ?

Этот вопрос задают социологам, наверно, с самого первого дня их существования, и чаще всего получали не очень вразумительный ответ. Но и сегодня, несмотря на бурное развитие социологии и особенно прикладной, ни сами социологи, во всяком случае многие из них, ни тем более заказчики, не представляют себе в полной мере, возьму на себя смелость утверждать, что же от социологии можно получить кроме груды любопытных цифр. И это не случайно, поскольку довольно длительное время социология занималась простым описанием событий, каких-либо процессов, получившее название социальная статистика.

В принципе это вполне нормальное явление. Каждая наука проходит этот период и на определенном этапе своего развития представляет собой конгломерат эмпирических данных и множества теоретических построений в форме гипотез. Но в конечном итоге, на этом основании вырастает прекрасное здание новой науки. Не исключение здесь и социология. За годы своего развития отечественная социология накопила не только эмпирический материал, но и смогла разработать целый ряд специальных проектов, которые позволяли решать и чисто практические задачи. О некоторых из них я уже говорил в предыдущих главах, о других будет рассказано в данном разделе.

Социология как метод получения информации

Чтобы управлять, надо знать, а для того, чтобы знать, необходимо иметь определенную, полную и объективную социальную информацию и каждый раз это оказывается довольно сложной задачей. Не случайно проблема информации вышита чуть не на первое место во всей системе социального управления.

Давайте разберемся, каким образом руководитель получает информацию, какими источниками пользуется. Если внимательно посмотреть, то можно выделить довольно большое их количество, например, личные наблюдения руководителя. Он приходит в подразделение, цех, отдел, беседует с рабочими, инженерами, служащими, смотрит, как они работают и составляет таким образом представление о коллективе или интересующем его явлении. Другой немаловажный источник информации — участие в работе производственных совещаний, летучек, пятиминуток, собраний общественных организаций и т. д. Большую роль играет такой источник информации как общение со своим непосредственным окружением: заместителями, начальниками подразделений, руководителями общественных организаций, которые обращаются к нему по различным производственным и непроизводственным вопросам. Безусловно, источником информации служат различные комиссии: представляющие дополнительную или специальную информацию. Можно выделить также такие каналы информации, как личный прием, заявления и письменные обращения, заводское радио, многотиражка, стенные газеты, характеристики работников, официальные и неофициальные документы, докладные записки и пр.

Источников информации может быть много, но интенсивность их использования различна. Одни руководители используют чаще, другие реже, третьи совсем не используют. Это зависит от ряда объективных причин: 1) трудоемкость получения информации, например, руководитель не всегда может посетить рабочие места; 2) удобство пользования тем или иным источником (например, записки, отчеты); 3) умение пользоваться (например, официальная и неофициальная статистика); 4) недоверие к определенным источникам информации (например, к анонимным письмам); 5) личное пристрастие к отдельным источникам информации (например, от так называемых доверенных лиц) и т. д. Как правило, происходит естественный отбор привычных, понятных, удобных источников информации. Правда, в одних случаях источников информации может быть много и тогда руководитель получает больше объективной информации, в других случаях, их может быть недостаточно. Но никогда руководитель не пользуется всеми возможными источниками информации, поскольку практически это невозможно, да к тому же чаще всего в этом нет необходимости.

Не умоляя достоинств названных и других источников информации, и будучи уверенным, что если ими правильно пользоваться, они дают объективную информацию, тем не менее необходимо констатировать, что все они имеют и целый ряд недостатков.

Во-первых, набор источников информации, которыми пользуется руководитель, зависит, естественно, от личных его качеств: понимания, доверия, восприятия, готовности и личного пристрастия к людям, дающих: информацию и т.д. Понятно, что даже при самом искреннем стремлении получить объективную информацию, она может быть весьма искаженной.

Во-вторых, обусловленность выбора источников информации внешними условиями, например, руководитель ежедневно встречается со своими заместителями, руководителями подразделений и т.д., и все они дают какую-то, нередко специально направленную информацию. Если учесть, что каждый из них имеет личные симпатии и пристрастия при решении служебных вопросов, то понятно, что поступающая информация, может носить искаженный характер. Так, например, характеристики деловых качеств сотрудников, безусловно, преломляется через личное отношение его непосредственного начальника. И если информация подается в логично непротиворечивой

и убедительной форме, то руководитель воспринимает ее как истинную, проверить которую бывает очень трудно. Для этого необходимо провести большую работу по сбору дополнительной информации, что делается в крайних случаях, например, при возникновении явного конфликта, ставящего под угрозу выполнение коллективом своей задачи.

При длительном пользовании одними и теми же источниками информации, нередко вырабатывается далекое от объективного, представление о трудовом коллективе. Так, анализ высказываний руководителей в одном из социологических исследований, показал, что преувеличивали такие: «в коллективе нет настоящих работников», «все хотят много получать и ничего не делать», «люди не дорожат интересами коллектива» и др. По всей видимости, это явилось результатом неправильного выбора источника информации о социальном развитии коллектива. Социологическое исследование показало, что это было результатов влияния людей, с которыми непосредственно общался руководитель и логику рассуждений которых воспринял полностью. На самом деле все было во многом не так, в коллективе были настоящие работники, дорожащие интересами предприятия и т. д.

И наконец, в третьих, пользование этими источниками информации обходится экономически довольно дорого. Например, привлечение для получения той или иной информации специальной комиссии, означает, что надо оторвать от работы на длительный срок какое-то количество людей. Если подсчитать человеко-дни, затраченные на получение информации, даже нужной для решения каких-либо управленческих вопросов, то получится, что это удовольствие выливается в копеечку.

К сожалению, как правило, не ведется каких-либо подсчетов, во что обходится тот или иной источник получения информации, как не ведется учет и многого другого. Но самое главное, пожалуй, даже не в этом, а в том, что нужна не вообще информация, а строго определенная информация и по объему, и по качеству, и, конечно, по содержанию. Каждый раз нужна специальная информация. Это залог успешного планирования и управления. И об этом можно было бы не говорить, настолько это тривиальное положение, но нередко именно такой информации руководители предприятий и не имеют. Получается, что при общем росте объема информации, или, как говорят, информационного взрыва, руководителю постоянно не хватает информации. Не хватает потому, что нужна не вся имеющаяся или поступающая информация, а только та, которая необходима для решения той или иной строго определенной задачи.

Сегодня в системе управления сложилась такая ситуация, когда старые испытанные методы и формы получения информации, перестали удовлетворять потребностям производства. Они кое-как выполняют свои функции при небольших объемах производства и требований со стороны управления. Но в сложном производстве чаще всего становятся тормозом развития как отдельного предприятия, так и всего общества. Они не дают ни требуемого объема информации, ни его количества, ни точности и достоверности, а если и дают в отдельных случаях, то обходится это очень дорого и большим бременем ложатся на экономику предприятия.

Сегодня, по некоторым подсчетам, получение производственно-технической информации требует до 70% времени управленческого персонала. Сколько времени затрачивается на получение социальной информации, никто не знает. Во всяком случае, как показало социологическое исследование, о котором говорилось выше, у руководителей получение информации и технической, и социальной, хотя их иногда бывает трудно различать, занимает до 90% рабочего времени, и только 10% приходится на

принятие решений и организацию их выполнения. Конечно, подсчеты здесь условны, поскольку получение информации идет параллельно принятию решения и его исполнению, это есть единый процесс. Но все-таки имеются специальные формы деятельности по получению информации, которые и отнимают подавляющую часть времени. По нашим подсчетам, так же весьма приблизительным, для получения руководителем всей социальной информации, необходимой с точки зрения успешного руководства трудовым коллективом, он должен затратить примерно 400 часов в неделю. Конечно, это не реально.

Сегодня самый дорогой товар это, наверное, информация. Кто не владеет необходимой информацией, тот не владеет ничем. Так, например, огромный контрольно-ревизионный аппарат есть по существу результат пользования устаревшими, а то и неправильными методами получения информации о работе предприятий. Я не касаюсь здесь других причин разрастания этого аппарата, обусловленных бюрократическими принципами управления и административного руководства. Ситуация на сегодняшний день такова: насколько необходима система информации для управления, настолько варварское и невежественное к ней отношение.

На уровне отдельных предприятий социальная информация никак не может занять место самостоятельной и равноправной системы в общей цепочке управления. Можно, конечно, сослаться на непонимание, волюнтаристские и административные методы управления, это верно, но все-таки это вторично. Главное, это отсутствие жесткой связи потребностей производства с функциональной системой управления. Приоритет последнего позволил диктовать свои условия экономическому принципу, тогда как должно быть наоборот: потребность развития производства непосредственным и даже жестким образом должна определять понимание необходимых для него управленческих процессов, в том числе и процесса информированности. На сегодняшний день можно сказать, что такой системы взаимосвязи на предприятиях нет, как нет и системы информированности, как нет адекватной потребностям производства системы сбора, обработки и анализа необходимой информации.

Когда человек идет по дороге, он собирает и перерабатывает огромное количество информации. Если лишиться источника информации, закрыть глаза, то продвижение будет поставлено под сомнение или, во всяком случае, будет сильно затруднено. Но многие предприятия часть идут на ощупь, естественно, спотыкаясь и падая. Природа позаботилась о человеке и создала в процессе эволюции все необходимые рецепторы для получения информации, аппарат для ее переработки, анализа и выдачи решений и команд. Эта система настолько совершенна, что мы даже не замечаем ее, как не замечаем своего дыхания. Это пример образцового, если так можно выразиться, функционирования информационной системы; Но природа не предусмотрела, при ее всемогуществе, всех возможных вариантов развития человечества, и теперь нам самим приходится создавать для общества и социальных систем специфическую информационную систему получения, переработки и анализа данных. Такая система в принципе есть, хотя в ней есть сбои, неполнота, некачественность получаемой информации, что говорит о ее не образцовости. Единственно, что обнадеживает — понимание, что это болезнь роста.

Показав все или почти все недостатки и достоинства, имеющихся методов получения информации, зададимся вопросом: существует ли метод получения информации, который был бы в наибольшей степени эффективным, т. е. давал объективную и полную картину социального положения, был бы относительно недорогим

и, самое главное, был бы независимым от субъективизма и волюнтаризма и поддавался формализации? Несмотря на такое количество требований, можно уверенно сказать, что в принципе такой метод имеется. Он называется прикладная социология или социологические методы исследования и его разновидности. Конечно, это не единственный метод получения информации как формализованной системы, в том числе в социальной сфере. К тому же функции социологии намного шире, чем быть просто информационной системой, методом получения информации.

Каким же образом можно использовать этот социологический метод в системе получения информации? Вопрос неслучаен, потому что мало найти метод, им надо уметь пользоваться. Вернемся в уютный кабинет директора и представим себе такую редкую ситуацию, когда руководитель нашел пять минут времени, чтобы подумать и задался вопросами: «Какие же социальные процессы в трудовом коллективе протекают? О чем думают люди? Чем они довольны и недовольны? К чему стремятся? Как же это в конце-концов влияет на производство?» Таких вопросов много. Но задать вопрос намного легче (хотя и не так просто, как кажется), чем получить на него ответ. Если руководитель поймет, что эта информация необходима ему для управления, то он задаст себе еще один вопрос: «А как получить мне эту информацию?» И начнет перебирать в уме те методы сбора информации, о которых уже говорилось, прикинув, сколько это займет времени, сил, а представив себе всю сложность получения такой информации, махнет рукой. Как он всегда это делает или...?

Или найдет квалифицированного социолога, который, используя свои методы сбора и обработки, и анализа информации, предоставит ему всю или почти всю интересующую его информацию. Иначе говоря, как только у руководителя возникает потребность в какой-то социальной информации, он может нажать кнопку, вызвать заводского социолога и дать ему задание, скажем, выяснить, как рабочие относятся к мероприятию, выработанному администрацией, а соответственно, как будут и будут ли претворять его в жизнь. Или, например, почему молодые рабочие не проявляют должной социальной активности, или как рабочие оценивают своего руководителя, его личностные и деловые качества и т.д., и т.п. Если только руководителя заинтересовало мнение рабочих, ИТР, служащих, их отношение к чему-либо, то это может стать областью деятельности социолога. Если, конечно, руководителя интересуют эти процессы. Нередко же бывало, что. Пригласив на работу социолога, руководство не знает, чем его занять, какую ему работу поручить, да и сам социолог не всегда находил место в системе управления предприятием. Конечно, здесь несколько упрощены функции заводской социологии. Я хочу только сказать, что в новых экономических условиях руководителю предприятия будет трудно обойтись без социолога.

Что делает социолог? После получения задания он разрабатывает анкету, опросный лист, бланк интервью или, иначе говоря, методику исследования, проводит по специальной схеме выбор интересующего его контингента работающих или, иначе говоря, объектов наблюдения и по специальным правилам проводит опрос. Я не случайно постоянно употребляю слово «специальный»: специальная методика, специальные схемы выборки, специальные правила опроса, этим хочу подчеркнуть, что социолог делает эту работу по специальным правилам. Даже самый элементарный вопрос, который в разговоре можно задать, не задумываясь, в анкете, если его неправильно построить, может дать неверную информацию²⁹.

²⁹ Аверьянов Л. Я. Искусство задавать вопросы. М., Московский рабочий, 1987 г.

После получения данных опроса они обрабатываются на ЭВМ, анализируются и представляются руководителю в виде аналитического отчета или в виде каких-либо количественных данных, в зависимости от того, каков заказ. Такова схема получения социологической информации социальных процессов. Процедура проведения социологического опроса в принципе не сложна, но требует специальных знаний и опыта, как, впрочем, любое дело. Иначе говоря, сбором, анализом информации на предприятии должен заниматься специальный человек или специальное подразделение, в состав которого должен обязательно входить социолог или специалист по социальной информации.

Каковы же достоинства этого метода? Во-первых, его объективность. При отработанной методике и процедуре опроса, качество информации не зависит от личных симпатий и антипатий человека, который собирает информацию. Конечно, личностный, субъективный фактор здесь присутствует, особенно на этапе разработки программы и методики исследования, но его можно в значительной степени нивелировать, если эти программы и методики типологизированы и унифицированы. Так, например, имеются специальные методики, социологические и психологические тесты для выявления тех или иных социальных или психологических характеристик человека. При тщательной отработке этих тестов или анкет, когда в ходе многочисленных проверок и перепроверок, точно установлено, какую информацию и в

каких случаях они снимают, их использование превращается в формальную процедуру: человек заполняет вопросник, ЭВМ обрабатывает ответы и на выходе дает искомую информацию, например, является ли он потенциальным мигрантом, способен ли выполнить ту или иную работу и т. д. Так, на одном из предприятий был исследован фактор неудовлетворенности работой, который мог стать причиной возникновения аварийной ситуации, при снижении в момент повышенной неудовлетворенности внимания и ответственности. Был обследовано 98 мастеров, 9 из них имели повышенную долю риска. Их перевели на работу в другие подразделения, не связанные с основным производством. Этот анализ был сделан с помощью специальных социологических тестов.

При наборе пакета программ, как говорят специалисты по вычислительной технике, и методике исследования, процесс сбора, обработки социальной информации превращается полностью или в значительной степени в формализованный процесс, по большей части лишенной предвзятой оценки какого-либо субъекта.

Во-вторых, этот метод относительно дешев, т. е. при высоком качестве, позволяет получить огромный объем информации и при этом занимает немного времени. При количестве показателей в анкете равном ста, социолог может получить в системе парных распределений примерно миллион единиц информации, а если взять тройные связи, то значительно больше. Даже для того, чтобы только просмотреть каждую единицу информации, не говоря об анализе, потребуется год работы. Такого объема не дает никакой другой метод получения информации. Социолог же может ее получить, обработать на ЭВМ, проанализировать и дать руководителю итоговые данные для выработки и принятия тех или иных решений, за очень небольшое время.

Так, например, при отработанной процедуре сбора и обработки информации, практически любую информацию можно получить в течение суток или немногим больше. Конечно, бывают сложные исследовательские программы, которые требуют не только месяцев, но и годы работы, но это особые информационные и проблемные задачи.

Сравнительно недорог и занимает мало времени этот метод еще и потому, что, как правило, в опросе участвует небольшое количество респондентов, причем независимо от общего количества работающих. Так, если на предприятии работает сто тысяч человек, то можно опросить только тысячу, а иногда и меньше, и получить всю необходимую информацию. Например, в США начиная с 1948 г. постоянно проводятся и публикуются многочисленные прогнозы по поводу выборов президента со средним отклонением от фактических результатов в 1%, при выборке опрашиваемых 1500—2000 по всей стране. Никакими другими методами с такой точностью и довольно быстро, в течение суток, этих данных нельзя получить.

Теперь представим себе, что такая система сбора, обработки и анализа социологической информации на предприятии действует. И руководитель, сидя у себя в кабинете, нажатием кнопки на дисплее, получает практически любую социальную информацию. Невозможного и фантастического, как думают некоторые руководители, услышав о возможности создания такой информационной системы, в этом нет.

Но теперь представим себе еще более фантастическую картину, когда в памяти ЭВМ содержится социальная информация за ряд лет и даже десятилетий. Это позволяет проанализировать динамику изменения того или иного социального процесса, и представить в определенной аналитической системе. Этого не может дать ни один другой метод получения социальной информации.

Мы говорим о социологическом способе получения социальной информации на предприятии. Но понятно, что этот метод может быть использован на любом уровне управления, в том числе в масштабе страны.

Социологический метод получения социальной информации оказался настолько привлекательным, что социология в первые годы ее существования, как уже говорилось, и выступала в основном в этом качестве. Никакого другого метода получения социальной информации, притом разнообразной, объективной, тогда просто не было. Статистика не давала социальную информацию или давала, но в самом ограниченном количестве. Длительные десятилетиями специальное искажение социальной действительности, постоянное ограничение источников получения информации, привели в конце-концов к тому, что не только руководители предприятия, отрясли, но даже рядовые члены общества стали испытывать огромный голод по объективной, полной и точной информации, которая была необходима для существования. В течение долгого времени мы уподоблялись человеку, который бредет по дороге с закрытыми глазами, слушая рассказы о прекрасном пути, без рытвин и ухабов, обсаженном розами а ведущим в светлое будущее. А ноги чувствуют и кочки, и выбоины, и ухабы, да и вообще бездорожье. Надо было открыть глаза и увидеть то, что есть. Социология, как объективный метод получения социальной информации, помогла увидеть действительность. Именно поэтому и, конечно, по многим другим причинам, социология в первые годы существования стала использоваться в основном как социальная статистика, как метод получения социальной информации. Но с развитием социологии возможности ее обогатились.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА ДОКУМЕНТОВ

Чаще всего мы себя считаем самыми умными и все, что делаем правильным. Это прекрасно и вполне естественно, но все же не мешает хотя бы иногда проверять наши истины. Это не помешает ни одному человеку, а особенно тем, кто принимает решения на

уровне пусть даже не большой общности, беря ответственность за ее судьбу. Если человек примет неправильное решение в своей личной жизни, это вряд ли будет роковым для судеб человечества, даже для близкого окружения это наверняка пройдет безболезненно. Но неверное решение лидера большой или малой социальной общности может иметь для нее весьма плачевные последствия. Мы это наблюдаем десятилетиями, например, в сельском хозяйстве, когда масса решений, граничащих с преступными, но исходивших из благих намерений, в конечном счете довели до ручки и сельское хозяйство, и всю страну. Одна из причин заключается в том, что никому не пришло в голову проверить принимавшиеся постановления, прежде всего как социальные решения. Можно еще привести наглядный пример об ограничении продажи алкоголя. Решение было не продумано, не проверено и последствия его известны.

Социология как метод получения информации одна из немногих общественных дисциплин, которая может проверить, как будет работать, то или иное решение, как его, в частности, воспримет население в целом, или социальная общность, на которую оно распространяется. Безусловно, для проверки тех или иных постановлений, законопроектов можно использовать общественные дискуссии, референдумы и пр. Но в сравнении с ними, социология обладает тем удивительным преимуществом, что, требуя в целом небольших средств, она может довольно быстро и точно дать объективную информацию. Так, например, кандидат в депутаты может только предполагать, что его программу поймут и примут. Но можно апробировать социологическим методом его программу и дать относительно точное представление о том, как население воспринимает данную программу. Более того, углубив и расширив анализ, показать, какие социальные группы ее принимают, какие не принимают, что им нравится и не нравится в предложенной программе и т. д. В зависимости от анализа можно корректировать и свои решения и предвыборные программы. Проработка законопроекта социологическими методами — пока дело новое, не разработанное, за исключением некоторых частных аспектов. Но оно крайне нужное, ибо позволяет вскрыть его слабые стороны. Так, закон о первых альтернативных выборах, возможно, имел бы другое содержание, если бы получил социологическую проработку.

Социологическое исследование не следует смешивать ни с референдумом, ни с отзывами и обсуждением в печати. Референдум решает только одну и очень узкую задачу, одобряет ли население представленный законопроект. Обсуждения в прессе отражают мнение только какой-то специфической части населения, прежде всего той, которая сочла возможным обратиться в газету, чтобы высказать свое мнение. При всей нужности таких обсуждений — они не могут заменить собой цельного анализа общественного мнения. Например, арендный подряд предусматривает передачу земли крестьянам на длительный срок, например, в 50 лет. Выглядит довольно симпатично, но будет ли крестьянин брать землю на этих условиях, решится ли проблема хозяина на земле, не получится ли, что этот законопроект еще больше усилит отчуждение? По этому поводу можно высказать много разных соображений, и они высказывались в печати. Но насколько они верны, утверждать нельзя, в одном контексте они звучат убедительно, в другом кажутся вздорными. Ведь, законопроект, создаваемый в некоторых верхних кабинетах, обязательно дается в определенном контексте, и именно в том, в каком его хотят видеть составители. Но существует и другой контекст, в котором интерпретируется данный законопроект, в котором люди будут его выполнять. Выяснить этот контекст, пребывая наверху, довольно трудно, хотя нельзя сказать, что невозможно. Выявлением этого контекста и занимается

социология. Вписывая в этот контекст данный законопроект, социология может проверить его оптимальность. Так в общем контексте системы социальных отношений аренда на 50 и даже на 100 лет не решает проблемы изменения отношения к земле, поскольку и в этом случае она остается чьей-то собственностью, данной во временное пользование и которую при удобном случае могут изъять. Вполне возможно, что решение этого вопроса требует именно безвозмездной передачи земли крестьянам в вечное пользование с правом наследия, передачи, продажи и пр.

Тоже касается и оплаты аренды. Не воспримет ли крестьянин ее как очередной грабёж и вымогательство, не станет ли это тем пунктом, который низведет все хорошие начинания до полного провала из-за недоверия крестьян? Утверждать можно все, что угодно, можно высказать любые остроумные соображения, но насколько они верны, покажет только время, если опять пренебречь возможностями социологии. Проведя анализ общественного мнения по данному вопросу, можно с большей долей вероятности дать заключение, насколько данный законопроект, или отдельные его части, будут работать, способны вписаться в некоторую систему отношений.

Современная практика подготовки законопроектов, когда их создается, как и отменяется довольно много, что по всей видимости, будет продолжаться еще долго, должна быть обеспечена социологической проработкой. Социология должна стать тем инструментом, который поможет избежать многих ошибок. Даже анализ позиций, с которых пишется закон, может дать большой эффект.

Так, например, анализ документов, приказов, различных положений и документов, регулирующих взаимодействие различных служб и исполнителей на предприятии, показывает, что эти документы были написаны с позиций интересов министерств, администрации и пр. Почему не проверить и законы, касающиеся будущего страны, с этой стороны?

Даже частичный фрагментарный анализ документов или проектов, разрабатываемый каким-либо руководством, раскрывает удивительные вещи. Кроме того, что нередко эти документы разрабатываются в защиту тех или иных специальных групп людей, как правило, документы эти оказываются не согласованными ни с исполнителями, ни с общими задачами, стоящими перед коллективами. Более того, они часто не согласованы даже с теми задачами, которые декларируются в этих документах и для решения которых создаются³⁰.

Социология предоставляет современным законодателям уникальную возможность быстро и, самое главное, адекватно разрабатывать различные документы, законопроекты и пр. В противном случае может случиться так, что принятые законы будут не действенными. Пренебрегая социологией, придется позже потратить много усилий для исправления возможных ошибок. К сожалению, к помощи социологов прибегают очень редко. По всей видимости, здесь сказывается незнание возможностей социологии. У

³⁰ Наглядным примером может служить практика подготовки и принятия законов ВС РФ. Большинство из них носят, как правило, компромиссный характер, но не как альтернативное решение в поисках оптимального пути выполнения общей задачи, а как результат удовлетворения, нередко узкокорыстных, интересов групп депутатов, имеющих возможность влиять на процесс принятия решения. Чаще всего документ получается тяжелым, неудобоваримым, эклектичным, и, что самое главное, изначально неспособный решить поставленные перед ним задачи. Образцом такого документ» может, наверное служить действующая Конституция РФ с ее многосотенными поправками.

многих людей, которые так или иначе связаны с общественным мнением, существует недоверие к социологическим методам. Нередко задают вопросы: «Как можно по тысяче человек опрошенных судить о настроении всей страны?», «Каким образом мнение рядовых, не руководителей, непрофессионалов может заменить мнение профессионалов, специалистов по тем или иным вопросам?», «Какую ценность может предоставлять мнение населения по мировым проблемам, если они специально этим не занимаются и не представляют себе всех тонкостей этого дела?». Нередко социологическое невежество находит выражение в вульгарном убеждении, что никто кроме, например, директора завода лучше не знает коллектив, и никто, кроме него ничего не может сделать и т. п.

Определенный смысл в этих позициях имеется. В самом деле квалифицированное решение может предложить только профессионал, специалист. В данном случае, речь идет о совершенно другом. Социологи ни в коем случае не подменяют специалистов и не решают за директоров. Социологи только дают информацию о распределении общественного мнения потому или иному вопросу, показывают основные негативные и позитивные тенденции, анализируют концептуальные изменения в общественном сознании и показывают, что принимаемые решения могут быть таким-то и таким-то образом восприняты общественностью. Ценность этой информации, кроме всего прочего» заключается в том, что если данное решение руководителя любого ранга не будет воспринято широкой общественностью, то не будет и его реализации, оно не будет выполнено. Это означает, в свою очередь, что придется искать новое решение. Социология выступает только помощницей в системе управления, но нив коем случае не подменяет саму систему управления. Понимание данного положения социологии руководством, может привести к эффективному пользованию методами социологии, а социологов к нахождению своего места в системе управления.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

Когда мы говорили, что социальная информация должна быть специальной и строго определенной, то понимали под этим и то, что она должна решать всегда определенную задачу. В данном случае речь идет о такой социальной информации, которая позволяет с большей или меньшей точностью определить некоторое состояние социального развития коллектива.

Для социологов термин «социальная диагностика» пока не очень привычен, об этом начали говорить только в последние годы, хотя занимались этим в той или иной степени практически всегда. Иначе говоря, снимая ту или иную социальную информацию, мы уже имели какой-то аспект социальной диагностики, т. е. имеющаяся информация позволяла определить уровень развития (непрерменно, имея некоторый критерий, точку отсчета) изучаемого социального явления или процесса. Когда социологи исследуют, например, процесс социально-профессиональной адаптации, они с необходимостью имеют в качестве программы исследования некоторую нормативную модель, по которой процесс адаптации воспринимался как оптимальный. Соответственно, снимая информацию, через опросы или каким-либо другим образом, но обязательно в понятиях представленных в программе исследования, социологи получали данные о реальном процессе адаптации, которые в той или иной степени отличаются (или могут отличаться) от выбранной нормативной модели. Соотношения реальной и нормативной модели позволяло говорить

об уровне развитости, об оптимальности данного процесса, с точки зрения решения задачи, например, ускорения процесса адаптации молодых рабочих. И по суди дела, это уже был элемент социальной диагностики, хотя она так не называлась.

Но сейчас мы говорим о социальной диагностике как о некотором цельном и самостоятельном исследовании, и в этом случае мы понимаем ее как некоторый комплекс социальных явлений, которые определяют все основные стороны жизнедеятельности социальной общности. В социологии их принято называть социальными факторами. Иначе говоря, любая социальная общность как цельное образование, можно описать некоторым количеством показателей, отражающих жизненно важные позиции в его развитии, конечно, с точки зрения решения его (общностью) своих задач. Например, в производственном коллективе — это задача выпуска продукции и т. д.

Таких социальных факторов немного, другое дело, что они могут располагаться относительно друг друга по какому-либо принципу: по иерархии, по степени важности или значимости для решения поставленных задач и др. Например, материальное обеспечение является важнейшим фактором, в то время как наличие парикмахерской на заводе, наверное, не является столь существенным для решения производственных задач, хотя для заводских девушек, это, весьма возможно, играет немаловажную роль.

Вся сложность заключается в том, чтобы найти эту систему показателей, эти важнейшие социальные факторы и, соответственно, по ним определить и уровень социального развития коллектива и те факторы, которые оказываются недостаточно развитыми. Для этого необходим и опыт, и профессиональные знания социолога. Другая не менее важная задача определить систему анализа полученных данных социологического исследования. Многолетний опыт социологов в проведении исследований и анализа социальной деятельности, уже сегодня позволяет в определенной степени и с достаточной степенью точности решать эти вопросы. Дело в том, что при исследовании социальной действительности, в частности, производственных коллективов, пытаюсь докопаться до истинных причин того или иного явления, социологи, осознавая это или не осознавая, но вынуждены были находить те социальные факторы, которые оказывали существенное влияние на все стороны жизни коллектива. И в силу этого совокупность важнейших социальных факторов в социологической практике, а затем и в социологической литературе определилась более или менее четко. Так, например, изучая текучесть кадров, из анкеты в анкету переходили практически одни и те же по содержанию вопросы. Это не был плагиат или неумение социологов сочинять вопросы, это объясняется тем, что социологи крутились вокруг одних и тех же проблем и, соответственно, социальных показателей. Как говорилось, сама практика социологического изучения социальной действительности толкала социологов к этим проблемам и сосредоточивала их внимание на этих социальных факторах.

Можно сказать, что независимо от того, какой темой занимается социолог, но, изучая социальную действительность, он с необходимостью концентрирует внимание на ограниченном круге социальных факторов, которые в определенных сочетаниях позволяли изучать различные аспекты социальной действительности. Именно эта совокупность социальных факторов, в конечном итоге, определяла все социальные процессы и всю жизнь той или иной социальной общности.

Все это позволяло достаточно определенно и четко представить их вместе в некоторой взаимосвязи в одном исследовании, достаточно полно описать социальное развитие коллектива, более того, выявить слабые места в его развитии.

Но прежде чем перейти к структуре социальных факторов, надо коснуться понятийного содержания этого термина, поскольку в литературе это понятие далеко не отработано, что приводит к существенной путанице не только в понятийном аппарате исследователя, но и в их практическом использовании в конкретных социологических исследованиях.

При определении этого понятия необходимо исходить из общей системы социальных отношений как концептуального определения движения объекта. Социальный фактор — это наиболее общий тип социальных отношений, определяемый интересами и потребностями человека в некоторой социальной общности. Существуют основные типы социальных отношений, которые и определяют все стороны жизнедеятельности человека. Так имеются специальные отношения в области

материального производства и соответственно, тип социальных отношений или, как мы их называем, факторов. Можно выделить специальные отношения в области политического самоопределения человека и, соответственно, тип социальных отношений в области общественно-политической жизни коллектива или, как мы его называем, фактор общественно-политической активности. Имеются специальные интересы в области межличностных отношений и, соответственно, имеется социальный фактор, определяемый как морально-психологические отношения, термин далекий от точности, но так уже привыкли. Имеются десятки других более или менее важных типов социальных отношений, т. е. отношений в той или иной области социального бытия. А поскольку социальное бытие есть система социальных отношений, то получается, что отношения существуют как бы в отношениях. Но ничего странного и противоречивого здесь нет, поскольку имеется иерархия типов социальных отношений, о чем я уже говорил, что и позволяет выделять не только социальные факторы, но и социальные показатели и индикаторы. Последние так же есть типы социальных отношений уже меньшей общности, но которые в обязательном порядке включаются как составные элементы в социальный фактор. Здесь основная трудность заключается в том, чтобы найти эти структурные элементы и, соответственно, равнообъемные по уровню понятий социальные факторы.

Выделив основные типы социальных отношений, социолог с относительной точностью может определить, какие типы социальных отношений оказываются развитыми и доминирующими, какие социальные факторы оказываются не развитыми. Так, если мы получили, что политическая самоопределенность проявляется недостаточно, то это означает, что система отношений в политической жизни, например, общества не отвечает основным интересам человека. Когда мы задаем вопрос респонденту: «Можете ли Вы оказать влияние на политическую жизнь общества?» и он отвечает «нет», то это значит, что его потребности не удовлетворяются имеющейся системой отношений в этой области бытия. Если социальный фактор, имеет высокую степень развития, то это означает совпадение реальных социальных отношений с интересами человека. Другими словами, необходимо привести в соответствие представление человека о том, как должно быть, как ему хочется, с реальными социальными отношениями. Как правило, последние зафиксированы в различных положениях и инструкциях, через которые и регулируются отношения, тем самым становясь безличными. Закрепляясь в сознании человека, в некоторых нормах поведения, они становятся личными.

В качестве таких типов социальных отношений, но будем их называть, как принято в социологии, социальные факторы, можно в частности выделить следующие: материальное положение, морально-психологический климат в коллективе, социально-политическая

деятельность, перспективы роста, уровень удовлетворенности работой, социально-бытовое обслуживание, профессионализация, социализация личности, информированность, производственная и трудовая дисциплинированность и др.

Опытный социолог может меня тут поймать на противоречии, в частности, в логической неуравновешенности понятийного содержания выделенных факторов, их неравнозначности по степени общности и соподчиненности, в отсутствии единого понятийного основания для выделения этих факторов и т. д. Все это так. Можно, конечно, сослаться на то, что дело это трудное и сегодня в социологической литературе плохо разработано. Здесь я ставил только одну задачу, показать принцип формирования системы факторов, не определяя их понятийного соотношения. Кроме того, каждый автор волен выбирать свою схему, структуру, свои социальные факторы и соответствующим образом их интерпретировать, самое главное, чтобы они явились и адекватными объективной реальности и решали поставленные задачи. Никогда не было и не может быть абсолютных показателей, годных для всех времен и народов и на все случаи жизни.

Но для того, чтобы определить степень развитости данных факторов, необходимо определить так называемую идеальную или нормативную модель. Только в этом случае реальная модель социальных факторов приобретет свое значение, ибо при отсутствии критерия, точки отсчета, никакое явление не существует в своем содержательном выражении. В принципе так всегда и делали социологи, но не всегда полностью осознавали и, тем более, не всегда четко определяли эти критерии.

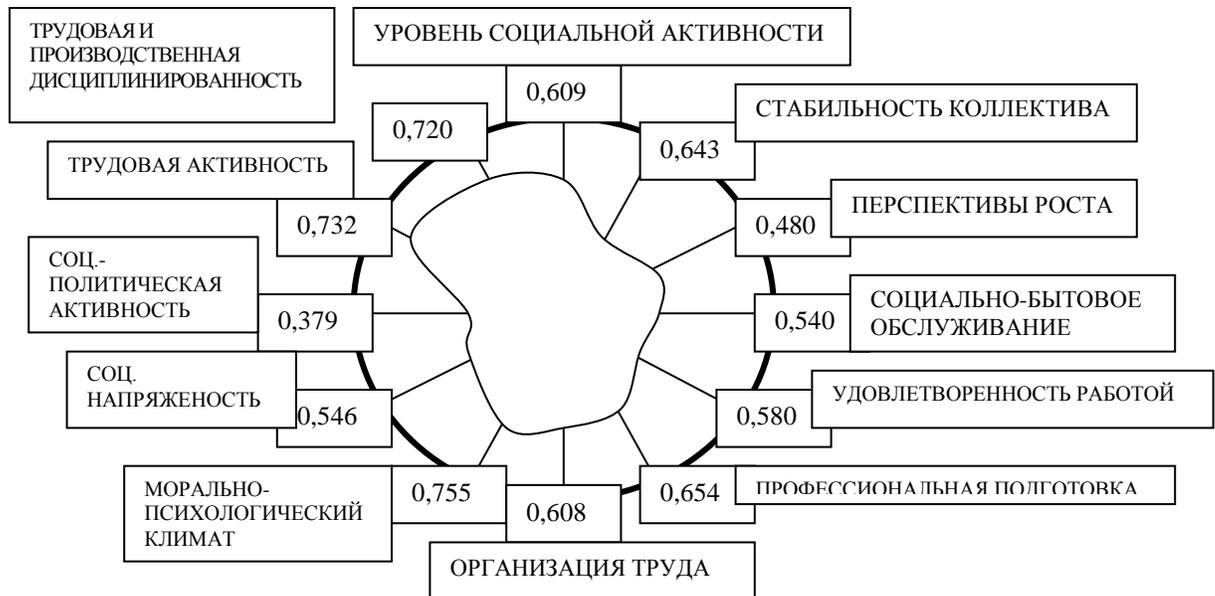
Что такое идеальная модель? Это тот уровень социального развития трудового коллектива, который возможен в настоящее время и считается той нормой, которую мы должны сегодня или завтра иметь. Например, нормативная модель по жилью это, когда каждый человек имеет хорошую благоустроенную отдельную квартиру с необходимым количеством комнат и метражом и со всеми социально-бытовыми удобствами. Понятно, что сегодня далеко не все имеют такие жилищные условия. Выявляя реальное положение дел с жильем, мы сравниваем его с этой нормативной моделью и показываем насколько оно отстает от нормативной модели. Еще один пример. Нормативная модель по перспективам роста заключается в том, что все работающие на предприятии, т. е. и рабочие, и служащие, и ИТР должны хорошо представлять свои перспективы профессионального, квалифицированного, должностного роста, повышения материального уровня и т. д. Как правило, далеко не все работающие четко это представляют, кроме тех, кто скоро выходит на пенсию. Чем больше этот разрыв, тем ниже трудовая активность, трудовая отдача и т. д. И так по каждому фактору. Иначе говоря, строится система факторов, а в каждом из них своя система показателей, а в каждом показателе система индикаторов.

Когда мы говорим об идеальной модели, то под этим понимаем только то, что все респонденты выбрали ту альтернативу, которая свидетельствует о полной удовлетворенности данным фактором, например, самое лучшее социально-бытовое обслуживание, полное знание и наличие перспектив роста, полная удовлетворенность жильем и т. д. В системе типов социальных отношений это означает, что, например, общественно-политическая определенность как концептуальная полностью представлена и совпадает с реальной системой социальных отношений, почему респонденты и выбирают данную альтернативу, которой и присваивается высший весовой коэффициент. Выбранная альтернатива, например, не полная удовлетворенность материальным положением, означает его среднее значение. И если респондент выбирает последнюю

альтернативу, то данный показатель имеет самое низкое значение. Понятно, что шкала оценок может быть различной в зависимости от решаемой задачи и точности измерения.

Каждый социальный фактор имеет серию показателей. Соответственно, система показателей и факторов имеет свою специальную систему анализа, в результате чего мы, в конечном итоге, получаем общий индекс уровня социального развития коллектива, общий индекс уровня социального развития каждого фактора в отдельности и общий индекс уровня развития каждого показателя, если в этом будет необходимость. К сожалению, в этой работе нет возможности показать всю систему анализа³¹.

Социальную диагностику можно представить в виде схемы (макс. = 1,0).

Что показывает схема?

Во-первых, дает общий средний индекс социального развития коллектива. Когда определена идеальная, или нормативная модель, то наглядно видно, насколько реальная модель отстает от нормативной модели. Мы можем сколько угодно предполагать, каков уровень развития трудового коллектива, но только индекс показывает его точный уровень.

Во-вторых, каков уровень развития каждого социального фактора в отдельности и насколько он отстает от нормативной модели.

Исследования показывают, что не все факторы имеют одинаковое развитие. Одни факторы развиты хорошо, другие факторы развиты хуже. Это зависит от различных как субъективных, так и объективных причин. Например, из-за сложившейся экономической конъюнктуры материальное положение трудящихся может быть не очень высоким. Так же отрицательное влияние оказывает понимание руководителем важности тех или иных факторов и их влияния на общее социально-экономическое развитие предприятия. Как показывает практика и анализ этих факторов по предприятиям, руководитель всегда

³¹ Элементы этой системы анализа [социологической](#) информации были мною разработаны в диссертации на соискание степени кандидата наук в 1978 г.

воспринимает в качестве важнейших только несколько факторов, примерно пять или семь, например, трудовая дисциплина (всегда на первом месте по значимости), зарплата, выполнение плановых заданий, материальное поощрение и т. д. Как правило, он не уделяет внимания перспективам роста, профессиональной и квалификационной подготовке и т. д. Соответственно, если руководство предприятия уделяет внимание одним социальным факторам, старается поднять их развитие и не уделяет внимание другим факторам, то в социальном развитии трудового коллектива получается перекос. На снижение уровня социального развития трудового коллектива оказывают влияние не только факторы, которые не получили достаточного развития, но и неуравновешенность всех факторов по уровню социального развития. Последнее важно прежде всего, потому что в коллективе, как правило, не происходит взаимопогашения и компенсации одних социальных факторов другими. Если перспектив роста нет, то их нет, и ничем их нельзя компенсировать. Если трудящиеся не участвуют в управлении производством, то высокой трудовой дисциплиной это не заменить. Если в коллективе плохой морально-психологический климат, то никакой зарплатой его не изменить и т. д. Получается, что при наличии высокого уровня развития ряда даже важнейших факторов, достаточно одного, который по каким-либо причинам не получил развития (например, отношения в коллективе в области неформальных связей или низкий морально-психологический климат в коллективе) то этого одного достаточно, чтобы коллектив не выполнял свою производственную задачу или выполнял ее плохо. Так нередко бывает на практике, и руководители удивляются, вроде, создаются все социально-бытовые удобства, и высокая зарплата, а коллектив не выполняет план, текучесть большая, высокий уровень неудовлетворенности работой. Причиной может быть то, что какой-то социальный фактор не получил необходимого развития. Поэтому одна из важнейших задач социологии состоит в том, чтобы выявить те социальные факторы, которые являются важнейшими, и показать уровень их развития и, соответственно, раскрыть, как каждый из них и как они вместе оказывают влияние на трудовую активность и, в конечном итоге, на выполнение плановых заданий предприятия.

Сейчас нет необходимости да и возможности подробно описать систему факторов и показателей, это заняло бы слишком много места. Системе показателей социального развития необходимо посвящать специальную работу, с подробным описанием каждого фактора и его обоснования, приведения системы анализа и т. д. Для разработки этой системы требуется ни один год работы, а самое главное, необходимо проводить серию экспериментов, чтобы быть твердо уверенным, что выбранная система показателей адекватно отражает объективное движение реальности. Но, к сожалению, не всегда имеется возможность для таких больших и, надо сказать, дорогостоящих экспериментов. Как правило, руководство предприятий не идет на это, но с ним еще можно договориться. Нельзя убедить в необходимости такой работы собственное руководство. Как правило, оно не признает никаких экспериментов и требует сразу же проведения проблемных исследований с конкретным выходом, не принимая во внимание, что конкретный выход, рекомендации или практическую отдачу методики могут дать только тогда, когда они тщательно отработаны. Естественники это поняли давно и именно так и действуют, но в социологии к этому относятся пока очень плохо.

Как видно из приведенной схемы, реальная модель социального развития трудового коллектива явно не дотягивает до нормативного уровня. К тому же все социальные факторы развиты неравномерно, о чем мы уже говорили. Так, весьма слабо развитым

оказывается такой фактор, как перспективы роста, а, как известно (это хорошо просматривается на системе двойных связей), фактор «перспективы роста» тесно связан с трудовой активностью. Если человек представляет себе, что его ждет через год, два, пять лет, четко знает перспективы профессионального, материального положения, то у него выше и трудовая активность, и наоборот, если он не имеет перспективы роста, то трудовая активность резко снижается, как показывают исследования, примерно на две трети. Недостаточно развиты, на наш взгляд, такие факторы, как социально-бытовое обслуживание, общее образование и специальная подготовка, творческий характер работы. На предприятиях, где проводилось исследование превалирует ручной неквалифицированный, тяжелый труд, невысоко материальное положение трудящихся. Правда, информированность производственная оказалась на довольно высоком уровне, и в самом деле лозунгов у них хватало и наглядная агитация поставлена хорошо.

В то же время необходимо отметить довольно хороший настрой на хорошую работу. Если бы руководство больше обращало внимания на остальные сферы жизнедеятельности коллектива, проявляло больше заботы, определило перспективы роста для каждого труженика, повысило специальную профессионально - квалификационную подготовку и т. д., можно было бы решить многие проблемы в повышении производительности труда. К сожалению, многое из необходимого, что нередко видно и не вооруженным социологическими методами глазом, не делается. Почему не делается это другой вопрос.

Уровень социального развития коллектива — это одновременно и уровень его социального потенциала, его возможностей в решении собственных задач. Понятно, что если социальный потенциал коллектива будет низок, то ставить перед ним сложную задачу нельзя. В принципе понимание взаимосвязи между социальным потенциалом и решением поставленной задачи в теории имеется, но не на практике. Во-первых, хозяйственники обычно не знают, как вычислить социальный потенциал коллектива и довольно часто прикидывают его на глазок. Только после тщательного изучения социальных факторов и построения различных методик их изучения, о чем уже говорилось, стало возможным определить с достаточной точностью уровень социального развития и социальный потенциал. Во-вторых, до сих пор не решена проблема взаимосвязи социального потенциала коллектива с тем уровнем решения производственной задачи, которая перед ним ставится. Иначе говоря, необходимо точно определить, какую задачу коллектив может выполнить и какую нет, сколько метров, килограммов и т. д., он сможет потянуть при данном уровне социального развития.

Сказать, что сегодня при планировании³² не учитывается уровень социального развития коллектива, нельзя. Он учитывается, в явной или неявной форме, осознанно или не осознанно, хотя весьма приблизительно и в довольно грубой, я бы даже сказал, примитивной форме.

Не раз приходилось присутствовать при планировании. Как правило, вся техническая сторона плана просчитывается достаточно скрупулезно, для чего имеются специальные методики. Учитывается наличие техники, качество ее работы, технология, даже объективные природные условия. И только когда все просчитано и подсчитано, когда точно определено, сколько кто может дать, выполнить план, когда выведены точные

³² Необходимо отметить, что при объявленном переходе к рыночной экономике слово «планирование» стало не модным и полностью исчезло из лексикона экономистов. Но это неправильно. Планирование всегда будет, изменится только его природа.

цифры производства, вот тут выходит на сцену социальный фактор, правда, уже без формул и без каких-либо методик. Собираются в кружок руководители любого ранга, например, предприятия и начинают раскидывать по подразделениям, участкам, бригадам дополнительные тонны, метры и т.д., с кого-то снимая, кому-то добавляя. Способ при этом один, прикидываются на глазок, опираясь на свое знание социальной обстановки в коллективе того или иного подразделения, учитывая, какая бригада или участок может потянуть больший план, а кому надо срезать, поскольку не потянет даже рассчитанного плана. Рассуждения самые простые и самые верные: «давайте накинем пятой бригаде, там опытный бригадир, он вытянет. Второй бригаде то же можно дать побольше, у них подобрался хорошие специалисты, выполнят. Можно и седьмой немного увеличить, они отдохнули, в прошлом месяце у них был небольшой план. А вот с восьмой бригады надо снять и довольно существенно, там молодой бригадир, да и ругаются они часто, нет сплоченности» и т. д. При этом вспоминают и перебирают самые существенные социальные характеристики бригады, в меру своего знания и понимания. А что сделаешь, не учитывать социальный фактор нельзя, его и учитывают, беря за точку отсчета именно технико-технологические и экономические расчеты. Конечно, при этом ошибаются, нередко весьма существенно, что и сказывается через месяц, через год. Социальный фактор оказывается чаще всего так плохо просчитан, что задание оказывается нереальным для коллектива.

Необходимо учитывать, что задание не должно быть ни завышено, ни занижено, и в том, и в другом случаях это может отрицательно отразиться на развитии коллектива. Задание должно быть точным, вернее, оно должно чуть-чуть превышать возможности коллектива, что, в конечном итоге, будет стимулировать его социальное развитие. Это еще одна причина необходимости не только тщательно учитывать социальный потенциал коллектива, но и тщательно его просчитывать. Понятно, что если социальные возможности как отдельного человека, так и всего коллектива оказываются недостаточны для решения данной задачи, то это самым непосредственным образом скажется и на процессе выполнения производственной задачи. Например, если уровень квалификации окажется ниже требуемого для выполнения какой-то работы, то, естественно, она не будет выполнена или будет выполнена плохо. Если, скажем, в бригаде нет согласия и ее члены постоянно ссорятся, то отрицательное психологическое самочувствие отразится и на выполнении работы и т. д. В социологии это хорошо, просчитано и показано наглядно.

Понятно также, что если процесс выполнения задания не будет адекватным требованиям задачи, то, естественно, она не будет выполнена или будет выполнена плохо, что, в принципе, одно и то же. Однако здесь возникает другая задача, как выявить, как найти показатели процесса выполнения работы и как их просчитать. Для примера можно привести такие показатели:

1. Систематичность, т. е. соблюдение ежедневных или других временных интервалов, соблюдение сроков. При прочих факторах, систематичность выполнения плановых заданий зависит от умения, желания, возможностей работать. Если идут постоянные сбои систематичности выполнения плановых заданий, то это говорит о том, что в процессе выполнения плана, как и в целом в социальном развитии коллектива, что-то не в порядке. Детальное рассмотрение этого фактора покажет, где скрыта основная причина. Но в данном случае мы только фиксируем, как проходит процесс выполнения планового задания.

2. Брак в работе, некачественная работа. При прочих равных условиях этот показатель оказывается самым тесным образом связанным с социальными факторами, например, с желанием работать, что, в свою очередь, зависит от всего комплекса социального развития коллектива, предприятия. Социология это очень хорошо показала.

3. Выполнение работником распоряжений и приказов непосредственного руководителя. Здесь речь идет не только о своевременном, добросовестном или качественном выполнении распоряжений, но вообще о выполнении или отказе от выполнения распоряжений руководителя. Этот показатель отражает не только стратегию выполнения плана, поскольку процесс выполнения плановых заданий определяется не только стратегическими заданиями, скажем, характером и объемом работы, но и решением тактических задач, которые решаются именно через распоряжения, приказы и задания часто временного характера. Сбои по этому показателю демонстрируют, что здесь не все нормально, в том числе, и в социальных отношениях. Если работник не уважает своего непосредственного руководителя, если имеется социальная напряженность в отношениях руководства и коллектива, то это сразу отражается на показателе выполнения распоряжений руководителя.

4. Отношение к этой работе, которую в данный момент выполняет работник. Иначе говоря, есть ли у него желание выполнять задание, как он оценивает продукцию, которую выпускает, считает ли план, который ему дали, реально выполнимым. По сути дела, это достаточно общий показатель, который содержит, концентрирует в себе, отражает общее неблагополучие или благополучие социальной обстановки. Понятно, что если социальная ситуация неблагополучна, то это скажется на отношении к работе, ее качестве, на выполнении плана.

Здесь показано только четыре блока вопросов, которые отражают процесс выполнения плановых заданий. Могут быть и другие показатели, это на усмотрение социологов данном случае надо было показать сам принцип. Далее, установив характер взаимосвязи этих показателей с социальными факторами, о которых уже говорилось выше, и установив характер их взаимосвязи с показателями выходящей продукции, можно достаточно четко определить, насколько реален даваемый предприятию план.

При подвижной шкале показателей процесса выполнения плана, последний индекс будет колебаться в положительную или отрицательную сторону в зависимости от уровня развития социальных факторов, что будет говорить о том, завышен план или занижен, т. е. необходимо ли план увеличить или уменьшить. Так, на одной шахте социологи вычислили, что план, который дало шахте объединение оказался нереальным, и что его необходимо уменьшить по крайней мере на 20%. При выполнении плана (как правило, он выполняется крайними мерами) надо ждать или резкого снижения качества продукции или резкого увеличения текучести кадров и снижения общего социального потенциала, что, в конечном итоге, поставит под сомнение выполнение плана в следующем году. Так и получилось.

Снижение плановых заданий — всегда временное отступление. Повышение производительности труда находится исключительно в развитии социальных факторов. Только решая эти проблемы, можно решить и указанную задачу. Приоритетность направлений в решении социальных проблем подтверждает исследование по социальной диагностике.

СОЦИАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

Несколько лет назад, нашей группе социологов пришлось решать интересную задачу, поставленную заказчиком. Отдав в наше распоряжение несколько московских заводов, министерство просило выявить некоторые общие и частные закономерности социального развития коллективов в системе взаимосвязи наиболее существенных социальных факторов, оказывающих влияние на трудовую активность работающих. Была поставлена задача построить некоторую интеграционную модель с целью выявить основные тенденции социального развития коллективов изучаемых предприятий, а через них и всего министерства. Иначе говоря, необходимо было построить некоторую систему взаимосвязи всех имеющихся факторов социального развития трудового коллектива и рассмотреть ее через фактор трудовой активности работающих на этих предприятиях.

Министерство уже не удовлетворяла система двойных связей, которые им поставляли в невообразимом количестве отраслевые социологи. При всей актуальности и неожиданности некоторых связей отдельных явлений, тем не менее, это мешало построить взаимосвязанную модель факторов. В самом деле, в анализе двойных связей нередко возникали неожиданные эффекты: одни и те же явления в различных системах взаимосвязи нередко давали прямо противоположные результаты. Более того, с введением какого-либо третьего фактора, взаимосвязь двух явлений, то проявлялась самым ярким и непосредственным образом, то вовсе исчезала. Почему квалификация оказывается тесно связана с разрядом и не связана с выполнением плана? Почему качество работы оказывается довольно тесно связанным с выполнением плана и не связанным с разрядом? Почему зарплата оказывается не связанной ни с разрядом, ни с процентом выполнения плана, ни с качеством работы, ни с квалификацией? Таких вопросов набиралось достаточно. В этой ситуации поймать какую-либо закономерность было трудно.

Решая их в системе двойных связей и не выходя за их пределы, все получалось как будто красиво и логично. Неплохо получалось и в системе тройных связей. Но как только мы начинали их сопоставлять между собой по всему фронту, все симпатичные картинки двойных связей начинали плясать. Социолог, зная это, нередко прибегает к нехитрой уловке: опускает противоречащие связи и выпукло показывает только высокую корреляцию. Иначе говоря, строит такую систему зависимостей, которая нередко в реальности не имела никакого содержания.

Этот нехитрый прием мог на первых порах удовлетворять заказчика, но только до тех пор, пока он не начинал дотошно разбираться в социологических выкрутасах и разобравшись, сажал социолога в лужу, задавав всего один из простых вопросов. Например, кому и насколько надо повысить зарплату, чтобы повысилась производительность труда? Или: Не увеличится ли текучесть кадров, если дать хорошие квартиры? Как правило, вразумительного ответа заказчик не получал и не мог получить, потому что система анализа с двойными связями представляла собой описательное исследование, а не решение проблемы. В системе двойных и даже тройных связей это просто невозможно, хотя они остаются основой для решения.

Необходим был другой, более сложный подход к исследованию социальных процессов, протекающих в трудовом коллективе, другая система анализа. Такой новой системой анализа могло стать социальное моделирование. Это был принципиально иной подход.

Идея моделирования социальных процессов не является новой. Элементы моделирования имелись и с успехом применялись в социологическом анализе. Те же двойные и тройные связи представляют собой элементы моделирования. Но особенностью современного социального и социологического моделирования является то, что оно становится динамичным, социальные модели можно менять в зависимости от интересующих исследователя параметров. Это оказалось возможным потому, что социологи перешли от простой фиксации явлений, как это имело место в социальной статистике, и их взаимосвязи, как это было в системе двойных связей, к выработке и определению некоторых закономерностей изменения этих взаимосвязей в некоторой общей для них системе. Так, ученые давно говорили об отрицательном воздействии человека на природу. Но сама по себе констатация этого факта ничего не давала, поскольку это воздействие не увязывалось в общей социально-экологической ситуации. И только в последние годы, вскрыв некоторые закономерности развития общества, социальных систем стало возможным определить место человека в этой системе и его роль в ее изменении. С этого момента стало возможным моделировать эти процессы.

Практика моделирования привела к пониманию и выработке, по крайней мере, четырех основных принципов:

1. Установление цели моделирования.
2. Выделение ограниченного количества факторов, но основных, которые осуществляют принципиальные изменения в данной системе.
3. Установление характера взаимосвязи между выделенными факторами.
4. Установление принципа множественности связей между факторами и выделение ведущих, основных связей, которые и определяют характер развития и изменение данной системы.

Было предпринято много попыток социального моделирования, не всегда удачных, не всегда полных, и не всегда полностью осуществивших эти принципы, что вообще довольно трудно. Оказалось, что довольно сложно выделить существенные, основные факторы, определить характер взаимосвязи между ними, вычленив существенные связи, не говоря уже об определении цели моделирования. Основной путь здесь в построении некоторой концептуальной модели развития системы. В принципе любое моделирование — это проверка этой концепции, содержащей указанные четыре принципа.

Так, например, строя модель трудового коллектива, мы выделяем основные социальные факторы, примерно так, как мы это сделали в разделе об определении уровня социального развития коллектива. Рядом социологических исследований мы установили, что данные факторы с точки зрения их влияния на решение производственных задач, являются важнейшими. В процессе исследований мы определяем, как эти факторы взаимосвязаны, выявляем характер их взаимосвязи.

Социолог здесь выполняет задачу, которую не может выполнить никто другой. Прежде всего это выработка некоторой общей концепции развития коллектива, выработка такого общетеоретического видения социальных процессов, протекающих в коллективе, которое могло бы полностью описать трудовой коллектив в рамках решения им той или иной задачи. Данная концептуальная система позволяет определить общий причинно-следственный характер взаимосвязи между факторами. И только после этого можно перейти к социальному моделированию.

Изменение одного фактора с неизбежностью влечет за собой изменение другого фактора и на всей системе в целом. В сущности так всегда и случается в жизни. Если у

меня существенно повысилась зарплата, то это, естественно, отзовется на всей моей жизнедеятельности, во всяком случае, если не на трудовой активности, то на моем гардеробе обязательно. Конечно, одни факторы изменятся больше, другие меньше. Но даже малые изменения так или иначе сказываются на всей системе. При постоянно направленном изменении в конечном итоге изменяется и вся система. В жизни мы далеко не всегда можем предсказать какие изменения могут произойти, например, в производственном коллективе, если зарплата будет постоянно увеличиваться. Не приведет ли это к тому, что работники вообще перестанут работать. В самом деле было интересно узнать, как изменилась бы система социальных отношений на предприятии, если зарплату инженерно-технических работников увеличить, допустим, раз в пять. Что в этом случае произойдет в системе отношений между рабочими и ИТР, как в целом изменится морально-психологический климат в коллективе, как это повлияет на изменение трудовой активности и т. д.?

Или, например, как изменится социальная ситуация на предприятии, если ввести прямые выборы руководителей? Как изменится социальная активность инженеров, рабочих, служащих, если изменится фактор «перспективы роста», т. е. каждый работник будет четко знать, что его ждет впереди в материальном, профессиональном, должностном росте, причем, это не будет зависеть от личного отношения к нему его непосредственного начальника. Наверное, это интересно, но главное, это необходимо знать для успешного управления социальными процессами.

Таких задач может быть конечное или бесконечное множество. Таким образом, если мы знаем основные социальные факторы, определяющие систему социальных отношений на предприятии, если мы знаем законы взаимосвязи этих факторов (или показателей), т. е. знаем, как изменяется один фактор в зависимости от другого, третьего и всей системы факторов, то, введя в систему социальных факторов тот или иной параметр, можно следить за тем, как будет меняться вся система социальных факторов. Прежде, чем принимать то или иное решение, разрабатывать мероприятия, сначала его апробируют на модели и, выяснив, какие последствия это будет иметь, решают, вводить его или не вводить в социальную ткань живой жизни.

Пока социологи не могут похвастаться, что такое моделирование полностью разработано и осуществляется, хотя по элементам, как уже говорилось, оно имеется. Но для создания полной модели необходима колоссальная экспериментальная работа, проведение огромного количества исследований, чтобы четко выявить механизм образования и функционирования системы социальных отношений.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ

Этот термин остается пока новым и мало известным для хозяйственников, да и социологов. Самое удивительное, что, создавая сложные технические проекты заводов, фабрик, самолетов, машин и пр., никто практически не занимается людьми, социальными группами и их взаимодействием.

Немыслимо, чтобы тот или иной завод воздвигался без тщательной разработки проекта. Однако такая ситуация не только допустима, но и обычна в социальном строительстве. При самом прекрасном техническом проекте, социальная составная часть

оказывается полностью пущенной на самотек стихийного развития. На завод, построенный по самому последнему слову техники и по самым совершенным проектам, набираются случайные люди, случайно или весьма приблизительно расставляются по рабочим местам, и в результате никто не может сказать, как будет работать завод, выполнит ли он свои задачи. Ни один директор или автор проекта никогда не может с какой-либо точностью утверждать, как будет развиваться трудовой коллектив, какая система отношений там сложится и будет ли эта система отношений настолько оптимальной, чтобы завод выполнил свои задачи. Никаких документов, регулирующих социальные отношения, практически не разрабатывается.

Это касается не только новых, но и действующих предприятий. Социальные проекты не являются частью общей системы управления и потому предприятия плохо работают. К тому же требуется и постоянная работа по совершенствованию социальных проектов, исходя из новой ситуации, новых задач и пр., примерно так как это делается при реконструкции действующих или старых предприятий.

Удивительно, что, делая прекрасные проекты реконструкции и технической перевооруженности, начисто забывают о людях, о производственном коллективе, о тех, кто будет работать в новых стенах и на новом оборудовании. И в результате возникают самые парадоксальные и тупиковые положения. Например, некому работать на новом оборудовании, потому что не позаботились о квалифицированных кадрах, строят жилье, а люди уходят с предприятия, повышают зарплату, а производительность труда падает, отсутствие положения о регулировании социальных отношений в области премий, приводит к обратному эффекту: премия работает не на стимулирование труда, а, наоборот, тормозит производительность труда, отсутствие системы регулирования взаимоотношений с молодыми рабочими приводит к повышенной текучести среди них и т. д.

Можно ли представить себе разумного человека, который без тщательной проверки последствий, решил бы прыгнуть с шестнадцатого этажа? Вряд ли. Зато это постоянно происходит в нашей социальной действительности. Разрабатывая технические проекты и нисколько не заботясь о социальных программах, мы уподобляемся тому неразумному прыгуну.

Ставя себе задачу взобраться на высокую гору, пересечь Антарктиду на лыжах, пройти пешком Сахару, переплыть на лодке, плоту, бревне океан, человек тщательно готовится к экспедиции, взвешивает все возможные варианты и последствия. Нередко привлекает технические средства, с тем, чтобы к минимуму свести появление непредвиденных, опасных для жизни результатов. Но в социальных проектах все решается на уровне здравого смысла, жизненного опыта, с минимальной разработкой возможных вариантов и просчетов критических или опасных ситуаций. Удивительно, но в самом главном звене общественной жизни мы все пускаем на самотек. Хотя объяснить это, конечно, можно. Если технические сооружения инертны, т. е. части машины могут функционировать только тогда, когда они сконструированы строго определенно и строго определенно должны соотноситься друг с другом и т.д., то «живые системы» всегда активны и способны к самонастройке для решения той или иной задачи. И в этом плане технические проектанты в некотором смысле застрахованы в решении некоторых простых задач. Для более сложных задач необходимо строить специальную систему. Без чертежей можно построить деревенскую избу, но возвести без проекта высотный дом вряд ли удастся. Можно без специального проекта строить отношения на уровне семейного подря-

да, фермерства, но построить трудовой коллектив, например, крупного завода, будет очень трудно. Но именно последний и строится без тщательно разработанного социального проекта, хотя, конечно, элементы социального проектирования, имелись.

В 1982 г. вышла книга группы известных советских социологов, посвященная социальному проектированию. На первых же страницах работы авторы четко определили важность и необходимость социального проектирования: «Создание социальных объектов не может осуществляться на глазок, без должной научной проработки, расчетов, сравнений с реально существующими аналогичными объектами. Именно этот аспект убедил авторов настоящей книги в необходимости обратить внимание на осуществление социального развития новых и коренным образом реконструируемых объектов. Отсутствие такого проектирования, как показывает практика, ведет к значительному ущербу для общества, затруднению дальнейшего развития нашей экономики, решения задач повышения благосостояния населения и всестороннего развития каждого человека»³³.

Авторы указанной книги предлагают такие этапы социального проектирования.

1. Выявление сущности общественной потребности данного проекта. Иначе говоря, насколько идея, заложенная в проекте, в принципе отвечает социальным потребностям. Если мы, например, возьмем проект нового города, то насколько предлагаемая идея будет отвечать интересам и запросам будущих жителей, насколько он будет удобен для отдыха, работы, жизни и пр. Понятно, что уже сама по себе эта задача оказывается достаточно сложной.

2. Сбор социологической и социальной информации как исходной для реализации социального проекта. Здесь решаются задачи исследования реального контингента людей, занятых на производстве, и его соответствия по выделенным параметрам решаемых задач, если это происходит на реконструируемом заводе. Определяются возможности имеющейся социальной совокупности для отбора необходимых членов будущего коллектива. Так, например, если для проектируемого завода в данном городе, местности нет соответствующих по уровню образования, культуре, квалификации кадров, то вряд ли имеет смысл строить здесь этот завод.

3. Определение исходных параметров трудового коллектива и построение его оптимальной модели.

Понятно, что насколько бы грамотно не была разработана концепция социального проекта или модели трудового коллектива, насколько логической и красивой она не была, насколько бы не была обоснована, все же она всегда остается возможно истинной, как и любая другая концепция. Нельзя быть уверенным в том, что она в целом, а тем более в деталях, будет истинной. Поэтому всегда необходима тщательная проверка концепции социального проекта. Можно выделить две формы проверки: «Концепция проекта может проверяться (прежде, чем будет принята окончательно) двояким образом: посредством теоретического анализа и при помощи эксперимента»³⁴.

Понятно, что теоретическая проверка идет параллельно с процессом сбора социологической информации и выработки концепции. И первый этап проверки осуществляется тогда, когда данная концепция уже представлена исследователем для критики, для анализа. Эта критика, или анализ происходит путем обсуждения специалистами, общественностью, хозяйственными руководителями и т. д.

³³ Социальное проектирование.— М.: Мысль, 1982.— С. 5—6. 134

³⁴ Социальное проектирование М.: Мысль, 1982.— С. 12.

Сложнее дело обстоит с натуральным экспериментом. Здесь так же можно выделить две формы:

1) натуральный эксперимент, проработка основных идей концепции на небольших социальных общностях, отдельных объектах, отражающих основные параметры основного объекта;

2) социальное моделирование, на основе знания основных законов и закономерностей социального поведения человека и различных социальных сообществ в предлагаемых ситуациях.

Каждая из этих форм имеет свои минусы и плюсы. Отвлекаясь от морального аспекта, если эксперимент проводится внутри некоторой социальной общности, надо признать, что проверка на отдельных объектах не позволяет утверждать с полной уверенностью ее истинность относительно основного объекта. Минусом второй формы является слабая разработанность методики социального моделирования.

Социальный проект по существу представляет собой проект регулирования социальных отношений, ибо только в результате социального взаимодействия реализуются интересы человека и образуется социальное бытие, иначе говоря, реализуется задача, поставленная перед коллективом.

Имеются два вида или две формы регулирования социальных отношений. Первая включает некие «нефиксированные законы», выработанные в результате длительного опыта и превратившиеся в нормы поведения, нравственные законы, обычаи, традиции и правила. Это система социального регулирования, как правило, складывается и наиболее эффективно действует при непосредственном контакте, в межличностном общении в небольших социальных группах. Вот почему так сильны традиции, обычаи, нормы поведения в сельской местности, в небольших деревнях и в небольших городах. В крупных городах и на крупных предприятиях, когда превалируют безличностные отношения и вступают в силу «фиксированные законы», т. е. инструкции, положения, предписания, приказы и распоряжения руководства и, наконец, юридические законы. Именно эти предписания регулируют поведение человека в той или иной ситуации, скажем, прием и увольнение с работы, порядок рабочего дня, взаимоотношения с начальником и т. д. В конечном итоге они выступают как некоторые документы, которые регулируют социальные отношения на данном предприятии или в трудовом коллективе. Понятно, что характер, направленность этих предписаний, социальных отношений, отражают интересы различных социальных групп и в конце концов определяют жизнедеятельность коллектива, его работоспособность и способность к выполнению поставленных задач. Роль различных предписаний оказывается столь огромной, что хотя мы и клянем различные инструкции, игнорировать их и пускать на самотек, по крайней мере, неразумно. И хотя мы постоянно критикуем бумаготворчество было бы большой ошибкой отрицать их необходимость. Предписаний должно быть намного больше, чем имеется, но они должны быть грамотно, профессионально составленными.

По характеру этих документов сразу становится ясно, чьи интересы они защищают, на какую социальную группу работают, какой тип социальных отношений определяют и формируют, способны ли они решить поставленную перед коллективом задачу и какая именно задача сейчас стоит перед коллективом. Так, документы административно-хозяйственной системы четко отражают интересы администрации, формируют тип отношений подчинения. Такие документы и такой тип отношений не способны решить

производственные задачи, но зато прекрасно решает проблемы той социальной группы, которая занимает командные посты.

Социологические исследования показывают как реагируют различные социальные группы на тот или иной тип социальных отношений, выраженные в инструкциях, положения и пр., принимают ли их как «свои», отражающие их интересы или рассматривают, как противоречащие им. Если мы наблюдаем напряженность между администрацией и рядовыми работниками как социальной группой, то можно сделать вывод, что система, имеющихся здесь предписаний (фиксированных законов) оказывается неэффективной для решения общих задач. Но оказывается неэффективной и для самой администрации.

Если рассмотреть систему документов, инструкций, предписаний-предприятий, работающего на арендном подряде (кооперативы), то можно видеть, что она в большинстве случаев работает на интересы всего коллектива. Соответственно, и тип отношений, регулируемых формальными предписаниями, отражает общие интересы, хотя, конечно, групповые интересы остаются и здесь, но они уже не столь противоречат интересам всех остальных групп.

Система предписаний, формального регулирования отношений существующая в настоящее время, имеет по крайней мере два недостатка. Во-первых, она далеко неполна, охватывает не все стороны общественной жизни, в результате чего многие аспекты остаются не отрегулированными и формируются стихийным образом. Во-вторых, формальные предписания не охватывают даже основных форм жизни-деятельности и, соответственно, не могут влиять на основные формы социальных отношений. Так, например, часто бывает не отрегулированной система отношений в области материального вознаграждения (в частности, зарплата, премия и пр.). В результате люди, получая деньги не за труд, а, скажем, за время, создают такой тип социальных отношений, который не определяет ни качество, ни сроки выполнения работы. Более того, могут возникать и культивироваться такие отношения, которые направлены на срыв работы, например, для того, что-; бы осталась необходимость работы в выходные дни с двойной оплатой. Таких искажений, а точнее неправильно построенных типов социальных отношений, порожденных различными формальными документами, направленных на решение не основной, а побочных задач, весьма много. Их так много, что приходится констатировать полное нарушение объективных законов, регулирующих социальные отношения, и построение законов, которые противоречат интересам уже всех социальных групп коллектива. Это в принципе и привело к так называемому застойному периоду, но этот тип социальных отношений по существу остается и сегодня.

Если система документов на предприятии направлена на регулирование социальных отношений таким образом, что работник чувствует себя не активной созидательной силой, а только исполнителем чужой воли в жизни предприятия, то Этот тип социальных отношений направлен на поддержание административной системы отношений, которая полностью или по большей части не отвечает интересам человека. Примеров можно привести много.

В-третьих, имеющаяся система предписаний, как правило, не поспевает за изменением объективной реальности и остается консервативной, устаревшей. Эти документы чаще всего разрабатываются не специалистами, делаются быстро и плохо, к тому же моментально устаревают. А поскольку за ними как за системой никто специально не следит, не проводит их в соответствие с реальным положением дел, то по большей

части они остаются неработающими или малоэффективными. Если уж основные законы в трудовом законодательстве не пересматривались десятилетиями, то стоит ли говорить о различных документах, принятых министерствами, ведомствами, предприятиями! Даже система определения зарплаты, по существу, оставалась неизменной несколько десятков лет.

Разумеется, речь не идет о том, чтобы регулировать каждый шаг и вздох человека на предприятии или дома. Но должно быть оптимальное сочетание, так сказать, основных неофициальных законов и законов, фиксируемых в официальных документах. Более того, они должны органично дополнять и обуславливать друг друга. Кроме того, формальные документы определяют только те отношения, только тот тип социальных отношений, которые призваны решать строго определенные, обычно, частные задачи. И они могут быть успешно решены, если эти формальные предписания соответствуют движению объективной реальности, т. е. в конечном итоге интересам человека. В этом плане неписанные законы оказываются барометром, который показывает, что принимаемые документы не отражают интересов человека, и тогда начинают вырабатываться и действовать новые неписанные законы. Они всегда актуальны, объективны и поэтому всегда истинны, по крайней мере в своей сути. Так, например, система планового ведения хозяйства, которая была в стране и соответственно, вся система предписаний действий предприятий и коллективов не отражала объективный характер отношений людей в реализации своих интересов. Навязываемая им система отношений была чужда их интересам, поскольку не удовлетворяла их потребностей. Поэтому практически все социальные группы вырабатывали свои неписанные законы, регулирующие социальные отношения, прежде всего, в области экономики, производства, потребления и распределения и т. д. Так, если человек желает достать модные ботинки, то он это делает не в соответствии с предписанной системой социальных отношений (купить в магазине), а в соответствии с системой неписанных законов (купить из-под прилавка). И фактически эти две системы социальных отношений находятся в постоянном противоречии. Но задача формальных документов, как уже говорилось, состоит в оптимизации системы социальных отношений в том направлении, чтобы они отвечали интересам людей и тем самым находились в тесной взаимосвязи с неписанными законами.

Социальный проект это, по существу, создание такой системы, такого пакета формальных предписаний, которые регулировали бы социальные отношения на конкретном предприятии и для решения конкретной задачи, отвечая интересам, потребностям каждого человека, всех социальных групп. Эта задача практически не разработана. Но зато имеется целая серия наработанных документов, которые по сути дела выполняют эти функции. Практика социального управления, и в том числе социологическая, показывает, что если эти документы правильно, грамотно разработаны, это может дать и большой социальный эффект.

Социопроект по сути дела представляет собой концептуальную разработку организации некоторой социальной общности. В этом плане социопроект, разработанный для всей системы, выражает закон поведения своих элементов. Так, если вышел приказ, запрещающий нарушать трудовую дисциплину и предписывающий беспрекословно слушаться начальство, то это положение выступает как некоторый общий закон, регулирующий поведение всех членов группы. Не выполняющий этот закон вынужден покинуть данную социальную общность. А поскольку человек может существовать в какой-то социальной сообщ-ности, и если при этом во всех социальных сообществах

приняты примерно одинаковые принципы регулирования социальных отношений, то он вынужден или принять эти законы и остаться, или постоянно менять социальные группы (например, переходить с работы на работу), или незаметно саботировать этот и другие не нравящиеся ему законы. Последнее делается постоянно, если закон сформулирован неправильно, не адекватен интересам членов социальной общности. Поэтому задача состоит в том, чтобы таким образом сформулировать социальные документы, регулирующие поведение членов группы, чтобы они были адекватны интересам людей, а значит, направлены на формирование объективного типа социальных отношений.

Здесь мы коснемся только некоторых положений, документы которых определяют ту или иную систему отношений в коллективе для решения определенной задачи. Весь комплекс документов, созданных в Лаборатории экспериментальной социологии, конечно, привести невозможно. Когда наши заказчики первый раз увидели этот том, они воскликнули: «Неужели все это надо прочитать?» Но внимательно ознакомившись с документами, они признали, что лучше принять эти документы и действовать по ним, чем выдумывать свои. Это быстрее, дешевле, главное, документы составлены грамотно.

Например, один из документов «Регулирование внутривоздушных перемещений» (об этой проблеме мы уже говорили выше, но в другом аспекте). До недавнего времени внутривоздушным перемещениям уделяли мало внимания. Более того, ему противодействовали, считая его серьезным недостатком в работе предприятия. Кроме того, начальник любого уровня считал, что если его работник хочет перейти в другое подразделение, это ставит под сомнение его как руководителя. (Иногда так и было). Несмотря на чинимые препятствия (особенно молодежи) внутривоздушным перемещениям, тем не менее оно осуществлялось но стихийным и неуправляемым образом, т. е. процесс внутривоздушных перемещений проходил чаще всего не в интересах предприятия, нес позиций решения им своих задач. Более того, ограничение таких перемещений отрицательно сказывается на всех социальных профессиональных процессах, а в конечном итоге, и на производительности труда. Иначе говоря, неписанные законы, а иногда и писанные (приказы и распоряжения, запрещавшие переход из одного подразделения в другое), строили такой тип отношений, который противоречил истинным потребностям работников. Тип отношений работника с руководителями регулировался (строился, определялся) таким образом, что они не отражали интересов ни работников, ни производства, а только интересы начальства, администрации, причем чаще всего их амбиции.

Более внимательно отнеслись к вопросу внутривоздушных перемещений, когда социологи показали, какое отрицательное воздействие оказывает это запрещение, в частности, на текучесть кадров. Выявилось, что чем ниже уровень внутривоздушных перемещений, тем выше внешняя текучесть кадров, и наоборот. Оказалось, что этот запрет значительно снижал уровень удовлетворенности работой, перспективы роста и пр.

Эта взаимосвязь не случайна. Например, жесткое закрепление молодых рабочих на определенном рабочем месте и за определенным коллективом изначально противоречит процессу их адаптации. Внутривоздушные перемещения сопровождают процесс поиска молодым рабочим своего рабочего места, своей специальности, профессии, квалификации и своей социальной общности. И если он не находит ни того, ни другого, то увольняется. Возможность внутривоздушных перемещений во многом облегчает этот поиск и ускоряет процесс адаптации. Внутривоздушные перемещения оказывают влияние на все категории трудящихся. В целом этот процесс необходимо

рассматривать широко, как включающий территориальное перемещение, профессиональное, квалификационное, должностное, по характеру работ и т. д. Процесс этот необходимо регулировать серией документов и, чем тщательнее и грамотнее они будут составлены, тем большего успеха можно ожидать в выполнении поставленных задач.

В сущности построение этой системы, закреплённой комплексом документов, начинается с приказа по предприятию, разрешающего внутривозвратские перемещения рабочих, обратившихся в отдел кадров с просьбой о переводе его в другое подразделение. Понятно, что процесс перевода необходимо проводить грамотно. Для этого разрабатывается специальная инструкция о порядке перевода рабочего с одного подразделения в другое. В этой инструкции решаются вопросы сроков перевода (как правило, в течение месяца), порядка смены профессии, специальности, характера работы, наличия свободных мест, согласия руководства и членов бригады, в которую он хочет перейти, анализируются причины перехода и пр. Здесь возникает целая гамма отношений, которые необходимо подгонять друг к другу, как детали. Не всегда это протекает гладко, но игнорирование этой проблемы приводит к негативным последствиям. Процесс подгонки этих социальных процессов друг к другу оказывается довольно сложным, но имеются различные формы и пути решения, которые так же регулируются какими-то положениями и документами.

Инструкцию предваряет общее положение о процессе перехода, хотя понятно, что здесь всегда остается большое поле деятельности неписанных законов, которые должны органично дополнять друг друга. Так, например, администрация и руководители низовых звеньев будут активно сопротивляться этому, равно как и отдел кадров, действуя по неписанным законам регулирования социальных отношений. В этом случае две системы регулирования социальных отношений вступают в противоречий, которое придется снимать другими методами, например, психологическим воздействием на руководителей в виде разъяснительной работы или изменением другой системы документов, например, грозного приказа, предписывающего обязательное выполнение с указанием кар для ослушивающихся, т. е. документа, регулирующего уже систему отношений «официальные — неофициальные законы».

В официальной системе регулирования производственных отношений в коллективе повсеместно говорилось, что рабочих надо активно привлекать к управлению производством. На деле в неофициальной системе хозяином производства он не был и не стал, по-прежнему выступая как наемный рабочий. Более того, это положение было закреплено в ряде новых официальных документов, скажем, регулирующих порядок взаимоотношений с администрацией. Действительно, о каком хозяине производства может идти речь, если рабочий еще в большей степени не информирован о деятельности администрации, не участвует в разработке плана, в определении заработка, премий, в подведении итогов работы и т.д. Та система отношений, которую ему навязывают сейчас не вызывает большого удовлетворения и он платит низкой трудовой активностью. Данная система отношений работает опять же только на интересы администрации.

Чтобы решить экономические и социальные задачи, следует изменить систему отношений, изменить ее сверху, пока это не сделали снизу, создать систему отношений, которая работала бы на интересы каждого человека и всего коллектива.

Социальное проектирование — это всегда и взгляд в некоторое будущее, как правило, ближайшее. Парадокс заключается в том, что человек в этом случае всегда

планирует свое прошлое. Создавая концепцию своего развития, определяя свои цели и задачи и соответственно, свое будущее, человек планирует иметь в будущем то, чего ему не хватало вчера и что ему хочется иметь в настоящем. Если в недалеком будущем мы планируем для каждой семьи отдельную квартиру с удобствами, плюс садовый участок с дачей, то это именно то, чего нам не хватает сегодня. Осознание и определение того, чего нам сегодня не хватает или того, что нам хотелось бы иметь в настоящем, это есть наше концептуальное представление, которое было выработано и заложено в нашем сознании в некотором прошлом. Наше представление, наше сознание и осознание настоящего и того, чего нам хотелось бы иметь в будущем, все это было заложено намного раньше, в пору нашего становления как личности, как общественного существа. И мы можем мечтать сколько угодно, но будем это делать всегда только в рамках нашего прошлого знания.

Самое трагичное заключается в том, что чаще всего оказывается, что прошлое нам не нужно в будущем, более того, оно оказывается вредным. Получается, что осуществив то, о чем мечтали, потратив на это много сил и средств убеждаемся в том, что это не то, несовременно, плохо и никуда не годится. Вспомним пятиэтажки, квартиры с совмещенным санузелом, многоквартирные дома в селах, разрушенные деревни, стремленные сибирские города. Таким же образом мы строили и наше общество развитого или, как теперь, говорят недоразвитого социализма, образцовый город коммунистического будущего, систему политических отношений. На поверку все это оказалось неадекватными действительности. Но все это, прежде чем осуществиться, пребывало в головах людей. Оно было спроектировано. Но если я ошибся в выборе костюма, т. е. купил тот костюм, который мне показался хорошим, но оказался неудобным, беда небольшая. Даже для меня это не трагедия. Если я спроектировал дом, а построив, убедился, что он совсем не приспособлен для жизни, это намного хуже, но все же не смертельно. Но если мы спроектировали и построили новый город, который полностью не соответствует потребностям людей, а если такими городами полна Сибирь, это превращается в национальную трагедию.

Пример с городами приведен, потому, что он нагляден. Имеются более существенные социальные области бытия, которые, если их правильно не спроектировать, окажут на будущее непредсказуемое влияние. Должен быть социальный проект общества, будущего общества, в котором будут жить наши потомки. Понесем ли мы в завтра наше прошлое или попытаемся представить его отличным и от прошлого, и от настоящего. Все зависит от того, какие люди будут этим заниматься и будут ли вообще заниматься. Во всяком случае, сегодня проекты будущего прогностической проработки, в частности социологической, не проходят.

Неопределенность социальных проектов сегодня настолько велика, что практически ни по одному из них невозможно сказать, каковы будут его социальные последствия. Неужели мы обречены и дальше, только когда событие уже совершится, узнать, был ли его проект удачным? Как сделать наши социальные проекты гарантированными?

Проектирование различных объектов это, прежде всего, проектирование определенных социальных отношений. Но, проектируя определенные социальные отношения, мы одновременно проектируем социальное бытие во всех его материальных и нематериальных формах. Будущего в его физическом смысле не существует и предугадать его невозможно, его нельзя вычислить. Но есть типы социальных отношений, которые могут иметь место в будущем. Поэтому предметом социального проектирования является не будущее как таковое, а современные типы социальных отношений. В этом плане

социология занимается изучением не будущего, даже вероятностного, а изучением системы отношений людей по отношению к будущему. Поэтому, если мы говорим, что прогнозирование — это «вероятностное суждение о состоянии какого-либо явления в будущем»³⁵, то речь идет не о состоянии, а о суждении или о системе отношений, что является предметом социологии и объектом социального проектирования.

Когда мы строим планы относительно того в каких домах, в каких квартирах будем жить, какие города строить и закладываем их проект, мы вступаем друг с другом в определенные отношения и, соответственно, вырабатываем некоторые представления о нашем будущем, о наших квартирах, о наших городах или нашем обществе. Изучая эти типы социальных отношений, выявляя те, которые в наибольшей степени соответствуют интересам людей, можно с некоторым основанием предполагать, что они будут адекватны будущему обществу, хотя понятно, полной гарантии дать нельзя. Именно поэтому социальному проектированию необходимо уделить самое пристальное внимание.

Если мы не сделаем этого, мы опять будем проектировать и планировать сегодняшний тип наших социальных отношений и наше прошлое, независимо от того, хорошим или плохим оно было, будет хватать нас и тащить назад. Только поняв всю важность социального проектирования и его изначальную сущность, поняв природу социальных отношений, которые сложились вчера и действуют сегодня, рассмотрев результаты этих отношений, можно в какой-то степени предугадать и будущее.

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Когда в обществе не все в порядке, возрастает социальная напряженность, проявляющаяся в различных формах: люди плохо работают, спонтанно возникают забастовки, растет преступность. Еще недавно не было принято говорить о социальном напряжении, в активном обиходе даже не было такого термина. Казалось, все ограничивались у нас конфликтами, и то на уровне коммунальных квартир и малых групп. Больше писали о социальном благополучии, полном взаимопонимании и стремились к бесконфликтному обществу. Это не значит, что не было социального напряжения. Его просто убрали подальше с глаз. Но оно проявлялось в самых неожиданных местах, и не редко, косвенным образом. Сегодня мы много об этом говорим и удивляемся, откуда все это взялось? Иной раз даже появляется ностальгия по тем временам, когда напряженности как будто не было, когда ее не хотели видеть.

Сейчас проблема социальной напряженности стала весьма актуальна. Во всем мире идет постоянный поиск форм и путей снятия напряжения между группами и группировками, государствами и партиями, обществом и правительствами. Борьба идет с переменным успехом и есть подозрение, что напряженность и разрядка существовать друг без друга не могут. Наиболее острой стала проблема конфликтности между группой руководителей и управляемой ею совокупностью людей. В системе управления производственными коллективами разрабатываются и применяются десятки и сотни различных приемов и ухищрений, чтобы если не снять ее полностью, то по мере возможности, хотя бы смягчить. Взаимная ответственность рабочих и администрации перед общими задачами, совместное управление предприятием и активное привлечение к

³⁵ Философский энциклопедический словарь.— М.: Советская энциклопедия, 1983.— С. 753.

управлению производством и пр. — все это формы установлены гармоничного мира на предприятии.

В принципе, напряженность между различными группами работающих и, в первую очередь, между группами управляющих и управляемых, есть такой феномен, который существует объективно и избавиться от которого вряд ли возможно и необходимо. Но различия, существующие объективно, могут в определенных ситуациях превращаться в большую социальную напряженность и конфликтность. Поэтому задача состоит не в том, чтобы устранить социальную напряженность, конфликтность полностью, а в том, чтобы изменить систему социальных отношений, изменить ситуацию, вызвавшую повышенную напряженность. Если не сделать этого, то различие приводит к конфликту, а последний перерастает в противоречие, нередко антагонистическое. Регулирование социальных отношений может в значительной степени смягчать социальную напряженность или хотя бы не доводить ее до противоречий, тем более бескомпромиссных, деструктивных и тем обеспечивать развитие социальной общности.

Напряженность между различными социальными группами некоторой социальной общности, в частности, между администрацией и коллективом, может быть обусловлено различными причинами, но прежде всего тем, что интересы этих сотрудничающих групп могут не совпадать, и чем больше они разнятся, тем большее напряжение возникает между ними. Социальная напряженность возникает, как правило, в таких группах, которые находятся в иерархической системе подчинения, когда одна группа имеет возможность оказывать воздействие на другую группу. Если, например, концепция развития администрации предприятия не совпадает с интересами коллектива рабочих, то возникает социальная напряженность.

Напряженность чаще всего возникает между группами внутри общей для них социальной общности, объединяемых общей деятельностью, скажем, совместной работой, общей территорией проживания и пр. Конфликтные ситуации возникают тогда, когда люди вынуждены контактировать друг с другом. Конфликты, возникшие в условиях, когда люди могут разойтись, как правило, не имеют продолжения. Если вам не нравится человек, с которым вы познакомились и у вас с ним нет ограничительных рамок, вы можете не поддерживать с ним отношений и спокойно разойтись, даже оставаясь приятелями. Но если появляются ограничительные рамки, возникшие антипатии расцветают самым пышным цветом. Конфликты разгораятся чаще всего в условиях жесткой регламентации деятельности людей и социальных групп. Например, в семье, если супруги не могут разойтись из-за жилищных условий, прописки, имущества, детей, в производственных коллективах, когда работникам трудно найти другую работу, на полярных станциях, в коммунальных квартирах и пр. Именно такие конфликты приобретают эмоциональную окраску, привлекая внимание различных исследователей, в том числе, социологов и психологов. Понятно, что конфликты, возникающие в очередях, на улицах, в транспорте, имеют другой характер, чем в коммунальной квартире.

Социальная напряженность возникает и в результате борьбы нового со старым, борьба новой прогрессивной концепции развития общности и старой концепции. Противоречие между ними существует объективно. Официальная концепция всегда консервативна и представляет собой прошлый опыт развития данной социальной общности, а новая концепция всегда актуальна. Но если официальная концепция слишком долго не меняется, то объективное противоречие, являющееся необходимым

условием прогрессивного развития общности, превращается в свою противоположность, конфликт и в деструктивное явление.

Социологи, сами того не замечая, исследовали довольно интересное явление, а именно взаимодействие неофициальной и официальной структур социальных отношений. При этом возникало множество парадоксальных моментов. Так, изучая официальную концепцию социального развития какой-то группы респондентов, социологи с необходимостью выходили на неофициальную систему отношений и показывали их различие, нередко вопреки своему желанию. Это было неизбежно, ибо как официальная, так и неофициальная системы отношений, по существу оперировали одними и теми же показателями. Обращаясь к мнению респондентов, социологи получали, что эта официальная система социальных отношений оказывалась или не верной, или уже не существующей, или весьма серьезно трансформированной, хотя конечно, некоторые из них оказывались вполне работоспособными. С опытом проведения исследований, социологи научились довольно хорошо различать действующие концепции социального развития и типы отношений и не действующие, научились строить и свои собственные концепции социальных отношений, которые уже брались, как говорится из жизни, а не выдумывались из учебника по научному коммунизму. Естественно социологи при этом неминуемо входили в противоречие с официально существующими декларируемыми концепциями социальных отношений. Если это касалось узких аспектов социальной действительности, локальных производственных отношений, то это прощалось. Если это касалось основных концепций развития общества или больших социальных групп, особенно правящих, следовало серьезное наказание.

Используя специальную систему социальных показателей, оценивающих различные стороны деятельности администрации и коллектива (без руководителей), можно с достаточной точностью определить уровень социальной напряженности на предприятии.

Ниже приводится общая шкала (один из вариантов), оценивающая уровень социальной напряженности больших социальных общностей.

1,00 — максимальный уровень социальной напряженности, выражающийся, как правило, в явном и демонстративном отказе от работы и даже применении насильственных мер против противоположной стороны.

0,800 — демонстрации, забастовки, выступления, призывы и пр., в принципе носящие компромиссный характер.

0,600 — неявная демонстрация конфликта. В этом случае, как правило, происходит массовое невыполнение производственных заданий, возрастает брак в работе, имеется довольно большое количество нарушений дисциплины и пр.

Понятно, что при этих первых или вернее, последних стадиях конфликтности, работа предприятия практически парализована.

0,400 — скрытая напряженность. Выражается в низком уровне общей удовлетворенности работой, открытых высказываниях против решений администрации, негативном обсуждении ее действий, предприятие в этом случае не может хорошо работать и становится нерентабельным.

0,300 — производственные задания в целом выполняются, брак в работе небольшой, внешнего проявления неудовлетворенности работой и администрацией не имеется.

0,200—0,150 — предельно низкий уровень напряженности. В этом случае предприятие работает оптимально.

Проведенные нами социологические исследования показывают, что сегодня как на предприятиях, так и в обществе в целом имеется довольно высокий уровень социальной напряженности, и равен он примерно 0,450—0,650 баллов.

Как я уже говорил, в последнее время стали много писать о социальной напряженности, но если не пытаться выявить корень, причину социальной напряженности, то авторы могут ограничить себя и читателей описанием частных аспектов. Безусловно причину любой социальной напряженности необходимо искать в социальных классовых отношениях, о чем постоянно говорили классики марксизма-ленинизма и от чего мы отказались за годы советской власти напрочь³⁶. Более того, сегодня стало даже неприлично говорить о классовых отношениях, хотя, как и всегда, социальная напряженность в стране порождена противоречиями между системами отношений больших групп людей, имеющих различное социально-экономическое и политическое положение в обществе. И только анализируя социально-классовые отношения в обществе, можно найти причину социальной напряженности. Непонимание этого, осознанный или не осознанный уход от поисков истинных причин не оставляет никаких перспектив на перестройку общества на истинно демократических началах. Более того, эти противоречия постоянно будут усугубляться и к чему это приведет трудно предугадать, история человечества дает этому немало примеров. В конечном итоге общество разрешит это противоречие, но обойтись это может дорого.

Надо обладать высоким уровнем культуры и ответственности перед будущим обществом, чтобы смочь подняться над своими личными и классовыми интересами, понять основную тенденцию развития общества и, поступившись нередко с собственными интересами и интересами своего класса, суметь выработать, принять и провести в жизнь такие решения, которые работали бы на интересы всего народа, на интересы настоящего и будущего общества. Только в этом случае мы заслужим благодарность потомков.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Мы много говорим о регулировании социальных отношений, об управлении социальными процессами, выработке оптимальных социальных решений и т. д. Но существует целая серия очень трудных вопросов, которые, к сожалению, не получили своего разрешения. Что такое регулирование? Рада чего оно осуществляется? Кто должен регулировать отношения? Нужно ли их регулировать? Из-за слабого развития социологии и науки об управлении, которая долгое время понималась как волюнтаристское управление, эти вопросы не только не ставились, но даже не подразумевались. И сегодня процесс управления обычно решается весьма примитивно, с позиции возможного и обязательного его регулирования.

Мы недооцениваем роль социального регулирования на уровне общества и всегда подходим к этому делу как к некоторому благу. Хотя само понятие социального регулирования еще далеко неопределенно, но уже сегодня можно говорить о том, что это не простое дело и не всегда с известными результатами. По всей видимости, есть определенные рамки реального вмешательства в социальные процессы, за пределами которых наступают непредсказуемые последствия. «Аксиомой современного

³⁶ Здесь я специально не говорю о биологической [предрасположенности людей к конфликтам, например](#), из-за их высокого уровня агрессивности.

экологического сознания стала мысль о том, что к процессам, происходящим в природе, к природным системам надо подходить с крайней осторожностью, помня, что радикальное вмешательство в них приводит к катастрофическим или во всяком случае непредсказуемым результатам. Не следует ли социальному и историческому сознанию подняться на этот же уровень? Согласно марксистской теории, общественное развитие есть естественно исторический процесс более сложный, чем природные процессы. И системы, задействованные в нем, так же гораздо сложнее природных систем. Не логично ли заключить, что к ходу развития общества и саморегулированию социально-экономических механизмов следует относиться с еще большей осторожностью, чем к процессам, происходящим в природе? Быть может, роль человека в истории должна, в частности, заключаться в осознании и осуществлении этой истины? Исторический опыт свидетельствует, что попытки глобальных трансформаций, неизбежно основанные на учете лишь небольшой части бесчисленного множества связей, а иногда и на чистом энтузиазме или фанатизме, приводят, как правило, к самым неожиданным, нередко негативным результатам»³⁷.

Сегодня мы можем привести примеров необдуманного вмешательства в те или иные аспекты социальной жизни, например, в жизнь деревни, последствия которой хорошо известны.

Изучение социальных отношений показало, что, познав законы социальных отношений, можно решать многие жизненно важные проблемы, решать довольно успешно, во всяком случае, с точки зрения осуществления производственных задач. Естественно, возникают предложения и желание, что если познать эти законы на глобальном уровне, то можно решать самые сложные проблемы и задачи общества.

Но система управления поставила и другие проблемы. Оказывается, управление может протекать по различным принципам, с различными исходными посылками и с различными задачами. Усложнение системы управления показало не только необходимость управления, но и необходимость понимания основных принципов управления и регулирования социальных отношений.

Мы долго понимали управление только на уровне командования. И мы видим к каким печальным последствиям это привело. Можно представить к каким неожиданным социальным последствиям может привести расширение арсенала средств управления, познания глубинных законов протекания и развития социальных отношений.

Сегодня социологи научились регулировать социальные отношения только на микроуровне. Но чем больше человек знает и в этой области, тем опаснее становится эта наука. Перед учеными, в том числе перед социологами, уже стоит эта проблема и с каждым новым успехом она будет приобретать все большее значение. Кто знает, каким мощным инструментом в социальном регулировании уже не только малых, но и больших групп и всего общества в целом это может стать. Кто будет использовать это оружие? Кто будет его направлять? В чьих интересах оно будет использовано? Не встанет ли в обществе в отдаленном будущем, а может быть, и не столь отдаленном, та проблема, которая сегодня стоит перед учеными и правительствами всех стран — угроза атомного оружия? Не окажется ли разработанная система социального регулирования страшнее, чем атомное, водородное, химическое и какое-нибудь другое оружие?

³⁷ Эфиров С. А. Стереотипы критики и критика стереотипов. // Социологические исследования. — 1988. — №1 — С. 91.

Достижения науки могут быть использованы по-разному, в том числе, и во вред человеку и человечеству. Но открытия науки — это обогащение культуры, это и путь к сохранению человечества. И человечество, наверное долго, если не всегда, будет балансировать на этой грани: соотношение культуры и использование достижений науки на благо или во вред обществу. При высоком уровне культуры достижения науки, ее открытия будут использованы во благо человечества, при низком уровне культуры они могут быть использованы во вред человечеству. Здесь важно равновесие.

Мир социальных отношений удивителен и необычен, удивителен своей необычностью и необычен своей удивительностью. Мир социальных отношений чрезвычайно сложен и противоречив, часто парадоксален. Но все эти парадоксы и противоречия являются парадоксами и противоречиями только нашего знания и незнания, нашей неполной и приблизительной теории социальных отношений, но не самой природы, не самих социальных отношений.

Москва, 1993 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Глава I. ОБЩЕСТВУ НЕОБХОДИМО СВОЕ ЗЕРКАЛО 4 Выдуманый мир кривого зеркала4 Социологический бум

Общество в зеркале социологии Трудная задача социологии
12 18

Новые подходы к прошлым дискуссиям Наука, которая оказывается всем нужна В поисках своего предмета

Концепция «перестройки» и перестройка концепций 20 Глава II. КРИЗИС СОЦИОЛОГИИ ИЛИ ЕЕ ПОДЪЕМ? 25

Юбилей поисков и проблем25 30 40 46 50 53

Исследовать можно только то, что известно 55 Глава III. СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ

ОТНОШЕНИЙ59

62

Новые акценты в старых проблемах Какое общество изучает социология?

Если человек в чем-то преуспел — это означает, что прежде всего он преуспел в человеческих отношениях

Нет плохих людей — есть плохие отношения, или некоторые размышления о природе социальных отношений69 Атомарный статус субъектно-объектных отношений. Характер образования и функционирования социальных отношений

.....72 Типы социальных отношений75 Кто же изучает социальные отношения 82

Глава IV. СОЦИОЛОГИЯ КАК ФОРМАЛИЗОВАННЫЙ

МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ Методическая социология

Проблема очевидности и очевидность проблемы Взаимосвязь явлений и явление
взаимосвязи . Дисплейная игра в третий лишний

85 85 89 93 97

Глава V. ЧТО ЖЕ МОЖЕТ СОЦИОЛОГИЯ? Социология как метод получения
информации Социологическая проверка документов Социальная диагностика Социальное
моделирование

Социальное проектирование

.104 .104 113 116 128 132

Исследование социальной напряженности Вместо заключения

.144 149

Л. Я. Аверьянов СОЦИОЛОГИЯ: ЧТО ОНА ЗНАЕТ И МОЖЕТ

Сдано в набор 22. 01. 1993 г. Подписано в печать 22. 02. 1993 г. Формат 60x90/16.

Печать офсетная. Бумага дм множ. аппаратов. Усл. печ. л. 9,50. Усл. кр. отг. 9,88. Тираж
1000 экз. Цена договорная. Заказ № 52

ЦНИЭИуголь. Типография. Москва, 103012, пр. Сапунова, д. 13/15